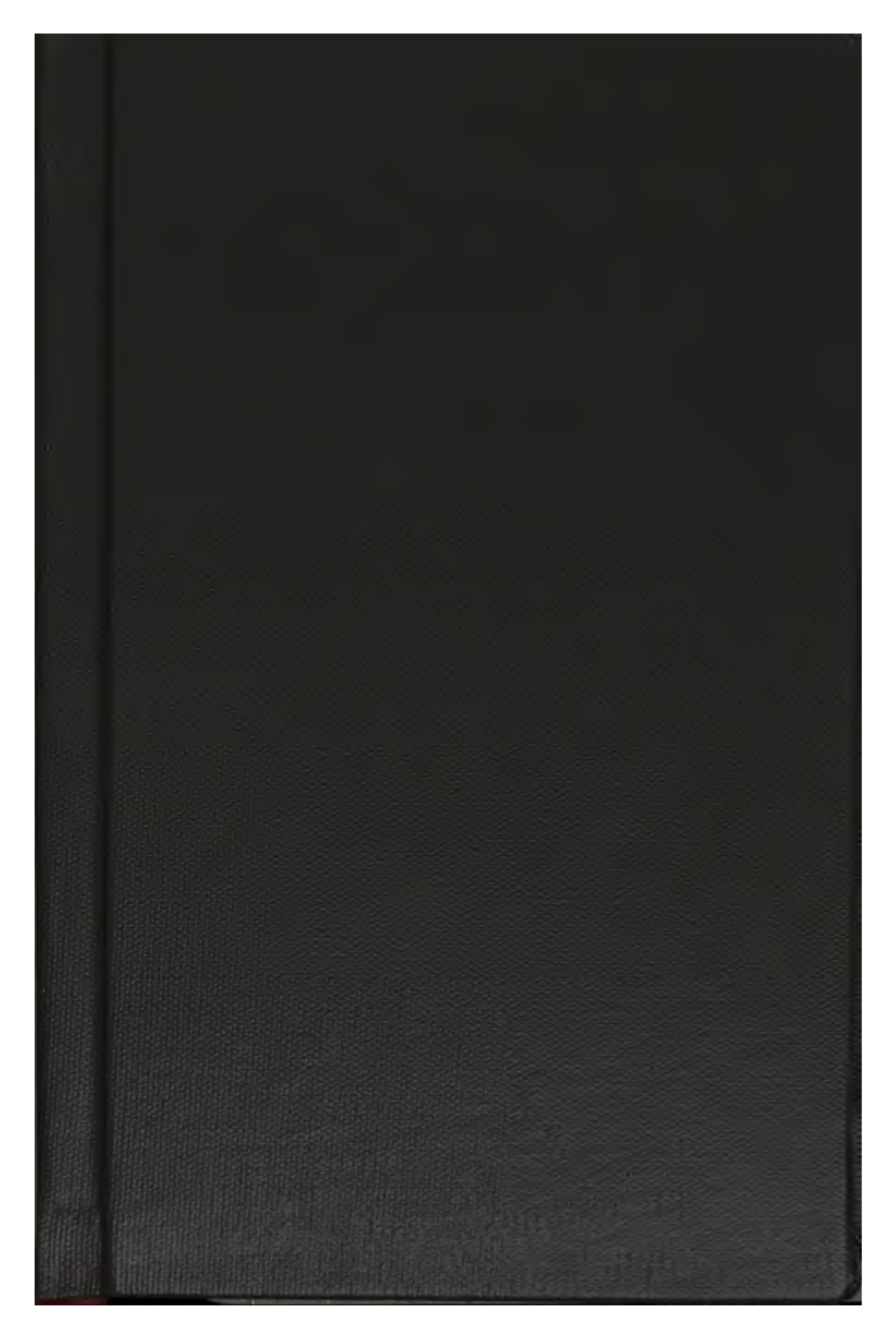

И. А. ХУДЯКОВА

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I. Смерть Святогора и Ильи Муромца.
II. Два сибирскихъ заговора.
III. Народныя стихотворенія противъ взяточничества.
IV. Ночь на Ивана Купалу.
V. Народныя предсказанія объ урожаѣ.
VI. Воденьчаръ (Болгарская сказка).
VII. Сербскія сказки А. Николича.
VIII. Образцы финскихъ сказокъ (переводъ).

Цѣна 50 коп. сер.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15., кв. № 3.
1863.

И. А. ХУДЯКОВА

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Цѣна 50 коп. сер.

Санктпетербургъ.

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, д. барона Фредерикса № 15., кв. № 3.

1863.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 16 Сентября 1862 г.

I.

Смерть Святогора и Ильи Муромца.

Всѣ части народнаго эпоса, т. е. сказки, легенды, пѣсни, загадки и пр., стоятъ въ тѣсной связи между собою и потому при изученіи одной изъ этихъ частей необходимо изученіе другой. Такъ, напримѣръ, изученіе нашихъ былинъ не мыслимо безъ изученія сказокъ.

Поразительное сходство чистонародныхъ сказокъ индоевропейцевъ привело многихъ къ тому убѣжденію, что онѣ произошли въ тѣ времена, когда предки индоевропейцевъ составляли одинъ народъ, Арійцевъ. Какъ бы то ни было, произошли ли онѣ въ арійскую эпоху и развились у каждаго народа изъ общаго отцовскаго достоянія; образовались ли и развились ли онѣ у каждаго индоевропейскаго народа независимо отъ другаго вслѣдствіе одинаковости впечатлѣній и законовъ психологическаго развитія народовъ; перешли ли многія изъ нихъ отъ одного индоевропейскаго народа къ другому — какъ бы то ни было, несомнѣнно, что онѣ образовались въ доисторическія времена. Это была эпоха, когда человѣкъ еще не отдѣлялъ себя отъ внѣшней природы, среди которой онъ жилъ; эпоха, когда органы, принимающіе впечатлѣніе, смѣшивались съ предметами, производящими впечатлѣніе. Напримѣръ, слова *слухъ* (извѣстіе), *послушествовать* (разсказывать) значитъ производить

впечатлѣніе и *слухъ, слушать* — принимать впечатлѣнія имѣютъ одинъ корень; *заря*, *зоръ* (свѣтъ) и *зрѣть*, *зрѣніе* (принимать впечатлѣнія свѣта) имѣютъ тоже одинъ корень; слово *глядѣть* (принимать впечатлѣнія свѣта) употребляется иногда въ смыслѣ *свѣтить* (мѣсяцъ *обглядится*). Общеизвѣстно мнѣніе Грековъ о томъ, что свѣтъ происходитъ отъ глазъ. То была эпоха, когда для человѣка не было *законовъ*, а все видимое имъ въ природѣ онъ представлялъ себѣ движущимся по свободной волѣ. Онъ не зналъ своего рѣзкаго различія отъ животныхъ, растеній и даже камней, потому что ему не казались невозможными обращенія людей въ камни и деревья; онъ считалъ естественнымъ преданіе о томъ, что деревья ходятъ; онъ былъ убѣжденъ, что птицы, даже деревья могутъ говорить ([1]). Даже въ средніе вѣка языкъ птицъ называли латинскимъ (т. е. непонятнымъ) языкомъ. Одна нѣмецкая сказка наивно увѣряетъ, что въ то время, когда случилось происшествіе: hatten auch die Vögel ihre eigene Sprache, die Jedermann verstand, jetzt lautet es nur wie Zwitschern, Kreischen und Pfeifen, und einigen wie Musik ohne Worte ([2]). То было время, когда не знали: встанетъ ли солнце? придетъ ли снова заря? будутъ ли силы ночи побѣждены богомъ свѣта? Такіе вопросы сохранились въ Ведахъ. Въ одной славянской сказкѣ герой идетъ спросить у Солнца, зачѣмъ оно до полудня все выше и

([1]) Въ Калужской губ. есть трава *рѣвунъ*, которая, по словамъ крестьянъ, *реветъ по зорямъ*. На Ивана Купалу деревья сходятся расказывать другъ другу свои богатырскіе подвиги.

([2]) Гриммовъ, № 171, стр. 342, т. 2. Сравни разговоръ птицъ у меня въ Великорусскихъ сказкахъ, в. 3, № 88 и № 116. По повѣріямъ Нѣмцевъ, in der Neujahrsnacht *sprechen die Kühe und Pferde mit einander* (См. Wolf. Beitr., т. 2, стр. 126). У Гримма въ сказкахъ герой учится: a) was die Hunde bellen, b) was die Vögel sprechen, c) was die Frösche quaken (т. I, стр. 201). Ср. *карканье* воронъ, а слово *гарканье*, значитъ человѣческій крикъ, громкій разговоръ. Ср. Neue Provinzialblätter, за 1846 годъ, v. Hagen und Mecklenburg, томъ I, стр. 437—457, Thiersprache.

выше восходитъ и все больше и больше грѣетъ, и отчего послѣ полудня все ниже и ниже спускается и грѣетъ все меньше и меньше? Солнце отвѣчаетъ: «эхъ, любезный! спроси ты своего господина, почему онъ послѣ рожденія все больше и больше растетъ и крѣпнетъ силой и почему онъ въ старости къ землѣ клонится и слабѣетъ. Тоже и со мной. Мать рождаетъ меня каждый день прекраснымъ дитятей и каждый день хоронитъ дряхлымъ старикомъ (¹)». И народъ разсказываетъ въ сказкахъ миѳы незамѣтно для самого себя точно также, какъ мы, говоря, что *«солнце встало»*, не замѣчаемъ, что эта фраза чистый миѳъ.

Какъ ни наивны вѣрованія этой эпохи, эта наивность естественна. Только путемъ тысящелѣтнихъ опытовъ, соображеній и совокупныхъ трудовъ множества поколѣній, мы дошли до настоящихъ научныхъ воззрѣній. А въ ту эпоху, когда человѣкъ впервые сталъ мыслить и наблюдать, онъ принималъ рѣки, горы, вѣтры, звѣзды, солнце, самый сводъ небесный за существа съ свободной волей, но только за высшія, за боговъ. Онъ со страхомъ и удивленіемъ наблюдалъ за ними такъ какъ отъ нихъ зависѣло его существованіе. Результатомъ наблюденій были миѳологическіе разсказы объ ихъ дѣлахъ, даже подражаніе ихъ дѣламъ (²). Такимъ образомъ составились миѳы и они суть не что иное, какъ разсказы объ явленіяхъ природы. Эти миѳы размножились вслѣдствіе гомонимовъ, которыми такъ изо-

(¹) См. Wenzig, Slawische Märchenschatz, стр. 38—9. Ср. Горація Carmen seculare: Alme *Sol* curru nitido diem qui Promis et celas, *aliusque* et *idem Nasceris* (9—11 стихъ). Ср. малорусскую сказку объ Ивасѣ, посланномъ спросить солнце, отчего оно перемѣняется три раза въ день. «Есть—отвѣчало солнце—въ морѣ Анастасія прекрасная: когда я взойду, она на меня брызнетъ водою—я застыжусь и покраснѣю; когда же я взойду на высоту и посмотрю на весь свѣтъ, мнѣ станетъ весело; а когда захожу—Анастасья опять брызнетъ на меня морскою водою и я опять покраснѣю» (Костомарова С. М., 29 стр.) Ср. мои Великорусскія сказки, в. 3 № 81 «Иванъ Вечерней Зори», № 108 «Луна и Звѣзда». Ср. В. К. србске п., т. 1, стр. 151—164.

(²) Объ этомъ мы надѣемся со временемъ поговорить подробнѣе.

являющаяся крылатымъ конемъ, который живетъ у Зевса и носитъ его молнію и громъ ([1]). Какъ бы то ни было, для насъ несомнѣнно то, что Илья Муромецъ есть низведенный въ богатыри русскій громовержецъ ([2]). Съ этимъ результатомъ мы приступимъ къ разъясненію преданія объ его смерти ([3]).

Близкій варіантъ къ этому преданію представляетъ смерть Святогора, сообщаемая прекрасной былиной г. Рыбникова (т. I, стр. 40—42). Близкій варіантъ къ былинѣ представляетъ сказка «Иванъ Косыревъ», помѣщенная въ 3-мъ выпускѣ моихъ Великорусскихъ сказокъ (№ 121), черезъ которую преданія о смерти Ильи и Святогора роднятся съ сказкою г. Аѳанасьева (вып. 2, № 6), гдѣ хотя и не повторяется мотивъ о смерти, но за то упоминаются имена Ильи Муромца, Алёши Поповича и Добрыни. Еще варіантъ представляетъ славянская сказка, записанная г. Гильфердингомъ ([4]).

Какъ Святогоръ, по былинѣ г. Рыбникова, такъ и Илья Муромецъ, по преданію сообщенному г. Безсоновымъ, умираютъ въ *гробу*. Признавая, что Илья Муромецъ замѣняетъ русскаго громовержца, мы тотчасъ же можемъ объяснить себѣ миѳологическое значеніе этого гроба, потому что этотъ же гробъ мы встрѣчаемъ въ великорусскихъ загадкахъ.

Гробъ пловетъ ([5]),

([1]) Preller, т. 1-й, перв. изд., стр. 78; т. 2, стр. 45—46.

([2]) Онъ соединяетъ въ себѣ многія черты Одина и Тора.

([3]) Пѣсни П. Кирѣевскаго: в. 1-й, примѣч., стр. XXXIV; Рыбникова т. I, стр. 119.

([4]) Этнографич. сб., в. V, стр. 115. Сравни повѣрье, что «колдуны ежеминутно повторяютъ передъ смертью: «возьми, возьми!», желая кому либо изъ окружающихъ передать подвластныхъ духовъ». (Воронежск. лит. сб., т. 1-й, стр. 382).

([5]) Ср. *гробъ*, *обитый обручами*, *плывущій* по морю; Аѳ, в. 2, стр. 121 перв. изд. «Страшась болѣе всего *громоваго* бога Кударчи и вѣря, что отъ него зависитъ плодородіе земли, Черемисы изображали его въ видѣ куклы, одѣтой въ мужское платье, и хранили ее въ *берестяномъ ящикѣ* (Соврем. Пушкина т. 2, стр. 184).

Мертвецъ реветъ (1),
Ладанъ пышетъ,
Свѣчи горятъ. *Туча, громъ, молнія* (2).

Или:

На полѣ Царынекомъ
Въ *дубу гробница*,
Въ *гробницѣ дѣвица*,
Огонь высѣкаетъ,
Сырую землю зажигаетъ. *Молнія* (3).

Гробница въ дубу напоминаетъ то, что *гробъ*, въ которомъ *умеръ* великанъ, дѣлается изъ *дубу* (Этногр. сб., в. V, стр. 115). Въ былинѣ г. Рыбникова Святогоръ *спитъ* подъ *дубомъ*, когда жена его входитъ въ связь съ Ильей Муромцемъ. Послѣднее напоминаетъ нѣсколько миѳъ о Зевсѣ и Семелѣ. Вообще всѣ элементы, которые народная вѣра находила въ грозѣ, играли у грековъ главную роль при свадебныхъ обрядахъ (4).

Сколько ни рубитъ мечъ кладенецъ (какъ Святогора, такъ и Ильи Муромца) гробъ, на немъ все больше и больше ростетъ обручей... Этотъ мечъ кладенецъ есть молнія. Потому-то онъ въ нѣкоторыхъ сказкахъ называется «ножъ кладенецъ, мечъ *самосѣкъ* (5)». Потому-то топоръ и дубинка, строющіе все *сами собою*, являются изъ *искры* вслѣд-

(1) Т. е. громко говоритъ.

Что *не громъ гремитъ*,
Говоритъ Илюшка своему батюшкѣ (Кир., в. 1, стр. 25)
Что не *двѣ грозны тучи* затучились,
Не двѣ *горы* вмѣстѣ сдвигалися:
Два богатыря (Илья М. и сокольничекъ) съѣзжалися (Кир., в. 4, стр. 15)
У Тугарина конь—*туча* черная,
Княженецкая рать (посланная съ Ильей М.) — *молоньа* свѣтлая (Кир., в. 1, 57 стр.).

(2) Мои Великор. загадки, № 623.

(3) Мои Великор. загадки, № 347.

(4) Der Ursprung d. Mythologie, Schwartz, стр. 24, 88, 129.

(5) Мои Великорусскія сказки, в. 1-й, № 3.

ствіе удара кремня объ огниво (1). Вспомнимъ, что и въ вышеприведенной загадкѣ дѣвица — Молнія *огонь высѣкаетъ*.

Мотивъ о богатырѣ, рубящемъ гробъ, на которомъ вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе ростутъ обручи, напоминаетъ другую былину г. Рыбникова о смерти Ильи Муромца (стр. 119, т. 1-й)... Въ этой былинѣ чѣмъ больше Илья рубитъ Татаръ, тѣмъ больше ихъ становится. Эта былина указываетъ на связь между преданіемъ о смерти Ильи Муромца и былиной о томъ, какъ перевелись витязи. Связь эта подтверждается и тѣмъ, что въ битвѣ съ силою участвуетъ Илья Муромецъ, Алёша Поповичъ и Добрыня, упоминаемые и въ преданьи о смерти Ильи, сообщенномъ г. Безсоновымъ.

Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ преданьи Илья Муромецъ дѣлаетъ завѣщаніе, куда поставить гробъ, и приказываетъ приходить *молиться на него*.

Разъясняя миѳическую сторону упомянутыхъ былинъ, мы оставляемъ тѣмъ самымъ изслѣдовать историкамъ ихъ историческій элементъ.

---

(1) Аѳан., в. 6, стр. 350. Молотъ Тора называется Miölnir, слово, соотвѣтствующее нашему слову *молнія*.

II.

Два сибирскихъ заговора.

---

1. Бѣжитъ бѣленькій зайка, ровно бѣлый ледъ; возлѣ бокъ стоитъ Илья пророкъ со двѣнадцатью слугами. «Слуги вы, слуги вѣрные! Положу на васъ службу не тяжелую: что возьмите вы по пруту желѣзному и сгоняйте вы съ Камы и Волги, съ чистаго поля, съ широкаго раздолья изъ-за сопокъ и съ горокъ въ NN ловушку-поставушку.»

2. Сталъ я рабъ божій, Савва, благословясь, пошелъ я перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, шелъ N... путемъ-дорогой подъ восточную сторону, подъ частыя звѣзды, подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, пошелъ я подъ океянъ море. Въ океянъ морѣ лежитъ богатырь (sic!) камень, на этомъ камнѣ живутъ три брата съ семидесятью семью вѣтрами—вѣтеръ, съ семидесятью семью вихрями вихорь. Подите же вы темными лѣсами, крутыми горами, быстрыми рѣками и студеными ключами, травами и муравами, лазоревыми цвѣтами и вложите же вы тоску тоскующую, плачъ плачующій, печаль неутолимую въ рабицу дѣвицу въ семьдесятъ семь жилъ и одну жилу, въ семьдесятъ семь суставовъ и одинъ суставъ, въ ретивое сердце, въ кровь горячую, въ печень легкую, въ кость могучую и какъ щука-рыба безъ воды жить не можетъ и умираетъ, такъ бы дѣвица Татьяна безъ меня раба

тать молитвы, взялъ ребенка въ руки, а онъ обернулся въ аржаной снопъ. Священникъ и бултыхъ его въ воду— окрестилъ снопъ и даетъ бабкѣ. Та взяла и снопъ опять обернулся въ дѣвочку. Дѣвочка эта и говоритъ человѣческимъ голосомъ: «счастье ваше, что вы не окрестили меня тогда, когда я была свѣчкой и рыбой. Когда бъ окрестили, когда я была свѣчкой, то отъ солнечнаго свѣта произошелъ бы моръ по всей землѣ—все бы духовенство съ причтомъ умерло; а когда бы окрестили, когда я была рыбой, то по всей землѣ былъ бы потопъ, а теперь будетъ по всей землѣ рожь да рожь». И изчезла».

Подобнаго рода разсказы нерѣдко повторяются въ разныхъ концахъ Руси. Такъ, напр., 28 февр. 1860 года въ Тобольскѣ разсказывали за только что случившееся происшествіе слѣдующее: «Ѣхали крестьяне мимо одного пустаго деревенскаго дома и слышатъ: въ домѣ крикъ.. Вотъ они остановились. Входятъ, видятъ: лежитъ головня. Посмотрѣли и пошли вонъ; и слышатъ крикъ: «окрестите меня!» Мужики ѣдутъ къ священнику, послали его въ этотъ домъ. Онъ приходитъ и видитъ головню: «что жь я тутъ буду крестить? Это головня!»—На другой день опять тотъ же крикъ: «окрестите меня!» Пришли крестьяне вмѣстѣ съ попомъ, видятъ: ледъ.. Попъ опять говоритъ: «что крестить лёдъ!»—На третій день опять крикъ; приходятъ, видятъ камень. И опять попъ не сталъ крестить. На четвертый день опять тотъ же крикъ; приходятъ крестьяне и видятъ: печеный хлѣбъ лежитъ. Попъ и говоритъ: «это можно окрестить: это даръ божій!» Перекрестилъ хлѣбъ, взялъ его подъ мышку, пошелъ изъ избы. Во слѣдъ ему голосъ: «мудрёный ты попъ! Хорошо что хлѣбъ окрестилъ. Если бъ окрестилъ головню, былъ бы пожаръ; еслибъ льдину, было бы наводненье; еслибъ камень, то былъ бы моръ. А то хлѣбъ окрестилъ, такъ будетъ урожайный годъ!»

VI.

Воденичарь.

(Болгарская сказка).

Имало единъ воденичарь, много простъ былъ. Дошла лесица та та му казува: искашъ ли да станешъ цари? А онъ рѣкалъ: «искамъ». А она му казала, що то ща дати, кажа да ме слушашъ. Да ми умесишъ една топла погача и една печена кокошка (курка) и една бжклица вино». И онъ ги приготви. Зема ги лесица-та и отиде на нѣкоя страна далеко на друго царство и каза на ца́ро та́мошніи: «честитый царю, допрати на Котанъ Бей, да му дадешъ твóй-та щéрка». А онъ каза̀: кой е тоя Котанъ Бей? Леси́ца-та му рѣкла: «онъ сѣди́ на кра́и земля и много богатъ и силенъ». Тогава казалъ царо: нека да дойде самъ да го вида и да му дамъ щерка-та си. Лесица-та стана дойде при воденчаро: «азъ направихъ работа со царо да ти даде дщера си, ама каза самъ: и ты да отедещь да те види». Отвѣща воденчаро: какъ щж̀ да ида, като самъ простъ?—А она каза: «за едно ще идеме и азъ ща те кажа, каквò да правемъ; само да ме слушашъ».—И така тржгнаха и доидоха близо до царскіо градъ и остави воденчаро на нѣкое мѣсто скришно; а сама пойде при царо и му казува: «честити царю! много ти здраве отъ нашіо Котанъ Бей да му дадешъ малко войска и единъ катъ царски дрѣхи и една хазона пары, за що ны срѣшнаха тумба пашалійцы съ голими главы като шиници та ни земаха сичко и войско та распждеха и Бейо саблекоха голъ, само со ѐдинъ голъ кажухъ и съ лико препасанъ.» И царо повѣрва и и даде сичко що то сака и отедоха да го доведатъ и като приближеха, отеде лесица-то по напредъ, его облече со царски-те дрѣхи и восѣдна на единъ хатъ та дойдоха до царски-те сарае, излѣзна царо и сичка та му фамилія да го посрѣшнатъ, а онъ се смая, като виде то-

лико калабалжкъ и зема да се обзржтя на самъ на тамъ и даси гледа дрѣхи-те. Царо попита лесица-то, за що се така обзржта? А она му рѣче: «за що (каже) неговы те дрѣхи бѣха много хубавы та затови». Царо каза да му донесатъ найхубавите дрѣхи. И тогава лесица-та му каза да се не обзржта, но да сѣди мждро. И послѣ правиха що правиха, даде му царо щерка си и други дарове много и тржгнаха да си идатъ. Воденчаро пыта лесица-та: дека ще да водиме царска-та щерки, въ воденица-та ли? и возджхна и рѣче: ахъ! какво ми направи, та ще да ма погубатъ послѣ!—А она му каза: «ты по мене ела и не бойся!» И отиде напреди сама на едно мѣсто пусто, дето живѣяха песоглавцы и имъ рѣче: «скоро ди бѣгате нѣкаде да се скрыете, за що иде потера по васъ да ви погубатъ». А они е питатъ: какво да правиме сега?—Имаше три копы сѣно тамо на двородъ тя имъ рѣче: «скрійтеся въ сѣно-то дори заминатъ». И како се скриха, она запали сѣно-то, та изгорѣха сички-те. И тогава посрѣшна свадба-та царска и ги заведе тамо въ тія сарае-и заселисе тамо много народъ и воденчáрь стана царь. Казува лесица-та на царо: «азъ та направихъ царь, а ты да ми давашъ таинъ на сѣкій день по една кокошка и топла погача и бжклица вино и девять педы душекъ». И по нѣколико дена сторисе лесица-та мржтва. Слуги те като е видѣха, казаха на царо; а онъ рече: като е умерла, хвани е за кракъ та насокакъ. А она хрппна на новѣ и рѣче: «така а! За кракъ та на сокакъ! А знаешъ ли че те азъ направихъ царь?» И послѣ онъ, що да прави? Качи и чордако по навысоко, и тако са примирехѣ.

Эта сказка записана для проф. Казанскаго унив. В. И. Григоровича, во время его путешествія по Турціи, монахомъ на Аѳонской горѣ. Сравни русскія сказки у Аѳанасьева, в. IV, № 11 и у меня Великорусскія сказки, в. 3, № 98. Замѣчательно, что здѣсь упомянуты «песоглавцы», Песьи главы древнихъ рукописей. Ср. также Contes des fées, стр. 37—45; Straparola № 10; Haltreich, № 13.

VII.

Сербскія сказки Николича.

Если мы, русскіе, благодаря дѣятельности Я. Гримма и его школы, можемъ подробно познакомиться съ нѣмецкой народной поэзіей и можемъ имѣть подъ руками множество нѣмецкихъ сказокъ и сагъ, то нельзя сказать, чтобъ мы могли похвалиться подробнымъ знаніемъ славянскихъ сказокъ. Для Поляковъ мы имѣемъ только Войцицкаго и то плохо издавшаго нѣсколько польскихъ сказокъ. Кромѣ того недавно напечатаны Гильфердингомъ сказки Кашубовъ въ Этнограф. сборникѣ, вып. V, 1862, стр. 90—110 и далѣе. Народные чешскіе сказки Малиновскаго, всего 7. сказокъ, (Zeitschrift für deutsche Myth. und Sittenkunde v. Wolf, 2 томъ, 3 heft, стр. 435 и далѣе). Для Лужичанъ только шестнадцать номеровъ въ изданіи Хаупта и Смоляра (Haupt und Schmaler, Volkslieder in Ober-und Unterlausitz). Для Чеховъ сборникъ Венжига и маловажную книженку Микшича (Mikssič, Pohadky a powidky lidu morawského, Brne, 1847). Нѣсколько славянскихъ сказокъ въ Slawische Bibliotheck, Miklosic und Fiedler, т. 2.—Для Болгаръ только три легенды въ 1-й книгѣ Каравеловѣ (Памятники быта Болгаръ. М. 1861 г.), который обѣщаетъ впрочемъ скоро издать цѣлый сборникъ болгарскихъ сказокъ. Для Сербовъ сборникъ Вука Караджича. Вотъ и все, чѣмъ пользуются наши ученые. При такой бѣдности источниковъ, мнѣ кажется будетъ не

2

безполезнымъ, если я обращу вниманіе изслѣдователей на книгу: Народне србске приповедке, скупіо и на светъ издао Анастасіє Николићъ. *Прва* свезка. У Бѣограду 1842. Объ этой книгѣ не упоминаетъ ни г. Аѳанасьевъ, ни г. Пыпинъ, ни г. Буслаевъ, ни даже братья Гриммы въ своемъ подробномъ регистрѣ изданій по сказкамъ. Былъ ли другой выпускъ этой книги, намъ неизвѣстно; мы пользовались ей изъ библіотеки В. И. Григоровича, вывезшаго ее во время своего путешествія. Сказки, изданныя А. Николичемъ, собраны отчасти имъ самимъ, отчасти его сотрудниками; и такъ какъ онѣ будутъ новы для ученыхъ, то мы и рѣшились, изложивъ сперва вкратцѣ содержаніе ихъ, сказать о нихъ нѣсколько словъ. Приводя нѣкоторыя мѣста въ подлинникѣ, мы держались той же орѳографіи, какъ и Николићъ.

Народне србске приповедке.

1. **Ко тта чини, све себи.** Случилось, что одинъ правдивый столяръ (дунђеринъ), поднимая строевый матеріалъ на одинъ домъ, упалъ и, когда его разбитаго несли домой, многіе шептались между собой: «то му є правда дала». Нѣкоторые смѣялись и только немногіе соболѣзновали. Отъ долгой болѣзни, при шестерыхъ маленькихъ дѣтяхъ, лишившись ноги, онъ окончательно обѣднѣлъ. Когда онъ обращался къ кому нибудь съ просьбой о помощи, всѣ отъ него отвертывались, даже и тѣ, которымъ онъ самъ прежде помогалъ. Однажды вечеромъ, когда дѣти начали кричать тъ голода, онъ не могъ удержаться, чтобъ самому невольно не оплакать свое безпомощное состоянье и рѣшился идти испытать счастья. На другой день поздно вечеромъ былъ онъ передъ домомъ своего кума. «Добро вече!» сказалъ онъ. Кумъ едва отвѣчалъ сквозь зубы. Однако бѣдный

столяръ переночевалъ у него и утромъ отправился дальше; шелъ, шелъ, взошелъ на гору, откуда можно было видѣть цѣлую страну. «Ей светый Саво, Божій угодниче!—сказалъ онъ—буди моіой деци у помоћи». На эти рѣчи явился къ нему св. Савва и сказалъ: «стой, бѣдниче; твоя є молитва услышана; казуй, куда си залутао». Столяръ разсказываетъ цѣль своего пути. На это отвѣчаетъ ему св. Савва: «врати се твоима децама натрагъ и понеси ову врећу жита кући, она ће ти довольна быти, да децу твою одранити можешъ: еръ колико годъ ты одграбишь изъ нѣ, толико ће се опетъ допунити, и никода є изпраднити нећешъ». И при этихъ словахъ нестало Саввы. Столяръ отправился домой. На дорогѣ опять зашелъ къ куму. Кумъ, видя его съ житомъ, принялъ его съ радостью и началъ распрашивать его. Тотъ простосердечно разсказалъ все. Кумъ угостилъ его и тотъ уснулъ. Тогда кумъ взялъ свой мѣшокъ, похожій на его, наполнилъ его житомъ. Столяровскій отнесъ къ себѣ въ амбаръ; а свой поставилъ ему. На другой день кумъ на дорогу прекрасно угостилъ столяра и подарилъ ему погачъ (лепешку). Съ радостью встрѣтила столяра его семья. Но скоро, къ прискорбію, замѣтили, что въ мѣшкѣ не пополнялось то, что брали оттуда.

Тогда столяръ снова отправляется на туже гору, на дорогѣ онъ опять переночевалъ у кума. Потомъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ ему являлся св. Савва; призвалъ святителя на помощь и разсказалъ ему все. Св. Савва далъ ему кошелекъ дукатовъ, говоря: «ево ти ова кесса дуката, иди па купуй за ове новце себи ране (пропитанье) и што ти треба, вальда ћешъ са овима болѣ знати поступати, знай, да се тій дукати нигда потрошити не могу; єръ колико одвадишъ, толико ће се опетъ одъ себѣ допунити.» И при этомъ не стало святителя. Столяръ пошелъ домой, зашелъ къ куму похвалиться подаркомъ; напившись и наѣвшись, онъ показалъ куму кошелекъ и легъ спать. Тогда кумъ отыскалъ такой же кошелекъ свой, наполнилъ дукатами — и подмѣнилъ его кошелекъ: свой положилъ вмѣ-

сто его; а его спряталъ къ себѣ. Столяръ весело приходитъ домой; но скоро опять настало разочарованье.

Тогда снова отправляется онъ на тоже мѣсто и опять на дорогѣ переночевалъ у кума. Дошелъ онъ до урочнаго мѣста и сталъ молиться Саввѣ. На его слова явился св. Савва и срдитымъ гласомъ говораше: «я самъ тоби у помоћи быо, но видимъ, да ты добротворства моя не знашь цѣнити и уважити, и тако видећи да си ты батина а за батину ништа нiє него батина, ева ти ова батина и ако ти та не помогне, ништа ти друго помоћи не може.» Скрылся святитель; и отправился назадъ съ дубинкой опечаленный столяръ. Кумъ съ радостью встрѣчаетъ его; тотъ печально разсказываетъ ему обо всемъ. Хитрый кумъ думалъ, что эта дубинка съ невидимой силой, которую только не хотѣлъ святитель показать, захотѣлъ подмѣнить и ее. Ночью, когда столяръ заснулъ, и кумъ дотронулся къ дубинкѣ, она начала его бить вдоль и поперегъ. Столяръ проснулся отъ шума и кумъ, видя что пожалуй дубинка совсѣмъ убьетъ его, признался столяру во всемъ. И дубинка тотчасъ же перестала бить его. А столяръ не утерпѣлъ и сказалъ свою любимую поговорку: ко шта чини, све себи; взялъ мѣшокъ съ житомъ, кошель съ дукатами и отправился домой.

(Крагуевацъ).

2. Невиность Богъ чува. У одного царя была очень красивая дочь на выданьѣ (на удаю). Однажды, когда она была въ кухнѣ, гдѣ готовился обѣдъ, пришелъ туда царскiй пастухъ за хлѣбомъ, чтобъ отправиться на свою работу къ стадамъ. Когда увидалъ онъ эту дивной красоты дѣвушку, очарованный ея прелестью, онъ сказалъ: «ой девойко и обрве твое! я продадо све волове мое гледаюћи на обрве твое.» — Осрамленная глупымъ пастухомъ, царская дочь побѣжала къ себѣ и съ тѣхъ поръ сдѣлалась беременна. Много она плакала, но царь и царица не вѣрили ея невинности и рѣшили удалить ее навсегда съ глазъ своихъ. Взяли бочку (лаћу), перегородили ее по серединѣ; въ одну по-

ловину бросили эту несчастную дѣвушку, въ другую этого пастуха; заковали бочку и пустили по морю. Долго они плавали и молили Бога, чтобъ онъ спасъ ихъ; и вотъ вода понесла ихъ назадъ и выбросила около того мѣста, гдѣ былъ дворъ царя. Когда вода выбросила ихъ на сухое мѣсто, бочка разбилась и они вышли на твердую землю.

Пошли они и остановились недалеко отъ царскаго двора, потому что дальше идти не смѣли. Приближался вечеръ; они не знали гдѣ бы имъ переночевать. Тогда сказалъ бѣдный пастухъ: «кадъ бы ми Богъ дао близу каквы дрва, да начинимъ колебицу, гди бы преноћити могли.» И тотчасъ явился у него лѣсъ; изъ него онъ сдѣлалъ себѣ хижину; а изъ хижины сдѣлался великолѣпный и огромный домъ лучше царскаго дворца; онъ былъ убранъ и наполненъ посудой далеко лучше царской. Вскорѣ они устроили у себя садъ. И Богъ сдѣлалъ по ихъ желанію: «те за єдну ноћъ у њиной башти израсте златна ябука за єдно са многочисленымъ златнымъ плодомъ своимъ тако, да су іой се гране до землѣ савиле.»

Царь, отецъ этой дѣвушки, пошелъ прогуляться по своимъ полямъ и удивился, увидавъ такой прекрасный новый дворъ. Ему очень захотѣлось узнать, кто тамъ живетъ и онъ посылалъ развѣдать, но никто не могъ узнать, потому что никто не могъ отворить запертыхъ воротъ. — Дочь же царская, хотя и сдѣлалась уже женою и матерью, все печалилась о томъ, что такъ дурно объ ней прежде думали и желала доказать свою невинность. Помолившись Богу, взяла она свое дитя и отправилась къ отцу, увѣренная, что Богъ сотворитъ дерево съ златыми яблоками въ царскомъ саду знаменемъ ея невинности. Пришла она; царь принялъ ее сердито. Она говоритъ ему: «невинность моя принудила ме є доћи, да одъ тебе милости и примиренья просимъ. Богъ є хотео, да се ово дете роди, да ты отче познашъ, шта су дѣла Божія; да я страдамъ, и да се опетъ спасемъ. Я самъ невина и ако ты знашь одъ куда ти та златна ябука у недрама, тако и я знамъ о зачатію овога детета.» Царь от-

вѣчалъ, что у него нѣтъ золотой яблони, но посмотрѣлъ, увидѣлъ, примирился съ дочерью, а зятя поставилъ на высокое мѣсто. (Изъ Шабца).

3. **Ђе є срећа, има и несреће; у несрећи и срећа є близу.** Былъ царь, и у него было три сына. Когда они выросли, онъ далъ имъ каждому по стрѣлѣ и сказалъ имъ: «Ево вамъ стрела, любезна децо моя, што судбине коме донесе, со тымъ морате быти задовольни; за то свакій одъ васъ нека баца стрелу у висину, и гди стрела падне и на чію кућу, изъ оне куће ћевойку свакій себи мора за жену узети». Стрѣла старшаго сына упала на домъ великаго визеря; средняго къ великому оцу; у обоихъ у нихъ были прекрасныя дочери. Выстрѣлилъ младшій, стрѣла пала на каменную доску. Когда подошли къ этой каменной доскѣ, изъ подъ нее вышла черепаха (корняча). Разсердился царь, однако сказалъ: «то є теби мой наймлађій сыне! ево до насъ судбина донела, ето теби невесте девойке». Приказаніе царя было исполнено: всѣ три брата перевѣнчались съ своими невѣстами; старшимъ братьямъ царь далъ приличное помѣщенье, а младшему «да одну кућицу малу, у коіой су послѣднѣ слуге цареве живеле».

Онъ и сталъ жить съ своей черепахой; часто уходилъ онъ изъ дому, но по приходѣ всегда находилъ чистоту и порядокъ; и не мало удивлялся этому. Онъ рѣшился подкараулить, кто это дѣлаетъ и, къ удивленію своему, увидалъ: «корняча на средъ авліє стане, кора ее раствори и изъ коре изиђе прекрасна ђевойка у найдрагоцѣніемъ одѣлу, па одма упути се дрвима и почне іи слагати». Онъ лотчасъ же взялъ изрубилъ эту кору, сталъ распрашивать ее объ этомъ; но она запретила ему неумѣстное любопытство и они стали жить хорошо.—Черезъ нѣсколько времени царь далъ великій пиръ, на который созвалъ своихъ сыновей съ женами и многихъ другихъ. Всѣ удивились женѣ младшаго сына: такъ она была хороша и такъ умѣла держать себя. Еще болѣе возросло удивленіе при ужинѣ, кадъ

су чули лепе песмѣ славуйскаго гласа, а ни су знали одъ кудъ тай гласъ долази».

Все это породило зависть двухъ другихъ царскихъ невѣстокъ. И вотъ, по наговору сыновей, однажды утромъ царь призываетъ младшаго сына и говоритъ ему: «кадъ си ты, сыне мой, изъ корняче превратити знао себи онако лепу жену, то ты морашь имати неки волшебны сыла; за то захтевамъ одъ тебе, да ми садъ донесешь, амо єданъ ћупъ меда, изъ кога ће цела моя войска єсти, али тай ћупъ свагда да пунъ остане. Ако ли ми то не учинишь, даћу те за єдно са твоімъ женомъ одма сажећи». Младшій сынъ обращается къ женѣ. «Иди—рекне му ова—оной истой плочи каменой, одъ кудъ самъ я изишла, па лупни ногомъ на ону плочу, и повичи *Карандада дада си*. На ове речи изићи ће єдна бака (баба), а ты іой кажи, дай ми онай ћупъ съ медомъ, што є у соби за врати. Она ће отићи, па ће ти донети, а ты упрти ћупъ, па однеси цару и царевой войски, па се ништа не брани; могу єсти колико имъ драго, никадъ имъ меда не стати неће». Такъ все и случилось. Приказъ царя исполненъ; но зависть еще больше усилилась; братья снова подстрекают отца.

И вотъ царь опять призываетъ младшаго сына и говоритъ ему: «я већъ видимъ мой сыне, да су теби волшебне силе познати и да ін у твоіой влади имашь, за то дела ми донеси овамо єданъ гроздъ, одъ кога ће се цела моя войска наранити, а гроздъ опетъ да ми споменъ у целости остане». Печальный идетъ онъ домой; жена опять ободряетъ его и говоритъ ему, да иде опетъ на ову плочу и да виче Кандада дада си, па ће на то изити бака, а она онда да іой рекне: «послала ме Карандада дада си, да ми дадешь онай гроздъ изъ собе што о гредицы выси», па кадъ му она изнесе, а онъ онда да узме гроздъ, па да се ништа не бои». Все сбылось по ея словамъ.

Но снова завистники наговариваютъ царю. Царь приказываетъ ему, да му донесе едногъ човека, кои ће быти само толико великій као палецъ, а да му е брада дванут

веħа одъ нѣга. Ако ли му не донесе, да се неħе наносити главе». Младшій сынъ въ отчаяніи приходитъ домой. Жена утѣшаетъ его и посылаетъ «да иде опетъ онай плочи каменой и да учини као што є и досадъ, па кадъ изиђе бака; а онъ да іой рекне, послала ме Карандада дада си, да ми дадешь ону кутію изподъ огньишта, па кадъ му бака изнесе кутію, а онъ ни пошто да є не отвара, зашто може зло проħи. Или ако бы є башъ и отворіо, а онъ опази оногъ малогъ човечулька, што ħе унутри быти, а онъ одма да повиче «дуръ».—Все такъ и случилось. Приноситъ онъ къ отцу эту коробочку и предостерегаетъ его. Царь открываетъ ее; а оной човечулякъ изъ кутіе потегне батиномъ на нѣги, а царь уплаши се па у место да повиче дуръ, а онъ рекне вуръ, а овай вуръ на цару батиномъ, и донде деветаше га, докъ га ніє са свымъ претукао, да э царь онде предъ очима великаша изданyо». На престолъ былъ выбранъ младшій сынъ. (Крагуевацъ).

4. **Зла маħія и двое пасторчади.** Жилъ мужъ съ женой; жена умерла, оставила ему сына и дочь осьми лѣтъ. Онъ женился на другой женѣ, у которой былъ уже сынъ; только она его не видала долгое время. Стала она говорить своему мужу, чтобъ онъ прогналъ своихъ дѣтей изъ дому. Однажды утромъ несчастный взялъ своихъ дѣтей и повелъ ихъ въ глубокій лѣсъ, чтобъ тамъ ихъ и оставить. Но дѣти поняли это, захватили съ собой золы и, идя лѣсомъ, сыпали ее. Отецъ завелъ ихъ далеко въ лѣсъ, скрылся отъ нихъ и пошелъ домой. Дѣти, не видя отца, пошли домой, узнавая дорогу по золѣ и пришли раньше отца. Но мачиха еще больше вскинулась на мужа и онъ долженъ былъ снова вести своихъ дѣтей изъ дому. Мачиха испекла имъ на дорогу погачъ съ отравой. Когда отецъ повелъ ихъ въ лѣсъ, они бросали на дорогѣ крошки погача и, когда отецъ скрылся отъ нихъ, хотѣли возвратиться домой по крошкамъ. Но скотъ поѣлъ ихъ и дѣти не могли узнать дороги. Въ лѣсу они встрѣтились съ сыномъ мачихи и, желая на-

кормить его, дали ему погача. Наѣвшись погача, тотъ отошелъ отъ нихъ, встрѣтился съ мужемъ матери, и пришелъ съ нимъ къ ней и умеръ отъ отравы предъ ея глазами. Тогда, видя что она ничѣмъ не можетъ вредить падчерицѣ и пасынку, она снова приняла дѣтей, случайно отысканныхъ ловцами, и стала о нихъ искреннне заботиться. (Изъ Шабца).

5. **Змай.** Змай, кои є быо гуя' царь, даньивао є у *Церу*, а ночивао у *Ноћаю* (села у Мачви). Онъ се раніо све маломъ децомъ одъ 4 до 5 година, кою су му морали свако ютро доносити. Дође редъ и на дете єдне сироте, а ова пре него што ће га послати, умеси єданъ колачъ одъ брашна и одъ млека, коє є изъ свои сыса изцедила, па даде детету говорећи: «На сыне! овай колачъ, па пре него ће те змай да поєде, а ты га замоли, да овай колачъ поєдешь».

Тако кадъ дете предано буде змаю, и овай га счепа да поє, а ово се замоли овоме, да му допусти, да пре може изести колачъ, па после нека чини съ ньимъ шта оће. Змай на умиляте речи детета умилостиви се, па допусти то, но видећи овай дете као сладко єде, и онъ узме мало колача и почне єсти, па му се допадне, те запыта дете «одашта є тай колачъ?» Дете му преповеди све по реду. Онда змай повиче: «ты си мой братъ, я те не ћу изести, но да ми будешь веранъ».

Змай истый имао є єдногъ коня крилатогъ и єдногъ петла, коє преда детету, да ій оно чува. Свагда око поноћи ишао є змай изъ *Ноћая* у *Церъ*; єръ даню ніє смео ићи одъ сунца, што као бы га сунце опазило, морао бы се истопити. И ово є была причина, што є змай детету тай налогъ дао, да га дете, како поноћъ буде, свагда пробуди, и пошто конь поєде зобъ а петао учеста кукурекањѣмъ, да иду у Церъ на данипте. Детету се то сваку ноћъ чинити и стражарити досади, па єдно вече кадъ змай заспи, метне коню песка место зоби, а петлу извади єзыкъ.

Змай се пробуди, па запыта дете, єли время, а оно одговори, да ніє; «єръ ніє—говорише оно — ни конь поєо зобъ, ни петао кукурекнуо.» Тако выше пута препоноћъ запыткивао є змай дете, докъ іи на последку и зора овде затече.

Кадъ се пробуди змай и види да є зора заплавила, а онъ се поплаши, па нагне пешке бегати, и текъ што дође до некогъ места, одпадну му табани, и то се место назове *Табановићъ* (село у Мачви). Опетъ мало далѣ пође змай, па ослепи; и ово се место назове *Слепчевићъ*. Онако слепъ почне тумарати далѣ и баци штитъ (овако амрелу зову), и то се прозове *Штитаръ*. А кадъ већъ сунце высоко адскочи, а змай се одъ жестоки зракова нѣговы истопи. И тако дете избави одъ змая толикій светъ. (Изъ Шабца).

6. **Добра срећа и вештина боля є одъ юнаштва**. Былъ старикъ со старухой; имѣли они одного сына и послали его лошадей стеречь. Шли нищіе и попросили у него одну лошадку. Онъ не могъ отказать и отдалъ. Но отецъ, узнавъ объ этомъ, проклялъ его, чтобъ съѣли его собаки старика сосѣда. Мальчикъ пошелъ отъ отца и на дорогѣ эти нищіе дали ему «єдну врећу лебова и єдногъ жива зеца па му кажу; да иде управъ кући того старца, па када га салете хртови а онъ да имъ баца лебъ по лебъ, да се они самымъ забавляю, а онъ све да нагли кући онаго старца. А када му већъ не стане леба, а онъ да пусти онда зеца, како бы хртови за ньимъ отышли, а онъ да добіє дотле времена да до старца доће. По этому совѣту онъ дошелъ до старика и остался у него въ услуженіи, потому что старикъ обѣщалъ выдать за него очень красивую дочь. Когда онъ подросъ, сдѣлалъ онъ самъ себѣ дубинку и отправился на ловъ, въ которомъ одинъ за другимъ погибли всѣ семь сыновей этаго старика. На дорогѣ захватила его ночь и наиђе онъ на єдну букву, гди подъ ньомъ беше ватриште и седамъ гробова у наоколо. Онъ ту наложи ватру и намысли да нођи. Кадъ буде око два

сата ноћи, онда повиче нешто съ [illegible]
ватрице, огреяла бы се ватрице». И [illegible]
се овомъ не додія, те рекне: «а ты [illegible]
На те речи падне сеница бела на землю [illegible]
па нарасте колико кокошъ. Мало по малу [illegible]
колико ћурка, те выше и выше, већа и [illegible]
оваме говорити: «овы седамъ овде уморила [illegible]
тебе осмогъ». Па пошто то рекне, скочи на [illegible]
викне на ягаре; «држте ягари», а у истый [illegible]
опали бабу. Скоче ягари, те склептао бабу съ [illegible]
а овай стане ю бити съ друге, и тако совлада [illegible]
билъ ее до тѣхъ поръ, пока она не воскресила [illegible]
мерыхъ братьевъ и не дала склянки съ совѣтомъ: [illegible]
водомъ у стаклету нека маже очи (старика-отца [illegible]
три ютра, па ћ[illegible]роглёдати». — Обрадованный при[illegible]
сыновей и своимъ прозрѣньемъ, отдалъ старикъ за [illegible]
свою дочь; и онъ отправился съ ней къ своимъ родите-
лямъ, которые сняли съ него проклятіе. (Изъ Рудничке).

7. **Досетльивость**. Пошелъ одинъ человѣкъ добывать деньги, дошелъ до одной горы, сѣлъ на траву. Подошли къ нему какіе-то люди и говорятъ ему: «та ты видишь међу нама ова два црна (Арапи) оћемо, да іи извидамо одъ іи црноће». Слышавши это, онъ сказалъ имъ: «ступайте вотъ этой лѣвой стороной, тамъ есть озеро, и около озера тамъ сидитъ человѣкъ; онъ умѣетъ вылечивать отъ этой болѣзни». А самъ пошелъ другимъ путемъ и сѣлъ около озера. Пришли они и просятъ его, дали ему 500 грошей. Далѣе онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ обмановъ и остается безнаказаннымъ. (Изъ Шабца).

8. **Примерна освета**. Былъ царь, а у него было три сына. Кадъ є у старости своіой разслаблѣнъ быо, єдну ноћ' снієсе и у томъ граду вода тако цѣлителна, да, кадъ се човекъ ньоме уміє, да бы му лицé као у детета одъ седамъ година младо и лепо постало.—Отправилъ онъ за ней сначала

старшаго сына съ войскомъ и д
возвращенья его, отправилъ сре
гами. Наконецъ послалъ и млад
безъ всего съ однимъ своимъ «
онъ выѣхалъ изъ города, шугав
латаго коня. Послѣ долгаго стра
Мѣсяцевой матери; она спрятала
пришелъ сынъ ея, она старалась
дильградъ; но онъ не зналъ. К
выпустила его изъ подъ корыта
гребешекъ. Пошелъ онъ дальше, д
тери, но и тутъ ничего не узналъ,
няла его и подарила ему «белу в
неволѣ чува».—За то Вѣтрова мать
диль градъ, дала ему ветровогъ (т. е. в. коня) и гребень съ одной стороны частый, съ другой рѣдкій. Подъѣхалъ царевичъ къ Тиндиль граду и когда въ первый разъ бичъ, висящій на скалѣ Тиндиль града, хлопнулъ (въ это время всѣ люди въ Тиндиль градѣ должны засыпать мертвымъ сномъ), сошелъ онъ съ коня, зашелъ въ Тиндиль градъ, почерпнулъ изъ колодца воды въ свою «тиквицу». Но любопытство такъ овладѣло имъ, что онъ сталъ ходить смотрѣть по Тиндиль граду, былъ въ серебряныхъ и золотыхъ погребахъ. Вотъ ужь во второй разъ хлопнулъ бичъ, онъ все ходитъ и наконецъ зашелъ къ Тиндильской царевнѣ, кою нађе успавану на кревету. Ніє хтео прилику и другу изпустити, но полюби є и после на єдномъ парчету артіе напише: ко іой є и у коє време долазіо, шта у Тиньдиль градъ промотріо и да є далѣ ню полюбіо... Потомъ пошелъ онъ къ своему коню и бичь ударилъ въ третій разъ прежде, нежели онъ добѣжалъ до коня. Сѣлъ на коня, поскакалъ; царская стража погналась за нимъ. Онъ бросилъ сначала рѣдкій гребень, изъ него сдѣлалась рѣдкая роща. Потомъ большое бѣлое полотно, и сдѣлалось озеро. Въ третій разъ онъ бросилъ гребень съ частой и рѣдкой стороной: изъ него сдѣлались частая и рѣдкая рощи и озеро

изъ пространства гребня между зубцами. Погоня должна была возвратиться. А онъ счастливо доѣхалъ до Вѣтровой матери, отдалъ ей ея коня, поблагодарилъ ее и получилъ отъ нее мазь въ склянкѣ; заѣзжалъ и къ Солнцевой матери и получилъ отъ нея тоже; а отъ Мѣсяцевой — єдну врећу; и отъ всѣхъ трехъ предостереженіе отъ «обѣшеняковъ» (негодяевъ). На пути онъ встрѣтилъ обоихъ братьевъ, выкупилъ ихъ и пошли они вмѣстѣ къ отцу. Тѣ позавидовали ему и убили его на дорогѣ, взяли живую воду и пришли къ отцу вдвоемъ. Царь такъ обрадовался. Между тѣмъ «шугавецъ» вмѣстѣ съ Мѣсяцевой матерью воскресили младшаго царевича съ помощію мази отъ Вѣтровой матери. Онъ пришелъ и нанялся на царскій дворъ въ службу. Царь замѣчалъ, что онъ очень похожъ на его младшаго сына; но не могъ думать, чтобъ это былъ онъ. Между тѣмъ Тиндильская царевна родила сына; пріѣхала къ этому царю и требовала того сына, который былъ въ ея царствѣ. Тутъ обманъ братьевъ обнаружился.

9. **Легенда: изгонъ Адама и Еве изъ рая.** Кадъ є Богъ рай разнымъ воћкама и цвећемъ засађивао, єданъ є одъ нѣгова два анђела предъ ньимъ копао, а онъ садио и сеіо, а другій є анђео посађена семена загртао. Овай загртаюћи, изъ несташлука три оцака (куһице) премести на другу страну, да се увери о могућству Божіємъ, оће ли онде оно посеяно семе ниһи. Богъ, као свевидећій дознао є нѣговъ поступакъ, па га као неверника и преступника заповеди нѣгове одъ себе отера са овымъ речма: «досадъ си быо анђео, одсадъ да си ђаво, иди одъ мене сатано.»...

Кадъ су се сва посеяна семена изъ землѣ появила, никоше и она три оцака сатанина, одъ кои забрани Богъ Адаму и Еви плодове уживати. Како то сатана дозна, одма запне мрежу свою, како бы ове прве люде уловіо, и Бога на овай родъ разлютіо, па знаюћи слабость женску гледао є свакояко єву да улови. И после краткога труда дочепасе єве и почне іой говорити: «ево за то вамъ Богъ не да одъ

ова плода єсти, што бы вы, како бы одъ тога окусили, силу божествену имали, па за то Богъ боєћи се, да му вы не бы равни были, забранює вамъ.»

Слабой жени то ређи, коя є одъ природе любопитна, довольно є было, нити є шта выше къ раздраживаню нуждно было. Ева, чезнећи за сяйносћу и премућствима, превари се и єдну ябуку одъ запрећеногъ плода поєде, па понесе Адаму другу, те му казивајући речи сатане преда да поєде. И Адамъ се превари, те загризе одъ те ябуке; но текъ што прогуне, почувствує своє преступленѣ, и претима стегне се за грло, мислећи да поврати прогутаный залогай. Но не могне то учинити, а ябука нити се врати горе, нити спадне у трбу, већъ остане у грлу. И то є узрокъ, што є кодъ човека тако примѣтна ябучица на грши, а кодъ жене ніє.

И Господь выгналъ Адама и Евву изъ рая, хотя она сваливала вину на *Красу* (такъ называлась змѣя).

Да ніє было сатане, можда бы мы и данасъ она район ска благодѣянія уживали безъ каква труда. — Анатема га было. Далеко му лепа кућа. (Изъ Крагуєвца).

10. **Награда несытости.** Жили были старикъ со старухой. У старика былъ пѣтухъ; у старухи курица. Каждый день курица носила старухѣ по яицу, которыми та и питалась. Досадно стало видѣть это старику и сталъ онъ бить своего пѣтуха, чтобъ онъ ему тоже носилъ яица. Бѣдный пѣтухъ побѣжалъ отъ старика на гору къ гайдукамъ. На дорогѣ встрѣчаются ему одинъ за другимъ: конь, яице, волкъ, пчела, потокъ воды, баранъ, мышь; всѣ они жалуются на притѣсненія людей и желаютъ идти съ пѣтухомъ къ гайдукамъ. Онъ беретъ ихъ всѣхъ. Такимъ образомъ шелъ пѣтухъ съ ними; на дорогѣ ихъ застала ночь; и они зашли переночевать у єдну пусту кућу, те ће ту конаковати. Али у путу сустане рой пчела, те се потужи петлу, а петао рекне онда, да стане рой пчела, да ће га имъ понети. Па кадъ стане рой пчела, а петао га позоблѣ свега, те га

тако са собомъ понесе. Мало далѣ сустане и потокъ воде, а петао га попіє, те и нѣга тако понесе.

Кадъ веħъ дођe петао амо у ову куħу на конакъ, и овде конакъ да учини, онда разреди петао, те ованъ и курякъ уђу у собу конаковати, конь остане у куйни, а яйце метне у пепео на огньиште, мишъ оде у рупу, а онъ се самъ попне у оцакъ. Кадъ є было оно неко доба ноħи, али дођу амо айдуци и наложе у куйни ватру. Па како се у куйни засветли, и айдуци опазе петлову чету, а они се поплаше. Видеħи то петао, пусти изъ себе потокъ воде, те погаси ватру, а яє у пепелу пукне, на то изтрчи вукъ те єднога счепа па угризе зуби; изтрчи ованъ те удари га роговима у трбу; изиђе мишъ, те узъ ноге пођe другомъ милити; дочека конь кодъ врати треħега, те га лупи стражньимъ ногама; а петао изъ оцака повиче: ко, ко, ко, ко и тако се айдуци поплаше и одавде побегну.

Кадъ є сутра данъ свануло, а вукъ гладанъ полети на овна, да га поєде, онда се замоли ованъ, говореħи: «не мой вуче, а тако ти любави наше доякошнѣ, да ме колѣшъ; но ты зини, а я ħу се затрчати, да ти цео уђемъ у уста, па ме тако прогутай». На то вукъ пристане, па зине, а ованъ се измакне, па се затрчи, и лупи вука роговима у главу. Вукъ се онесвести и падне на землю, а ованъ измакне на врата, па побегне. Кадъ се вукъ освести, а онъ дођe коню, и рече му, да ħе нѣга да єде. Онда му се замоли конь говореħи: «не мой вуче да ми квваришь ноге и бутине, но се попни ты мени на леђа, те се наєди меса». На то пристане вукъ, те се попне коню на леђа, а конь онда нагне бегати и дотрчи у село, те се люди склептао и убіо вука, а конь се опрости зла друга и остане у селу.

Яйце се у ватри распукло; мишъ є на полѣ изнешенъ одъ айдука, те є у шуми заимао; ованъ є побегао; конь се избавіо; потокъ воде се разліо по куйни; іоштъ є самъ остао петао са роємъ пчела.

Онъ отправился дальше, зашелъ въ царскій садъ, спря-

тался подъ кочанъ капусты; и оттуда по двѣ ночи куковалъ: «кукуреку цару на срамоту у цареву капусу!» По приказанію царя, слуги вырубили всю капусту и принесли пѣтуха къ царю; но пѣтухъ выпустилъ на царя рой пчелъ. Царь, чтобъ отдѣлаться отъ него, далъ ему множество дукатовъ. Съ ними возвратился пѣтухъ къ старику и принесъ ему ихъ. Старухѣ стало завидно и она стала бить свою курицу, чтобъ и та принесла ей дукатовъ. Курица же взяла ножъ и, какъ прежде пѣтухъ, взошла на кућу и стане викати: «стери баба поняви, да ти бацемъ дукате». Старуха выскочила, но курица бросила съ кути ножикъ, прямо ей въ глазъ; и сказала: «ето теби награда за неситость твою». (Изъ Босне одъ Бантлуке).

11. **Ништа ніє тайно, што неће кадгодъ бити явно.** Быле три сестре рођене, па су међу собомъ говориле. Найстарія казываше: «да ме оће царевъ сынъ узети, целу бы му войску єдномъ кашикомъ наранила». А друга є беседила: «я да оће мене царевъ сынъ узети, я бы нѣму єдномъ жицомъ целу оденула войску». А трећа є изустила: «ал' да оће мене царевъ сынъ узети, я бы нѣму двоє деце родила са златнымъ рукама и ногама».

Царевичъ подслушалъ разговоръ и женился на третьей; но когда она должна была разрѣшиться отъ бремени, онъ уѣхалъ на войну и поручилъ ее сестрамъ. Но сестра изъ зависти спрятала новорожденныхъ дѣтей съ золотыми руками и ногами въ двѣ ямы, а вмѣсто нихъ положила матери двухъ щенковъ (кучета). Возвратился царевичъ, узналъ, что она родила двухъ щенковъ, прогналъ ее отъ себя, а ея сестру взялъ за мужъ.

Черезъ нѣсколько времени выросли на могилѣ двѣ золотыя сосны (два бора). Царевичъ приказалъ сдѣлать изъ нихъ двѣ кровати: для себя и для жены. На третью ночь и разговариваютъ братья между собой: «ел' ти брате земля тежка»?—А другій му одговори: ніє мени земля тежка, єръ на мени мой родитель спава. Но кажи ми, милій брате, єли

теби земля тежка! На тô онай одговори: єсте мени земля тежка, єръ на меня кучка тетка лежи.—Царевичъ въ это время спалъ, а жена его слышала этотъ разговоръ; и на другой день стала просить царевича, чтобъ онъ порубилъ обѣ золотыя сосны. Царевиħъ за любовъ жене своє даде подсеħи два златна бора и изсеħи ін на комаде, а лишħе ньiово заповеди дати нѣговимъ овцама да поєду. После некогъ времена почну се овци ягньити, и єдна овца оягньи два ягнѣта са златнымъ ногама и роговима. Опять жена царевича проситъ заколоть этихъ ягнятъ; царевичъ наконецъ согласился. Закололи ягнятъ: рога и ноги она бросила въ печку, чтобъ они сгорѣли, а внутренности (црева, кишки) дала служанкѣ, чтобъ та ихъ у рѣки хорошенько выполоскала да только чтобъ не упустила. Но та упустила и вмѣсто нихъ подала царицѣ другія; царевна не узнала и положила ихъ въ сундукъ. А тѣ внутренности были съѣдены большой рыбой. Рыбаки изловили эту рыбу и привезли ее къ царевичу; при немъ ее распороли и оттуда вышли два дитяти съ золотыми руками и ногами. Они все разсказали отцу; тогда онъ приказалъ ихъ тетку изрубить на части, а мать ихъ, свою первую жену, взялъ опять къ себѣ. (Крагуевацъ).

12. **Ера на ера.** Нагналъ нѣкто двухъ змѣевъ и спрашиваетъ ихъ: куда идете?—«Туда-то».—Пойдемте вмѣстѣ. Пошли; на дорогѣ сговорились они сдѣлать ловъ; много трудились оба змѣя, а онъ имъ все дѣло испортилъ. Змѣи сговорились убить его на ночлегѣ у одного старика. Когда всѣ полегли спать, они взяли его посадили въ мѣшокъ и завязали. Но онъ взялъ ножъ изъ кармана, прорѣзалъ мѣшокъ и убѣжалъ. На другой день они снова нагнали его и подружились. На дорогѣ нашли они на вишенье. Тутъ снова обманулъ ихъ этотъ; и они рѣшились его опять завязать въ мѣшокъ, поставили подлѣ рѣки и ушли. Онъ и кричитъ изъ мѣшка: «оħе да ме жене, а я неħу, па неħу». Шелъ мимо овчарь, стадо у котораго было недалеко; раз-

вязалъ мѣшокъ, сѣлъ вмѣсто него, а тотъ завязалъ его и пошелъ къ овцамъ. Сидитъ овчаръ въ мѣшкѣ, кричитъ: «оће да ме жене, а я оћу, па оћу». Шли оба змѣя опять мимо этого мѣста, взяли бросили мѣшокъ въ воду; утонулъ бѣдный овчаръ. Пошли дальше; видятъ его съ овцами. «Откуда это ты овецъ взялъ»?—Изъ воды; еслибъ я могъ, я бы много досталъ.. Вы вдвоемъ много достанете.—Оба змѣя рѣшились броситься въ воду; но этотъ посовѣтовалъ имъ привязать себѣ къ шеѣ камень, чтобъ можно было со дна достать самыхъ крупныхъ овецъ. Скочили змѣи въ воду и погибли. (Изъ Београдске).

13. **Непослушни синови.** Было у царя три сына. При смерти царь оставилъ имъ по сундуку, но съ условіемъ не открывать ихъ до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ очередь быть царемъ. Сдѣлался царемъ старшій сынъ, открылъ свой сундукъ, и нашелъ въ немъ два дерева. Истолкователи объяснили ему, что это значитъ, что у него погибнетъ много войска, что необходимо ему слушаться совѣтниковъ. Вскорѣ послѣ этаго дѣйствительно началась у него война; противъ мнѣнія совѣтниковъ, онъ вступилъ въ битву и погибъ. Сталъ царствовать второй сынъ, открылъ свой сундукъ и нашелъ въ немъ кости мертвеца. Истолкователи объяснили: если онъ не будетъ слушаться совѣтниковъ, то будетъ убитъ и многіе пострадаютъ. Но и этотъ братъ также погибъ, какъ и первый. Дошла очередь до младшаго; отворилъ онъ свой сундукъ; нашелъ тамъ саблю съ златомъ и діяманти накиђену и поредъ сабле отчинъ совѣтъ, да у шуму юоседну лова ради никада не иде.—Скоро онъ распространилъ царство свое; наконецъ не вытерпѣлъ, пошелъ въ эту рощу. Увидалъ Арапа, погнался за нимъ черезъ всю рощу и дошелъ до поляны, гдѣ виднѣлся прекрасный дворъ, въ который убѣжалъ Арапинъ. Къ царю вышелъ невѣдомый человѣкъ и, на вопросы его, объяснилъ ему, что то былъ не Арапинъ, а наилучшая дѣвушка въ свѣтѣ и что не прежде онъ можетъ войдти во дворъ, какъ

когда наловитъ тридцать голубей, столько же живыхъ лисицъ и зайцевъ.

Наловилъ царь и пришелъ снова къ оградѣ; пробилъ первые ворота и вошелъ внутрь. Бросились на него орлы, соколы и другія хищныя птицы. Онъ тотчасъ выпустилъ голубей; они бросились за голубями, а онъ прошелъ до другой ограды; пробилъ другіе ворота, вошелъ внутрь. Тотчасъ бросились на него собаки, такъ и хотятъ его съѣсть. Тогда онъ пустилъ зайцевъ. Собаки бросились за ними, а онъ дошелъ до третьей ограды, разбилъ ворота, вошелъ внутрь. Бросились на него тигры и львы; но онъ выпустилъ лисицъ; звѣри бросились на нихъ; а царь прошелъ въ ограду, у которой росли деревья изъ бисера и драгоцѣнныхъ камней. Потомъ вошелъ въ двери, ходилъ по всѣмъ комнатамъ, пока наконецъ въ послѣдней не нашелъ царицу, спящую на кровати. Она повернулась на спину, проснулась и сказала: «твоя самъ!» Потомъ показала ему свои дворы, подарила ему рубашку: «если хочешь со мной жить, всегда носи эту рубашку и никогда не купайся въ этомъ озерѣ.» Однажды онъ невытерпѣлъ и пошелъ выкупаться въ это озеро. Пока онъ купался, волшебница украла у него эту рубашку и унесла, подарила ее сосѣднему царю. Царь пожелалъ достать самую царицу. Для этаго достали для волшебницы треглавую змѣю; она взяла ее вмѣсто кнута; сѣла на телѣгу (колицу), хлопнула змѣей, и телѣга полетѣла и дођу кодъ оне царице. Како тамо приспе волшебница, а она уђе у собу и нађе царицу съ царемъ у ложу спавајућу. Она взяла царицу за руку и привела къ тому царю.

Долго спалъ несчастный царь; и когда проснулся и узналъ все, рѣшился во что бы то ни стало добыть свою жену. Взялъ золотые и изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ плоды и пришелъ къ этому сосѣднему царю и нанялся къ нему въ садъ. А царица долго не соглашалась выйдти за этаго за мужъ; наконецъ сказала, что она тогда только повѣнчается съ нимъ, когда ей принесутъ золотыя и изъ драго-

цѣнныхъ камней плоды. Царь объявилъ объ этомъ по всему своему царству. Садовникъ доставилъ царю эти плоды. Царица, получивъ ихъ, пожелала узнать сама отъ садовника, какъ онъ ихъ досталъ. Тотъ указалъ на новаго работника. Присланъ былъ къ ней этотъ работникъ, она его узнала, дала ему ножикъ чорнокорастъ и сказала ему: «иди къ мору, извади ножъ изъ ножнице, онда ће изићи изъ мора арапинъ, и изнесʼће ти два крилата врана коня». Добылъ онъ этихъ двухъ коней; одинъ держитъ для себя, другой продаетъ. Царица упрашиваетъ царя купить для нея эту лошадь. Царь купилъ; тогда она стала просить позволить ей попробовать коня. И когда ей позволили, она сѣла и улетѣла вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. (Изъ Шабачке).

14. И сыромашка Богъ не заборавля. Была у одного царя дочь и каждую ночь истрепывала по парѣ платья. Царь старался узнать, куда она ходитъ, но никакъ не могъ дознаться и объявилъ, что отдастъ ее тому за мужъ, кто ему докажетъ, куда она ходитъ. Многіе пытались, но не удачно и были лишены жизни. Одинъ бѣднякъ съ отчаянья пошелъ къ царю. На дорогѣ встрѣтилъ трехъ братьевъ дьяволовъ, которые спорили за наслѣдство, состоявшее изъ ковра самолета, шапки невидимки и дубинки. Чтобъ примирить чертей, онъ взялся ихъ раздѣлить и взялъ все себѣ; и тотчасъ же явился на царскій дворъ. Царь позволилъ ему караулить свою дочь. Ночью, когда она думала, что бѣднякъ заснулъ, встала она и отправилась за ворота. Бѣднякъ надѣлъ на голову шапку невидимку, захватилъ съ собой коверъ самолетъ и дубинку и отправился за ней. Она дође у једну ливаду и рекне: «уклонисе траво, да прођемъ»... Слѣдуя за ней, бѣднякъ отрѣзалъ травки. На то травица проговори: «и досадъ си девойка пролазила, алъ ми неси штету чинила». Царевна удивилась, оглянулась назадъ и, не видя за собой никого, пошла дальше, пришла въ садъ, въ которомъ росли золотые и изъ драгоцѣнныхъ камней плоды. Бѣднякъ такимъ же образомъ опять обрѣзалъ

нѣсколько кусковъ. Потомъ подошла она къ морю. «Уклонисе море, да проћемъ» Бѣднякъ, идучи моремъ, взялъ со дня песку. Онда море проговоре: «и досадъ си царева девойка пролазила, алъ ми неси штете чинила». Пошла она немного дальше, показались прекрасныя палаты. Къ ней вышло множество духовъ; стали они пить — веселиться. Бѣднякъ тоже съ ними; всѣ дивились, куда исчезаютъ нѣкоторыя кушанья и даже золотыя чаши. Потомъ стали въ коло и начали играть, такъ шло время до самой зори. На зорѣ она вернулась домой и бѣднякъ тоже. На другой день онъ разсказалъ все и показалъ доказательства. Царь и отдалъ за него свою дочь. (Изъ Шабачке).

15. **Ко зна, зашто є то добро.** У умной жены съ глупымъ мужемъ было двое дѣтей: мальчикъ и дочь. Узналъ отецъ, что вкусно человѣческое мясо и хотѣлъ съѣсть своихъ дѣтей, пока они еще молоды. Дѣти бѣжали; дѣвушка осталась у тетки, а мальчикъ пошелъ на бѣлый свѣтъ. Шелъ онъ, шелъ и пришелъ къ одной старукѣ вилѣ и нанялся къ ней въ службу. Однажды, когда вила пошла «у ловъ,» онъ сталъ пересматривать все въ домѣ, увидалъ горшекъ, думалъ, что тамъ деньги, запустилъ руку, вынулъ — рука стала золотая. Онъ опустилъ другую и другая тоже; опустилъ и голову въ горшекъ и она позолотилась. Потомъ онъ нашолъ коня, который ему сказалъ: «она баба є вила и моя мати, кая ме є сбогъ нѣне бесноће претворила у коня. Айде брзо главу и руке увежи чпме, узми оной рогъ што веси и онай ножъ у онамъ бацаку, па уседай на мене, да бежиме.» Побѣжали. Пришла старуха домой, узнала ихъ побѣгъ и погналась за ними. Тогда мальчикъ бросилъ этотъ рогъ, который взялъ съ собой — изъ него сдѣлалась гора... Съ трудомъ пробралась сквозь нее баба, снова догоняетъ ихъ. Онъ бросаетъ ножъ — изъ оваго се притворе сильна ножеви као копля; и вила должна была возвратиться назадъ. Конь говоритъ мальчику: «ты теперь свободенъ, ступай куда хочешь; а я пойду на поле, потому что не смѣю

идти домой на глаза матери; вотъ тебѣ отъ меня нѣсколько волосковъ (струнн); береги ихъ и когда нужно будетъ мои помощь, зажги ихъ!» Пошелъ мальчикъ по свѣту, поступилъ въ царскій садъ въ службу. Однажды спалъ онъ, развязалась у него лѣвая рука; гуляла царевна, увидала это, хотя и никому не разсказала, что видѣла.

Вскорѣ послѣ того царь пожелалъ, чтобы всѣ его три дочери вышли за мужъ, за кого хотятъ. Младшая выбрала себѣ этого молодаго работника въ саду, и стала жить, потому что царь разсердился на нее, недалеко отъ города въ простой избѣ. Черезъ нѣсколько времени царь сдѣлался боленъ и поручилъ своимъ зятьямъ принести ему молока девяти бѣлыхъ кобылицъ. Младшій досталъ и уступилъ старшимъ за клеймо на плечѣ. Черезъ нѣсколько времени сосѣдній царь пошелъ войной и побѣдилъ этаго царя. Тогда этотъ «обдаченый» зять сѣлъ на своего коня, съ которымъ бѣжалъ отъ вилы, и побилъ враговъ; но былъ раненъ въ руку, и когда онъ привезъ отцу отъ того царя обязательство въ мирѣ, не узнавшій его царь самъ повязалъ ему руку платкомъ. Но право хвалиться побѣдой онъ уступилъ все таки братьямъ за клеймо на другомъ плечѣ, а самъ скрылся.

Царица однажды шла и увидала на рукѣ своего «обдаченнаго» зятя златый платокъ. Дѣло объяснилось.

(Изъ Шабачке).

Перейдемъ теперь къ краткому обзору этихъ сказокъ.

1. Ко шта чини, *све соби*. Эта интересная сказка служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что въ народныхъ сказкахъ христіанскія имена замѣнили названія прежнихъ божествъ, языческихъ. Роль, которую играетъ здѣсь имя св. Савы, приписывается въ варіантахъ инымъ чисто языче-

скимъ сказочнымъ существамъ. Имя Саввы встрѣчается также и въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ; у В. С. Караджича, т. 2, № 23, «свети Саво, № 24: опетъ свети Саво.» (изд. 1846).

За исключеніемъ частностей, эта сказка не нова. Къ ней мы имѣемъ довольно много варіантовъ: «Журавль» и «Куликъ» (мои Великорусскія сказки, в. 2, № 48 и 49). См. варіанты у Аѳанасьева, в. 2, № 18 и 19; der Pentameron oder: das Märchen aller Märchen, v. G. Basile; übertragen v. F. Liebrecht. 1846. т. 1, № 1. Pröhle, № 28 и 77; Bechstein, deutsches Märchenbuch, стр. 140—144; Гриммовъ, № 36 и 54. Wojcicky, Klechdy, т. 2, стр. 21—25. Schleicher, стр. 105—108. Asb. und Möe, т. I, 49—54.

2. **Навинность богъ чува.** Эта сказка очень своеобразно передаетъ очень распространенный мотивъ о плаваніи въ бочкѣ. Въ помѣщенномъ въ этой книгѣ переводѣ финскихъ сказокъ Рудбека мы имѣемъ къ ней нѣсколько варіантомъ (№ 11: «Островитяне). Она сходна съ второй половиной сказки о Емелѣ дуракѣ (Аѳанасьевъ, в. 5, стр. 250 и вып. 6, № 32, стр. 160). Замѣчательно въ этой сказкѣ сходство словъ частуха, приведенныхъ нами въ подлинникѣ, съ сл. небольшой сербской пѣсней:

Oj девојко и обрве твоје!
Я продадо све волове моје
Гледајући на обрве твое.
Не гледај и не уздај се у ме,
Ја сам млада давно испрошена
За нежена сина најмлађега. (Кар., т. 1, стр. 238.)

3. **Ће з среħа, има и несреħе, у несреħи и среħа є близу.** Начало этой сказки принадлежитъ къ довольно богатому варіантами циклу.

Въ русскихъ и польскихъ сказкахъ является на сцену лягушка (Аѳанасьева, в. 2, № 23 и № 24; Войцицкаго: т. 2.) Ср. также Гримма, №№ 1, 63. Нѣсколько сходны варіанты у Караджича «змиіа младожена» (№ 9 и № 10). См. В. Кар. пѣсни, т. 2, стр. 51—63.

Интересно въ этой сказкѣ то, (что очень рѣдко встрѣчается), что жена, когда мужъ изрубилъ ея кору, не скрывается отъ него, а остается и живетъ съ нимъ.

Вторая половина очень напоминаетъ русскія сказки о Василисѣ премудрой и Иванѣ царевичѣ.

Интересна въ этой сказкѣ фраза: «*Карандада*» дада си посредствомъ которой царевичъ добываетъ себѣ то, что ему нужно (1). Предметъ его поисковъ напоминаетъ первую сказку Николича:«ко шта чини, све себи».

Интересенъ также и новъ конецъ, гдѣ мальчикъ съ пальчикъ, напоминающій птицу Усыню — самъ съ нокотокъ, борода съ локотокъ, усы по земли тащутся, крылья на версту лежатъ — (См. великор. сказки, в. 2, № 42) убиваетъ отца преслѣдуемаго царевича.

4. **Зла маħія и двоє пасторчади.** Видно, что сербскій сказочный міръ богатъ сказками о мачихахъ и падчерицахъ. Въ сборникѣ Вука помѣщено три сказки въ этомъ родѣ. Впрочемъ эта сказка не представляетъ ничего особенно новаго; почти такой же варіантъ мы имѣемъ у Гриммовъ № 15. Ср. Bechstein, стр. 55—60.

5. **Змай.** Эта сказка чрезвычайно интересна и потому мы привели ее цѣликомъ въ подлинникѣ. Она представляетъ любопытный варіантъ къ преданіямъ о Троянѣ, растопившемся отъ солнца. (См. словарь В. Караджича, изд. 2, стр. 750). Она многое поясняетъ намъ въ этихъ преданіяхъ и очень жаль, что г. Буслаевъ, говоря о нихъ (Очерки русской народной словесности и искуства, т. 1, стр. 385—389), не могъ пользоваться ею. Что змѣй нашей сказки есть лице, тождественное съ Трояномъ, на это указываетъ не только смерть ихъ отъ одной причины, но и то, что какъ Троянъ проводилъ ночь въ городѣ Троянѣ, на

---

(1) *Кара* значитъ черный. «*Дода* (припѣвъ вмѣсто ладо) и *дуда* у Сербовъ, съ проименованіемъ *бѣлой;* у Краинцевъ *донда*, у Словаковъ: *динда*, *дюнда*, *дендя*. Польскій историкъ Мехолита говоритъ, что Поляки Мозовскіе воспѣваютъ *дада*, *дада*» (Касторскій, Нач. сл. миө., стр.123) Ср. Додольскія пѣсни у Караджича, т. 1, стр. 111—114.

горѣ Церѣ, такъ и змѣй ночуетъ въ Церѣ. Кромѣ того, эта сказка поясняетъ болгарское преданіе о томъ, что жителей чудеснаго города Трояна поѣдало чудовище-змія халовита. Ср. Wolf, Beiträge, т. 2, стр. 321.

Въ началѣ сказки упоминается «колачъ отъ брашна и отъ млека, кое є (мать) изъ свои сысѧ изцедила.» Это мѣсто очень напоминаетъ финскія-сказки, гдѣ чаще нежели въ какихъ-нибудь другихъ преданіяхъ, упоминаются лепешки изъ материнскаго молока.

6. **Добр среħа и вештина, боля є одъ юнаштва.** Сказка довольно новая даже по сюжету. Изъ частностей замѣчательно то, что вода для исцѣленія глазъ старика достается отъ старухи-колдуньи и притомъ такимъ своеобразнымъ образомъ. Замѣчательно также появленіе этой старухи.

Начало, гдѣ мальчикъ избавляется отъ собакъ посредствомъ хлѣба и зайца, часто встрѣчается въ сербскихъ сказкахъ (см. того же Николича, № 13, непослушни синови.)

8. **Примерна освета.** Эта сказка представляетъ не безъ интересный варіантъ къ моей сказкѣ «Усоньша Богатырша» (Велик. сказки, в. 2, № 41) Варіанты къ ней находятся у г. Аѳанасьева, в. 2, № 27. Въ дѣдушкиныхъ прогулкахъ, изд. 1790 г., М.. стр. 120 — 135. Въ Contes des fées, стр. 198. Grimm, Kinder und Hausmärchen, № 97. Pröhle, № 29. Schiefner, über die Sagen der Minussinischen Tataren, стр. 395. См. Amarantos, или Розы возрожденной Эллады, Эвлампіоса, стр. 77 — 135.

Кража воды изъ колодца совершенно согласна съ русскими сказками; описаніе серебряныхъ и золотыхъ погребовъ, въ которыхъ онъ пьетъ вино, напоминаетъ саги минузинскихъ татаръ, гдѣ иногда упоминается «eine Birke, an deren Wurzeln eine goldene Schaale mit Lebenswasser vergraben ist.» (Schiefner, стр. 406). Воскрешеніе героя при посредничествѣ коня тоже сходно съ минузинскими сагами (Schiefner, стр. 400). Захожденіе его къ мѣсяцевой, солнцевой и вѣтровой матери для насъ не ново; оно часто

встрѣчается и въ русскихъ и въ нѣмецкихъ и вообще въ славянскихъ сказкахъ. Въ сказкѣ у Аѳанасьева, № 56, в. 6, упоминается солнцева сестра, хотя сюжетъ сказки только отчасти сходенъ съ этой. Въ греч. миѳологіи Деметра, отыскивая Персефону, спрашиваетъ о ней также у солнца и мѣсяца (См. Preller, Gr. Myth. 1-е изд., т. 1, стр. 471). Ср. Miklosic и Fiedler, т. 2, стр. 152.

9) **Изгонъ Адама и Еве изъ рая.** Эту замѣчательную легенду мы привели почти всю въ подлинникѣ. Очевидно, она относится къ числу тѣхъ, которые перешли въ народъ изъ апокрифическихъ сказаній. Тѣмъ не менѣе разсказъ о происхожденіи возвышенія на горлѣ мущинъ намъ не случалось встрѣчать въ русскихъ рукописяхъ; въ памятникахъ русской старинной литературы, изданныхъ при Русскомъ Словѣ, тоже нѣтъ ничего объ этомъ. Впрочемъ въ этомъ родѣ у насъ, на Руси ходитъ довольно много разсказовъ (см. Очерки Буслаева, т. 1-й стр. 487). Въ средневѣк. латыни возвышеніе на горлѣ называлось pomum Adami.

Интересно мѣсто о томъ, какъ сатана посредствомъ бычьей кожи захватилъ себѣ обширное мѣсто земли. Оно напоминаетъ многія русскія легенды, напр. о построеніи крѣпости Кипріяномъ). Якушкина, Письма изъ Псковской губ., стр. 160). Ср. легенду объ основаніи Карѳагена. См. преданіе объ основаніи Москвы русскими (Sjögrens gesammelte Schriften т. 1, стр. 301). Ср. другія преданія, bunte Bilder, Pabst, Reval, 1856 г., erstes Heft, стр. 26—27; стр. 32—45.

10. **Награда несытости.** Эта интересная сказка имѣетъ себѣ варіанты у г. Аѳанасьева, в. 3, № 19: котъ, козелъ, баранъ, № 23: «овца, лиса и волкъ». Замѣчательна въ ней роль пѣтуха и участіе въ общемъ побѣгѣ *потока воды*. Интересенъ также и мотивъ о волкѣ. Онъ впрочемъ извѣстенъ намъ въ болѣе обширномъ видѣ въ легендахъ г. Аѳанасьева «о волкѣ и Егорьѣ храбромъ» (№ 32, стр.

107 — 109 и 7) Slawische Bibliothek, v. Miklosic und Fiedler, стр. 164, № 9; Гримма, № 8.

У меня есть два очень любопытныхъ варіанта этой легенды. Обѣ онѣ записаны мной въ с. Мишинѣ, Зарайскаго уѣзда.

Егорій храбрый прилюбливаетъ волковъ. Вотъ онъ всѣхъ ихъ собралъ, разослалъ, гдѣ кому сѣсть: гдѣ человѣка, гдѣ кому придется. Всѣ (волки) разошлись, гдѣ кому, значитъ, *предѣлъ* Божій. Остался одинъ волкъ. Егорій Храбрый и говоритъ ему: «вонъ тамъ за ригами ходитъ свинья порожная; поди, съѣшь ее!» Вотъ приходитъ волкъ къ свиньѣ: «Свинья, свинья! съѣмъ я тебя!» — Э, волченько, что ты меня съѣшь; до сыта не наѣшься! А давай-ка мы съ тобою сядемъ да пѣсеньки сыграемъ. — Вотъ волкъ какъ завоетъ, свинья завизжитъ. Мужики, мальчишки были въ ригѣ, услыхали волчій голосъ, выскочили съ цѣпами, отбили свинью отъ волка. Не пришлось ему съѣсть; пошелъ онъ, самъ себѣ думаетъ: «экой я, говоритъ, *пѣсельникъ!* Егорій храбрый велѣлъ мнѣ свинью съѣсть, а ее за пѣсеньки проигралъ!»

Опять всѣ волки собираются къ Егорію храброму. Онъ спрашиваетъ у нихъ: кто что съѣлъ? — У всѣхъ расспросилъ. Дошла очередь до этого волка: «Ну ты, волкъ, съѣлъ свинью, что я тебѣ велѣлъ?» — Нѣтъ, виноватъ, Егорій храбрый. — «Что же ты не съѣлъ?» — Волкъ разсказалъ. «*Ишь* ты *пѣсельникъ* какой! Ступай же теперь, съѣшь кобылу у этихъ мужиковъ!» — Поклонился волкъ, поблагодарилъ и пошелъ. Приходитъ къ кобылѣ. «Кобыла, говоритъ, съѣмъ я тебя!» — И волченько! что ты меня съѣшь; сытъ не наѣшься! А вотъ что: давай-ко я тебя грамматѣ обучу; ты будешь казначеемъ. — «Хорошо, говоритъ, обучи меня!» — Ну, подойди ко мнѣ сзади; я тебѣ дамъ билетъ прочитать! — Вотъ какъ онъ къ ей заду подошелъ, какъ она его ударила ногами!!!... Пошелъ волкъ, завылъ. «Экой, говоритъ, пѣсельникъ я и казначей!» Идетъ къ Егорью храброму; а двое сутокъ не ѣлъ: кишки-то брешутъ

Подходитъ ночь. Опять Егорій храбрый собираетъ волковъ, спрашиваетъ ихъ, — кто что съѣлъ.. У всѣхъ разспросилъ, дошелъ до этого волка. «Ну, ты, волкъ, съѣлъ кобылу?» — Нѣтъ, виноватъ, Егорій храбрый! — *Ишь*, ты какой пѣсельникъ и казначеемъ хочешь быть! Поди же ты: ходитъ въ болотѣ баранъ, съѣшь его. Волкъ поклонился, поблагодарилъ. Приходитъ къ барану. «Баранъ, баранъ! я тебя съѣмъ!» — Э, волченько, что ты меня съѣшь, сытъ не наѣшься. А вотъ что: поди стань подъ горою да подставь ротъ; я тебѣ прямо въ ротъ вскочу, вѣкъ сытъ будешь. — Волкъ говоритъ: «это, хорошо, говоритъ, я Егорія храбраго не стану безпокоить никогда». — Сталъ волкъ подъ горою, разинулъ ротъ. Вотъ баранъ разбѣжался, прямо ему рогами въ ротъ: разшибъ ему всѣ зубы. Пошелъ волкъ, завылъ. Трои сутки не ѣлъ; идетъ и плачетъ: ѣсть хочется. Идетъ къ Егорью храброму и думаетъ: «экой я пѣсенникъ, казначей и обжора! хочу по цѣлому барану заразъ глотать!»

Приходитъ ночь. Егорій храбрый опять собираетъ всѣхъ волковъ. Собралъ всѣхъ, спрашиваетъ: кто что съѣлъ?— Спросилъ и этого волка: ну, что, волкъ, съѣлъ барана?— «Нѣтъ, виноватъ, Егорій храбрый!» Что же ты его не съѣлъ? — Разсказалъ волкъ. — Поди же ты, съѣшь дорогой скрипача! — Поблагодарилъ волкъ и пошелъ. Догоняетъ скрипача. «Скрипачь, скрипачь! съѣмъ я тебя». — И, волченько! ты меня съѣшь, сытъ не наѣшься. Давай лучше я тебѣ поиграю. — Волкъ согласился. Скрипачь играетъ, а волкъ пляшетъ, а скрипачь по немногу отходитъ; подошелъ къ деревнѣ, собаки услыхали, выбѣжали, отбили у волка скрипача. — Идетъ волкъ къ Егорью храброму голоденъ: четыре дня не ѣлъ! —

Приходитъ ночь. Егорій храбрый опять собираетъ всѣхъ волковъ; собралъ всѣхъ и спрашиваетъ, кто что съѣлъ. Дошелъ и до этаго волка. — Что, волкъ, съѣлъ музыканта? — «Нѣтъ, виноватъ, Егорій храбрый!» — Ступай; дорогой идетъ портной, съѣшь его. — Поблагодарилъ волкъ.

«Портной! я тебя съѣмъ!» — Портной оробѣлъ. — Что ты меня, волченько, съѣшь, сытъ не наѣшься! Давай, лучше я тебѣ полушубочекъ сошью. — «Ну, шей!» — Оборачивайся задомъ! — Вотъ этотъ волкъ оборотился, портной схватилъ его за хвостъ, давай аршиномъ бить. Волкъ рванулся, оторвалъ у него хвостъ; побѣжалъ онъ всѣхъ волковъ собирать. А портной сѣлъ на ель. Волки стали стадами собираться; стали одинъ на другаго, полѣзли на дерево. А портной увидѣлъ своего волка, закричалъ: «ну, куцый волкъ, худо тебѣ было, а то не то еще будетъ»: этотъ куцій волкъ вырвался, побѣжалъ; другіе волки на него попадали; осерчали, побѣжали, разорвали его на части.

Другой варіантъ. — Въ одномъ дремучемъ лѣсу жилъ былъ сѣрый волкъ; и было у него порядочное имѣнье и въ запасѣ разное мясо; да жилъ онъ весело, и поѣлъ все, что было въ запасѣ, и нечего ему стало ѣсть. Вотъ видитъ онъ, что дѣло плохо; пошелъ онъ къ царю просить продовольствія. (Въ то время безъ царскаго приказа ни одинъ звѣрь не смѣлъ ничего трогать). А царемъ въ то время былъ Егорій храбрый.

Приходитъ. «Такъ и такъ, говоритъ, Егорій храбрый, не спохватился я разумомъ, не заготовилъ себѣ съѣстнаго, что было, все поѣлъ. Сдѣлай милость, не дай околѣть съ голоду, позволь мнѣ съѣсть кого нибудь». Жалко стало Егорью волка; сжалился надъ нимъ. «Ступай, говоритъ, въ луга мои заповѣдные: тамъ пасется баранъ, съѣшь его!» — Пошелъ волкъ въ луга заповѣдные: ходитъ баранъ, щиплетъ траву. Увидалъ волка и спрашиваетъ его: «что тебѣ, волкъ, надобно?» — Да я, говоритъ, пришелъ съѣсть тебя; Егорій приказалъ. — Баранъ и говоритъ ему: «что тебѣ въ этомъ толку, что съѣшь меня? Лучше я тебѣ за себя выкупъ дамъ: есть у меня въ оврагѣ спрятаны двѣ околѣлыя коровы, возьми ихъ за меня». Волкъ радъ, думаетъ: «возьму и эти двѣ коровы себѣ и барана тоже съѣмъ». Сталъ просить барана: покажи, гдѣ твои коровы? — Подвелъ баранъ волка къ оврагу и говоритъ ему: «вотъ по

смотри въ этомъ оврагѣ!» — Свѣсилъ волкъ голову; баранъ разбѣжался, ударилъ его сзади рогами и покатился волкъ кубаремъ въ оврагъ; ушибся больно и ногу сломалъ; а барана и слѣдъ простылъ.

Долго ли, коротко ли волкъ кое-какъ вылѣзъ оттуда, поплёлся опять къ Егорью храброму жаловаться на барана. Разхохотался Егорій храбрый и жалко стало ему волка: убился больно и не ѣлъ трое сутокъ. «Ступай ты, говоритъ, въ луга мои заповѣдные: пасется тамъ конь-кляча, съѣшь его». Пришелъ волкъ въ луга заповѣдные: ходитъ конь и щиплетъ траву. Увидалъ волка и говоритъ ему: «что тебѣ, волкъ, надо?» — «Да вотъ, говоритъ, пришелъ съѣсть тебя: Егорій приказалъ». — Конь-кляча и говоритъ ему: «нѣтъ, тебѣ нельзя съѣсть меня: у меня есть похвальный листъ и на немъ написано, чтобъ никто не смѣлъ меня трогать; а если не вѣришь, посмотри самъ: онъ у меня на хвостѣ привѣшенъ». Зашелъ волкъ къ коню сзади и спрашиваетъ: гдѣ же онъ? — «А вотъ онъ!» — говоритъ, какъ хватитъ его вдоль рыла копытами... Тотъ очумѣлъ бѣдной. Долго ли, коротко-ли лежалъ онъ, очувствовался; глядь, анъ все рыло разбито и четырехъ зубовъ нѣтъ; а коня-клячи и слѣдъ простылъ.

Вотъ кое-какъ поплёлся волкъ весь разбитый, голодный. «Ладно же, думаетъ, теперь меня не обманутъ; не пойду къ Егорію храброму, а съѣмъ, кто попадется на дорогѣ». Плетётся онъ путемъ-дорогой, встрѣчается съ нимъ кузнецъ весь черный, запачканный. «Стой, говоритъ, кузнецъ, я съѣмъ тебя!» Кузнецъ говоритъ ему: «что ты меня будешь ѣсть: я черный, грязный; дай я пойду тамъ въ лужайкѣ обмоюсь, тогда и съѣшь меня чистаго, а самъ здѣсь покарауль меня!» Волкъ ему позволилъ. Пошелъ кузнецъ къ лужайкѣ, выкупался, сломилъ сукъ, вырѣзалъ себѣ дубинку, спряталъ ее подъ полу, идетъ къ волку. — «Ну, вотъ, говоритъ, я и готовъ; дай только мнѣ въ послѣдней разъ твоимъ пушистымъ хвостомъ утереться, тогда и ѣшь меня!» — Ну, утрись, говоритъ. Зашелъ кузнецъ

къ волку сзади, ухватилъ его за хвостъ, вынулъ дубинку да и ну колотить ею вдоль спины по обѣимъ бокамъ да приговаривать: «вотъ тебѣ, сѣрому, и закуска, не нападай, не ѣшь, не трогай людей, какіе тебя не трогаютъ». Рвался, рвался волкъ, вырвалъ кое-какъ полхвоста да и тягу скорѣе. А кузнецъ пошелъ своею дорогою.

Отбѣжалъ волкъ шаговъ десять, палъ на землю и завылъ. Со всѣхъ сторонъ на его крикъ сбѣжалися волки, спрашиваютъ: о чемъ ты такъ ревешь? Онъ имъ разсказалъ. А волки въ то время были очень дружны; вздумалось имъ заступиться за него, побѣжали всѣ вслѣдъ за кузнецомъ. Поплелся съ ними и избитый. Видитъ кузнецъ, что волки бѣгутъ за нимъ, посмотрѣлъ во всѣ стороны: уйти было некуда; влѣзъ онъ на дерево, сидитъ на немъ. Подбѣжали къ дереву волки, стали думать: какъ достать его (кузнеца). Одинъ волкъ и говоритъ: «а что, братцы, битый волкъ виноватъ; пусть онъ встанетъ внизъ, а мы всѣ на него другъ на друга встанемъ, достанемъ кузнеца». Волки согласились. Избитый волкъ сталъ внизъ, тѣ стали карабкаться, становиться на него. Видитъ кузнецъ: дѣло плохо, послѣдній волкъ лѣзетъ, какъ закричитъ вдругъ: «бей нижняго-то, нижняго-то». Испугался нижній волкъ, рванулся изъ-подъ низу, и товарищи его загудѣли другъ черезъ друга на землю: кто ногу сломалъ, кто шею вывихнулъ, кто ушибся больно; въ сердцахъ начали грызть битаго волка, потомъ разбрелися всѣ; а кузнецъ слѣзъ съ дерева и пошелъ своею дорогою.

Ср. Современникъ, за 1856, LX т., стр. 147—148; ср. Lehmann's Magazin für die Literatur des Auslandes. Jahrgang 1831, №№ 71 и 72. Повѣрье: «У волка въ зубахъ то Егорій далъ.» У малороссіянъ Егорію соотвѣтствуетъ Полисунъ. Ср. Черниговск. губ. вѣд., неофиц. часть, 1859 г. № 23, стр. 157; № 38, стр. 288—289.

11. **Ништа ніє тайно, што неће кадгодъ быти явно.** Сказка эта очень любопытна изъ своихъ частностей, хотя мы и имѣемъ довольно много варіантовъ этаго цикла. А именно: въ моихъ Великорусскихъ сказкахъ въ 1, № 21: «три

вьюноши»; № 87 «Иванъ царевичъ и Марья Жолтый Цвѣтъ и № 112 «Иванъ премудрый» въ 3-мъ. См. у г. Аѳанасьева, в. 3, № 7; в. 6, № 68 и № 69. Ср. Памятники при Русс. Словѣ, т. 2, стр. 321—322. Въ помѣщенномъ здѣсь переводѣ финскихъ сказокъ есть нѣсколько варіантовъ (№ 9). У Stier, ungarische Märchen, стр. 56—57. У Гримма, № 49. У Haltreich, № 1. У Wolf, die drei Königskinder, стр. 368. У Pröhle, № 3. Shott, № 8. Въ Märchen Straparola, № 3. У Colshorn, Märchen und Sagen, № 14; Die gläserne Kugel, стр. 49—53. Ey, Harzmärchenbuch, стр. 178—179.

Золотыя руки и ноги встрѣчаются и въ русскихъ сказкахъ и былинахъ; также въ болгарскихъ пѣсняхъ Господь дѣлаетъ Стояна:

Сосъ ясно слънце на чело,
Сосъ месечина на грди,
Сосъ дребни звѣзди на снага. Верковича т. 1, стр. 232.

Это слишкомъ распространенный мотивъ; онъ встрѣчается даже въ Сомаведѣ, т. 1, стр. 54 и 93 (перев. Брокхауза, изд. Лейпцигское, 1843). Ср. Аѳан., в. 5, стр. 181. Въ сказкахъ встрѣчается иногда точно такое же описаніе платья. Такъ въ русской сказкѣ «свиной чехолъ» дочь проситъ отца купить ей платье, чтобъ кругомъ были часты звѣзды; потомъ другое, чтобъ на спинѣ былъ свѣтёлъ мѣсяцъ, на груди красно солнышко. (Аѳанасьевъ, в. 6. стр. 144—144). Въ былинахъ точно такое же платье приписывается Дюковой матери (Рыбникова т. 2, стр. 176). Вотяки признавали бога Намарима, котораго престоломъ было солнце, а небо одеждою. (Современникъ, изд. Пушкинымъ т. 2, 162.)

12. **Ера на ера.** Эта сказка, какъ намъ кажется, изъ позднѣйшихъ и книжныхъ. Варіанты впрочемъ можно найдти въ Великорус. ск., в. 1, № 30; у г. Аѳанасьева, в. 5, стр. 37—39; 42; в. 2, стр. 81—81. У Гриммовъ, № 61; у Schleicher, стр. 21—128. Сравни также Straparola, № 7 List über List, стр. 133. См. Colshorn, № 78, стр. 219—229.

13. **Непослушни синови.** Сказка, довольно новая по сюжету. Мѣсто о томъ, что царица должна идти туда, гдѣ ея рубашка, напоминаетъ русскую сказку «Настасья Адовна» (мои Велик. Ск., в. 1, № 18). Особенно замѣчательны мѣста о необходимости змѣи для поѣзда волшебницы и достача коней при помощи ножика. Первое мѣсто напоминаетъ Деметру, посылающую Триптолема «auf einem geflügelten Schlangenwagen um den in Eleusis gestifteten Segen unter allen Völkern und Menschen zu verbreiten». (см. Preller, т. 1, изд. 1, стр. 478).

14. **И сыромашка Богъ не заборавля.** Варіантъ для этой сказки мы имѣемъ у Аѳанасьева, в. 6, стр. 276, № 56. Только тамъ двѣнадцать дочерей ходили къ заклятому царю; въ рощѣ золотыя цвѣты; точно также дѣйствуетъ бѣдный дворянинъ съ помощію шапки невидимки и сапоговъ-скороходовъ. Другой варіантъ есть у Гриммовъ, № 133.

Здѣсь царевна ходитъ за море, гдѣ ея встрѣчаютъ духи и гдѣ она истрёпываетъ каждую ночь по парѣ платья. Это мѣсто напоминаетъ сказку (у Аѳан., в. 6, стр. 102); гдѣ чертъ хвалится, что онъ въ такомъ-то мѣстѣ мучитъ царицу, раздираетъ въ ночь по три платья...

15. **Ко зна, зашто є то добро.** Эта сказка принадлежитъ къ тому же циклу, какъ и русская сказка: Димитрій царевичъ (мои В. Ск., в. 1, № 4). См. также легенды г. Аѳанасьева № 30. Haltreich, № 11 и № 15. Bechstein, стр. 159—162. Вольфа стр. 269, «das treue Füllchen», Гриммовъ № 136. Ср. Halliwel, nursery rhymes of Scotland, стр. 248 — 250. Ср. Sommer, Sagen, Märchen und Gebräuchen aüs Sachsen und Türingen, № 9, стр. 138 — 139.

Интересна въ этой сказкѣ роль вилы; она совпадаетъ здѣсь съ ролью бабы-яги нашихъ сказокъ.

VII.

Образцы финскихъ сказокъ.

Переводъ финскихъ сказокъ, помѣщенный здѣсь, былъ сдѣланъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ для проф. моск. унив. Ѳ. И. Буслаева студентами Гельсингфорскаго университета, бывшими въ Москвѣ. Сохранившаяся часть перевода издается съ немногими поправками, сдѣланными нами при обязательномъ содѣйствіи академика А. Шифнера; кромѣ того, мы позволяли себѣ сглаживать иногда слишкомъ рѣзкіе варваризмы. Поразительное сходство финскихъ сказокъ съ русскими, дающее поводъ думать, что они, можетъ быть, перешли къ Финнамъ отъ насъ, и побуждаетъ насъ обратить на нихъ вниманіе нашихъ изслѣдователей. Переводъ сдѣланъ съ первой части сборника Ерика Рудбека (финское имя Eoro Salmelainen); первая часть появилась въ 1852 г.; вторая — въ 1854. Здѣсь помѣщены всѣ сказки первой части, безъ первыхъ семи, переводъ которыхъ, къ несчастію, затерянъ.

8. Дѣвица, выходящая изъ волнъ (изъ Русской Кареліи).

9. Девять братьевъ.

I) Одни братья ищутъ, другія летаютъ лебедями (изъ русской Кареліи)

II) Островитяне (изъ Sakimvaara на Ладожскомъ озерѣ).

III) Мальчикъ, выросшій въ бочкѣ (тамъ же).

10. Безрукая дѣвушка.

I) Дѣвушка въ царскомъ саду (изъ Wicokkiniemi въ Арханг. губ.)

II) Дѣвушка на гороховомъ полѣ (изъ Liexa въ Кареліи).

11. Дѣвица, отыскивающая братьевъ (изъ Jlomantz).

12. Бѣглецы.

I) Дѣти, обѣщанныя водяному царю (изъ Pangajärvi въ Кареліи).

II) Собаки изъ бычьихъ ушъ (Wuokkiniemi).

III) Заколдованный царевичъ (изъ Savolax съ варіантомъ изъ Тевасландіи).

13. Неотворяемый ящикъ (изъ Кареліи).

14. Бѣгство изъ горы:

I) Чудная дубина (изъ Libelitz ва Кареліи).

II) Чудная дудка (изъ Satakunda).

15. Подарки чорта:

I) Инструмента чорта (изъ Libelitz).

II) Золотой жеребецъ, золотая метла, неводъ и флейта (изъ Kihtelysvaara).

8.

Дѣвица выходящая изъ волнъ.

Жили—были старикъ со старухой. У нихъ были сынъ и дочь; оба прехорошенькіе. Мальчикъ нанялся у царя въ пастухи, а сестра осталась у стариковъ-родителей. Скоро мальчикъ сталъ скучать о своихъ и только и думалъ, что о родинѣ. Однажды онъ нарисовалъ въ лѣсу на древесной губкѣ лицо сестры и привезъ ее (губку) во дворецъ. Царевичъ увидалъ рисунокъ; и прекрасная дѣвица тотчасъ понравилась ему. Онъ и говоритъ мальчику: «привези сюда твою сестру! Если она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша собой, я на ней женюсь, а ты будешь первымъ послѣ меня.» Мальчикъ отправился домой и сталъ уговаривать сестру идти съ нимъ во дворецъ и выйдти замужъ за царевича. Но дѣвица, подъ разными предлогами, не хотѣла согласиться на его предложеніе. Однако братъ устранилъ всѣ препят-

ствія такъ, что она наконецъ одѣлась въ лучшія свои платья и пустилась съ нимъ въ путь.

Дорога во дворецъ шла водою. Когда они сѣли въ лодку, вскочила туда же и собака этой дѣвицы. Отправились. Черезъ нѣсколько времени Сёнтэръ, которая шла вдоль берега, и кричитъ имъ: «дѣти, возьмите меня съ собой.» Мальчикъ хотѣлъ было взять ее въ лодку; но сестра запретила; и онъ послушался. Недалеко оттуда Сеятэръ опять явилась на берегу и просила снова, чтобъ взяли ее въ лодку. Не смотря на предостереженія дѣвицы, мальчикъ однакожъ позволилъ Сёнтэръ сѣсть въ лодку. А какъ только она взошла въ лодку, такъ обоихъ ихъ и сдѣлала глухими. — Вскорѣ увидали они вдали царскій дворецъ; мальчикъ и говоритъ сестрѣ: «сядь, сестрица, выше! Вонъ гдѣ дворецъ!» Дѣвица не могла разслышать и спросила, что онъ сказалъ. Тогда Сеятэръ отвѣчала ей:» онъ приказалъ тебѣ перестать гресть и прыгнуть въ воду.»—Дѣвушка хоть не послушалась, но перестала гресть; и Сёнтэръ сѣла на ея мѣсто.

Черезъ нѣсколько времени братъ повторилъ сестрѣ свое приказаніе; а она все не слышитъ, что онъ говоритъ. Тогда Сёнтэръ объяснила ей, что онъ приказалъ ей раздѣться и прыгнуть въ воду. Дѣвушка раздѣлась, но въ воду еще не прыгнула. Въ третій разъ приказываетъ ей братъ сѣсть выше, потому что они были уже не далеко отъ дворца. Тогда Сёнтэръ сказала ей: «братъ приказываетъ тебѣ выколоть себѣ глаза, переломить руки и прыгнуть въ море.» —«Вѣдь, мнѣ должно послушаться брата,» подумала дѣвушка и прыгнула въ воду. Мальчикъ хотѣлъ было тотчасъ ухватить ее, но Сёнтэръ помѣшала ему. «Не безпокойся, говоритъ; я, вѣдь, на нее похожа.» Она стала гресть; дѣвушка осталась за ними и утонула такъ, что ее стало ни видомъ не видать, ни слыхомъ не слыхать. Что жъ дѣлать? Мальчикъ не смѣлъ явиться во дворецъ безъ невѣсты и хотѣлъ было ужъ возвратиться домой; но лукавая Сёнтэръ сказала ему: «вези меня во дворецъ и скажи, что я твоя сестра, я награжу тебя за это.»—Онъ согласился, потому

что не зналъ какъ выбраться изъ столь затруднительнаго положенія.—Сёнтэръ одѣлась въ прекрасныя платья дѣвушки и они продолжали свой путь. Скоро они пріѣхали ко дворцу. Царевичъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу; и когда онъ увидѣлъ безъобразную Сёнтэръ, онъ спросилъ у мальчика: «это ли твоя сестра?»—Эта, отвѣчалъ мальчикъ.—Царевичъ взялъ Сёнтэръ себѣ въ невѣсты, потому что не хотѣлъ измѣнить своему слову, хотя дѣвушка и не была такъ хороша собой, какъ онъ думалъ. А на мальчика онъ все таки разсердился и приказалъ бросить его въ яму, полную змѣй. Они исполнили приказанье; но на слѣдующее утро нашли мальчика невредимымъ. Доложили о томъ царевичу. «Удивительно въ самомъ дѣлѣ, царевичъ, прежде змѣи въ одну ночь съѣдали человѣка, а этого старшій змѣй только облизываетъ.»—Оставьте его; авось, завтра съѣдятъ —отвѣчалъ онъ и приказалъ имъ доложить себѣ на слѣдующее утро.

Между тѣмъ дѣйствительная сестра мальчика находилась на глубинѣ моря и ее тамъ назначили въ невѣсты сыну водянаго царя. Жизнь ей тамъ была очень хороша, потому что тамъ находились всякаго рода богатства; но она боялась, что царевичъ накажетъ брата ея за обманъ Сёнтэри. Потому она начала вышивать золотомъ и серебромъ платокъ и просила, чтобъ ей позволили идти подарить его царевичу и надѣялась такимъ образомъ избавить брата отъ змѣй. Ее пустили, но заковали въ серебрянныя цѣпи, чтобъ она не убѣжала. А собака цѣлый день бѣгала по дворцу, хозяйни своей не нашла и незнала къ кому привязаться; вечеромъ побѣжала на берегъ, гдѣ была лодка мальчика и легла въ нее спать. Не далеко оттуда находился домъ одной вдовы и отъ него до берега шелъ каменный мостъ. Ночью утопленная дѣвица въ цѣпяхъ вышла изъ волнъ и сѣла на этотъ мостъ. Она была красива также, какъ и прежде, и великолѣпно одѣта. Когда она замѣтила свою собаку, она позвала ее къ себѣ и приказала ей сходить во дворецъ, но такъ тихо и осторожно, чтобъ никто не слы-

калъ, и положить платокъ подъ изголовье царевича для того, чтобъ онъ избавилъ брата ея отъ змѣй. — Собака удачно исполнила порученіе и потомъ опять возвратилась къ хозяйкѣ на берегъ. Тогда дѣвушка спросила ее: гдѣ ея братъ и какъ живутъ во дворцѣ? Собака отвѣчала, что мальчикъ въ ямѣ среди змѣй, а что Сёнтэръ лежитъ возлѣ царевича. — Тогда дѣвушка попросила собаку являться на берегъ еще двѣ ночи; и опять исчезла въ воду.

Утромъ царевичъ проснулся и нашелъ платокъ. Онъ никакъ не могъ догадаться, откуда платокъ явился. Сёятэръ тогда солгала ему, что она вышивала платокъ въ то время, когда онъ спалъ, однако царевичъ не повѣрилъ ей и подумалъ про себя: «нѣтъ, не ты его вышивала; такого (платка) въ одну ночь не вышьешь.» Спросили у сторожей дворца: не входилъ ли кто-нибудь ночью во дворецъ? Однако ничего не узнали, и никто не присвоилъ себѣ платка. Дѣло такъ и осталось. — Царевичъ вспомнилъ о мальчикѣ между змѣями и приказалъ слугамъ собрать его кости, если змѣи уже съѣли его. Слуги отправились, но вскорѣ опять возвратились и доложили царевичу, что мальчикъ все еще живъ. Царевичъ опять удивился; отправился къ вдовѣ и говоритъ: «отчего змѣи въ двѣ ночи не съѣдаютъ человѣка, котораго я велѣлъ бросить имъ въ яму: прежде они съѣдали человѣка въ одну ночь?» — А за что ты велѣлъ бросить его въ яму? — спросила вдова. — Царевичъ разсказалъ ей, что онъ нанималъ себѣ въ пастухи красиваго мальчика, который сказалъ ему, что сестра его еще красивѣе и что ему тогда захотѣлось жениться на ней, что мальчикъ привезъ сестру, но что она была безобразна и поэтому онъ хотѣлъ наказать обманщика. — «Вѣдь, это не его сестра — возразила вдова, — его сестра въ водѣ; откуда она прислала тебѣ платокъ, чтобъ ты избавилъ мальчика. Твоя невѣста не кто иная, какъ Сёятэръ.» — Когда царевичъ узналъ это, онъ отправился домой и весь день обдумывалъ все это; тутъ настала ночь. — Дѣвушка получила позволеніе отправиться на землю, чтобы нести царе-

вичу въ подарокъ рубаху, шитую золотомъ и серебромъ. Ее опять заковали въ серебрянныя цѣпи и она снова вышла возлѣ моста, сѣла на него и приказала своей собакѣ снести рубаху подъ изголовье царевича, но только такъ тихо и осторожно, чтобъ никто не видалъ и не слыхалъ. Собака исполнила порученіе; царевичъ утромъ нашелъ рубаху и спросилъ: «кто положилъ подъ мое изголовье эту рубаху?» — Милостивый царевичъ — отвѣчала тогда Сеятэръ; я сама сплю, но руки мои не спятъ; они все шьютъ и вышиваютъ въ то время, какъ ты отдыхаешь». Тутъ явились слуги и говорятъ: «царевичъ! мальчикъ въ ямѣ не умретъ: старшій змѣй все только облизываетъ его». Такъ вытащите его, коли не съѣдятъ — отвѣчалъ царевичъ. Потомъ приказалъ слугамъ выйдти, надѣлъ на себя прекрасную рубаху и отправился къ вдовѣ, думая про себя: «такой работы моя жена не сдѣлаетъ». Пришедши къ вдовѣ, онъ сказалъ ей: «вотъ что удивительно, любезная: въ первую ночь явился подъ мое изголовье золотой платокъ, а во вторую золотая рубаха». Удивительно тоже — отвѣчала она — что ночью всегда изъ волнъ выходитъ молодая дѣвушка возлѣ воротъ моихъ; одѣта вся въ золото и серебро, и такъ хороша собой, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ написать; она всегда приноситъ что-нибудь тебѣ въ подарокъ. И она-то собственно твоя невѣста, а Сеятэръ теперь у тебя женой.

Тогда царевичу захотѣлось видѣть дѣвушку, которая принесла ему такіе подарки, и потому онъ сказалъ вдовѣ: «какимъ образомъ я могу достать эту красавицу, если она еще разъ выйдетъ изъ волнъ?» — Она еще принесетъ тебѣ послѣдній подарокъ — отвѣчала вдова; а потомъ она должна выйдти за сына водянаго царя. Поди потому въ кузницу, закажи себѣ косу и длинную желѣзную цѣпь и приходи ночью сюда караулить. Когда замѣтишь, что она выходитъ, схвати ее цѣпью и отруби косою серебрянную цѣпь, въ которую она закована; и не отпускай ее, во что бы она не превратилась и все поруби косою такъ, что она наконецъ

опять обратится въ дѣвушку. Царевичъ отправился въ кузницу, заказалъ себѣ косу и цѣпь, и вечеромъ пришелъ караулить возлѣ моста.

Долго онъ ждетъ; она все не выходитъ. Наконецъ въ полночь слышитъ онъ шумъ отъ ея серебрянной цѣпи, и изъ волнъ выходитъ прекрасивая дѣвушка. Она садится на мостъ и говоритъ своей собакѣ: «ступай отнеси эти брюки подъ изголовье царевича!» Тогда царевичъ выходитъ изъ своей засады, чтобъ поймать дѣвушку, какъ ему приказала вдова. Дѣвушка хотѣла было прыгнуть въ воду, но онъ охватилъ ее своею цѣпью и отрубилъ ея серебрянную цѣпь. Дѣвушка все таки хотѣла бѣжать отъ него и превращалась въ змѣю, комара, ящерицу, ворону и т. д.; но царевичъ порубилъ поочередно всѣхъ и не отпустилъ ее до тѣхъ поръ, пока она опять не превратилась въ дѣвушку. «Чего вы отъ меня хотите, царевичъ? Вѣдь, Сеятэръ съѣстъ меня» — сказала дѣва. «Не бойся, отвѣчалъ царевичъ; она уже больше не останется у меня во дворцѣ; я поведу тебя къ твоему брату: я его ужъ избавилъ отъ змѣй». Потомъ онъ повелъ дѣвушку къ вдовѣ и тамъ они провели ночь. Утромъ царевичъ одинъ возвратился во дворецъ. Сеятэръ стала спрашивать его, гдѣ онъ былъ такъ долго. «Не безпокойся: больше не буду оставлять тебя!» отвѣчалъ царевичъ; а слугамъ приказалъ: «истопите желѣзную баню! Выкопайте подъ поломъ яму въ глубину три сажени, наполните ее смолою и огнемъ, но накройте ее темнымъ сукномъ». Слуги исполнили приказанье, и потомъ по прежнему стали провожать жену царевича въ баню. У дверей Сеятэръ сказала: «я въ васъ больше не нуждаюсь; отсюда я прыгну на порогъ, а потомъ на полокъ». Но слуги уговаривали ее идти по сукну, на что она и согласилась. Тогда она упала въ яму и сгорѣла. Умирая она кричала: «будьте изъ моихъ волосъ комары, черви и змѣи на вѣковѣчную казнь человѣкамъ!»

Царевичъ теперь отправился къ вдовѣ, привезъ прекрасную дѣвушку во дворецъ и сыграли сватьбу. А брата не-

вѣсты онъ сдѣлалъ высшимъ послѣ себя и далъ ему половину своего богатства за его хорошую сестру. Вотъ и сказка.

9.

Девять братьевъ.

I. Одни братья ищутъ, а другіе летаютъ лебедями.

Жили были три сестры. Гуляли онѣ однажды въ лѣсу и громко разговаривали между собой. Старшая и говоритъ: «изъ трехъ ячменныхъ зеренъ я сдѣлаю кушанье для цѣлаго войска». А средняя говоритъ: «я могу одѣть цѣлое войско тремя пеньковыми нитками». Младшая сказала, что въ три раза она принесетъ мужу девять сыновей. Царевичъ въ это время тоже ходилъ по лѣсу и случайно услыхалъ этотъ разговоръ. Онъ рѣшился жениться на младшей сестрѣ и велѣлъ ей слѣдовать съ собою во дворецъ.

Черезъ нѣсколько времени она сдѣлалась беременною и родила трехъ прекрасныхъ мальчиковъ. Послали слугу за бабкой; на дорогѣ слуга встрѣтилъ Сентэръ и предложилъ ей прійдти во дворецъ. «Погоди немного, я схожу домой и сейчасъ прійду». Слуга ждетъ; а Сеятэръ между тѣмъ спрятала у себя въ платьѣ трехъ воронятъ, возвратилась къ слугѣ и отправилась съ нимъ во дворецъ. Здѣсь тотчасъ приказали ей мыть дѣтей; но когда осталась она вдвоемъ съ матерью, она спрятала ея дѣтей и положила воронятъ и говоритъ: стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ еще мыть воронятъ? — «Какъ бы то ни было, все таки ведите мать въ баню,» отвѣчалъ царевичъ; но все жь остался недоволенъ тѣмъ, что у жены родились воронята. Повели мать въ баню, какъ было приказано, а Сеятэръ между тѣмъ увезла ея сыновей въ открытое поле и спрятала ихъ подъ бѣлый камень.

Живутъ нѣсколько времени; жена опять родила трехъ прекрасныхъ сыновей. Сеятэръ опять спрятала ихъ подъ камень, гдѣ и старшіе были спрятаны, а къ матери подложила трехъ молодыхъ воронъ. Царевичъ грустилъ объ этомъ и не зналъ, что дѣлать, когда жена его рождала такихъ дѣтей. А она ничего не говорила ему объ обманѣ Сеятэри и сносила все терпѣливо. Черезъ нѣсколько времени она опять родила трехъ прекрасныхъ сыновей. Послали опять слугу за бабкой. Сеятэръ встрѣтила его на дорогѣ и спросила: куда идешь? — Бабку ищу! — Возьми меня, сказала Сеятэръ. Слуга не согласился и пошелъ дальше. Недалеко отъ того мѣста Сеятэръ опять встрѣтила его и снова просила взять ее съ собой. Наконецъ онъ согласился. Сеятэръ сперва пошла домой, взяла трехъ молодыхъ сорокъ и отправилась съ ними во дворецъ. Ее привели къ женѣ, а она (жена) ужь спрятала двухъ сыновей въ чепецъ, и Сеятэръ нашла только одного ребенка. Она удивилась этому и сказала женѣ: «вѣдь, ты прежде рождала по тройнѣ; отчего теперь только однаго?» — Богъ далъ только одного, отвѣчала жена и Сеятэръ должна была довольствоваться этимъ. Она вымыла мальчика и спрятала его; а на его мѣсто положила сорокъ и сказала сердито: «стоитъ ли мыть всѣхъ чертей: это, вѣдь, сороки!». Какъ бы то ни было, отвѣчалъ опять царевичъ, ведите все таки мать въ баню! — Его послушались; а Сеятэръ тогда взяла мальчика изъ скрытаго мѣста и увела его подъ камень въ поле.

Царевичъ не зналъ, что дѣлать съ женой, когда она народила только птицъ. Наконецъ онъ рѣшился отправить ее на тотъ свѣтъ; потому и приказалъ посадить ее въ желѣзную бочку и вытолкнуть въ море, чтобы она впередъ не причиняла ему столько горя. Бочка плавала по волнамъ три года; между тѣмъ мальчики, которыхъ жена спрятала въ чепецъ, росли и однообразная жизнь стала надоѣдать имъ. Однажды бочка начала стучать обо что-то, и они не могли знать причины этому. Тогда мальчики молились Богу и сказали грустнымъ голосомъ: «милостивый Господи, унич-

тожь эту бочку, дай намъ любоваться свѣтомъ и наслаждаться воздухомъ!» Едва они выговорили эту молитву, какъ бочка уже разломилась. Они поблагодарили Бога за помощь, пошли гулять по берегу острова и стали думать: «какъ намъ жить на этомъ необитаемомъ островѣ?» Тутъ щука приплыла къ берегу и говоритъ: «мальчикъ, распори у меня животъ!» — Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ убивать тебя? — отвѣчалъ мальчикъ. — «Пори да и только» возразила щука «и бери то, что найдешь въ немъ». Мальчикъ все-таки не хотѣлъ согласиться, тогда щука сказала: «дѣлайте, что я требую; въ животѣ у меня синяя косынка и платокъ; они вамъ будутъ полезны. Когда проведете вдоль и поперегъ косынкою, то возникнетъ на томъ мѣстѣ домъ; если на берегу проведете ею до воды и скажите: пусть будетъ мостъ отсюда до дворца, такъ это тотчасъ и будетъ. А платокъ берегите, потому что онъ выручитъ васъ изъ бѣды». Они тотчасъ послушались приказаній щуки; когда провели вдоль и поперегъ косынкою, тотчасъ на островѣ возвысился великолѣпный домъ и мостъ до царскаго дворца.

Теперь не было у нихъ ни въ чемъ нужды; они стали жить, какъ обыкновенно. Во дворцѣ домъ ихъ съ острова блисталъ, какъ звѣзда; и всѣ во дворцѣ удивлялися тому, что кто бы могъ жить въ такомъ домѣ; но ни у кого не могли узнать этаго. Одинъ нищій случайно ходилъ по берегу, увидѣлъ каменный мостъ ведущій на островъ и пошелъ по немъ. Вскорѣ домъ заблисталъ передъ его глазами. Онъ продолжалъ путь, пришелъ на островъ, увидѣлъ прекрасныя золотыя комнаты и пошелъ на дворъ. Потомъ взошелъ въ домъ посмотрѣть, кто здѣсь живетъ и увидалъ мать съ сыновьями. Они накормили и напоили нищаго, какъ гостя; и когда онъ уходилъ, мальчики проводили его до моста. Отсюда старикъ возвратился на материкъ и пошелъ во дворецъ.

Царевичъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на народъ, ходившій по царскому двору; онъ замѣтилъ и нищаго и спросилъ его: «ты откуда?» — Милостивый церевичъ! — отвѣ-

чалъ старикъ — если бы ты зналъ, гдѣ я былъ, ты бы не сидѣлъ больше у окна. — «А гдѣ ты былъ?» спросилъ опять царевичъ. Тогда старикъ отвѣчалъ: «я ходилъ по берегу мимо дворца, увидалъ каменный мостъ, отправился по немъ, пришелъ на островъ; на немъ домъ и тамъ живетъ мать съ двумя сыновьями, такъ красивы что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ меня накормили и напоили; мнѣ тамъ было такъ хорошо, какъ и тебѣ здѣсь во дворцѣ. И когда я уходилъ, мальчики еще проводили меня до мосту».

Когда царевичъ услышалъ разсказъ старика, онъ подумалъ: «не тутъ ли только моя жена съ своими сыновьями?» — Я тоже удивлялся блестящему дому, сказалъ онъ; но не зналъ, кто живетъ въ немъ. Какъ мнѣ пробраться туда, чтобы видѣть жителей острова?» — Очень легко — отвѣчалъ старикъ — если только хочешь, мостъ хорошъ, такъ что лучше не найдешь; я провожу тебя. Они отправились вмѣстѣ и пришли на островъ. Царевичъ увидѣлъ домъ; онъ взошелъ въ него и поздоровался. Потомъ сѣлъ и сталъ спрашивать у мальчиковъ: «откуда вы сюда попали»? — мальчики отвѣчали: «мы находились въ бочкѣ, которая плавала по волнамъ; вдругъ она застучала обо что-то и мы не знали гдѣ мы; тогда мы молились Богу, чтобъ бочка развалилась. Онъ насъ выручилъ изъ бѣды; бочка отворилась и мы очутились на этомъ островѣ. Мы стали ходить по берегу и говорили между собою о томъ, какъ бы намъ теперь жить на пустомъ островѣ; тутъ приплыла щука къ берегу и приказала намъ распороть у ней животъ. Мы сперва не хотѣли убить ее; но она все просила насъ и мы наконецъ послушались. Въ ней мы нашли синюю косынку и платокъ, которые намъ пригодились. Когда мы провели косынкою, мы тотчасъ получили то, что ты здѣсь видишь: золотой домъ и каменный мостъ».

Услышавъ разсказъ дѣтей, царевичъ заплакалъ и сказалъ: «я причиной вашимъ бѣдствіямъ; вы мои дѣти!» Потомъ онъ приблизился къ матери мальчиковъ и сказалъ:

«ты моя жена; я твой мужъ, а это—мои дѣти». Они узнали другъ друга и обрадовались такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Царевичъ теперь велѣлъ женѣ и сыновьямъ прійдти съ нимъ во дворецъ. Мальчикъ вынулъ косынку изъ кармана, провелъ ею и тотчасъ домъ исчезъ; тоже самое случилось съ мостомъ, какъ скоро они пришли на материкъ. Во дворцѣ теперь обрадовались тому, что царевичъ нашелъ жену свою и сыновей и приготовили большой пиръ.

Опять стали жить во дворцѣ по прежнему, мирно и счастливо. Однажды мальчики узнали у матери, что у нихъ были братья, которыхъ Сеятэръ спрятала; тогда они начали скучать объ нихъ и жизнь дома больше не нравилось имъ; и стали они просить мать: «мать, родительница, отпусти насъ искать братьевъ!»—Мать не хотѣла разстаться съ единственными дѣтьми и старалась удержать ихъ отъ этаго предпріятія. «Не ходите, говоритъ, родимые, пропадете еще и вы». А мальчики безотвязно приступали къ ней, и не дали ей покоя до тѣхъ поръ, пока она не согласилась отпустить ихъ и сказала: «ну ужъ если непремѣнно хотите, такъ ступайте, родимые! Богъ съ вами». Мальчики приготовились въ дорогу и мать испекла имъ лепешку изъ собственнаго своего молока. На дорогѣ они гдѣ-то увидѣли ласточку (? sterna hirundo) на деревѣ и одинъ изъ нихъ хотѣлъ застрѣлить ее. А другой запретилъ ему и сказалъ: «не стрѣляй напрасно; она красивѣе живая». Братъ все таки прицѣлился въ нее, какъ вдругъ она говоритъ ему: «не стрѣляй, дружокъ: я тебя награжу!» Мальчикъ удивился этому, но вскорѣ опять поднялъ лукъ; «какимъ образомъ, говоритъ, она можетъ наградить меня»? и хотѣлъ было застрѣлить ее. «Не стрѣляй такую красивую птицу!» сказалъ опять другой братъ и онъ послушался, но скоро въ третій разъ поднялъ лукъ. Тогда птица ему сказала: «не стрѣляй, дружокъ, я тебѣ пригожусь» — «Что ты можешь мнѣ сдѣлать?» сказалъ мальчикъ; а все таки опустилъ лукъ.

Не знаешь, что на пути случится, отвѣчала птица. Мальчикъ тогда оставилъ ее въ покоѣ.

Они пошли дальше и пришли къ морскому берегу. «Какъ намъ пробраться на другую сторону?» сказалъ мальчикъ, который хотѣлъ застрѣлить птицу. «Теперь птица можетъ помочь мнѣ, если она сдержитъ слово».

Лишь только онъ сказалъ это, какъ птица прилетѣла. «Садитесь, говоритъ, мальчики, мнѣ на спину; я свеву васъ на другой берегъ!» Мальчики сѣли и птица полетѣла. Она летѣла, летѣла и все возвышалась, и спросила у мальчиковъ: «какъ велико кажется вамъ море?» Какъ крышка ушата, отвѣчали они. Тогда птица спустилась такъ, что они немного намокли, и потомъ опять поднялась и опять спросила, какъ велико кажется имъ море? — Какъ рѣшето, отвѣчали мальчики и птица опять пустила ихъ въ воду, и потомъ опять поднялась и въ третій разъ опустила ихъ еще глуже. Она не оставила ихъ долго въ водѣ, а поднялась опять и вынесла мальчиковъ на другой берегъ. Здѣсь она оставила ихъ и сказала тому мальчику, который хотѣлъ застрѣлить ее: «я точно также испугалась, когда ты въ первый разъ цѣлилъ на меня, какъ и ты, когда я опустила васъ въ воду. Второй и третій разъ, я, какъ и ты, испугалась еще больше. Теперь я сдержала свое слово, ступайте куда вамъ угодно». Мальчики отправились дальше одни и долго странствовали по незнакомымъ странамъ. Они шли, шли, а не знали куда шли. Вдругъ одинъ изъ нихъ вспомнилъ платокъ, который дала имъ щука и говоритъ брату: «когда щука дала намъ платокъ, она вѣдь сказала, что онъ выручитъ насъ изъ бѣды, пусть онъ теперь поможетъ намъ!» Тутъ онъ взялъ платокъ изъ кармана и заставилъ его вертѣться. Платокъ сталъ вертѣться, а мальчики все шли за нимъ. На дорогѣ птица съ вѣтви спросила, куда они идутъ. «Братьевъ искать» отвѣчали они «не знаешь ли ты гдѣ они?» — Нѣтъ, не знаю — отвѣчала птица — а недалече отсюда избушка; можетъ быть тамъ знаютъ, гдѣ ваши братья».

Мальчики поблагодарили птицу за совѣтъ, заставили платокъ вертѣться, пошли за нимъ, пришли къ избушкѣ и взошли въ нее. Тамъ хозяйка и спрашиваетъ ихъ: откуда вы, гости? — Они отвѣчали, что вотъ они оттуда то. «Идемъ искать своихъ братьевъ; не знаешь-ли гдѣ они?» — Братья ваши, сказала тогда старушка, безъ сомнѣнія здѣсь; семь мальчиковъ днемъ всегда летаютъ по морю; не далеко отсюда изба; туда они прилетаютъ на ночь и опять превращаются въ мальчиковъ. Если пойдете туда, такъ навѣрно найдете ихъ. Мальчики обрадовались, когда узнали эту вѣсть; тотчасъ они простились съ хозяйкой и пошли за вертѣвшимся платкомъ. Платокъ скоро перестадъ вертѣться; они были возлѣ той избы, которую имъ назвала старушка. Взошли они въ избу и сѣли; хозяйка черезъ нѣсколько времени спросила: «откуда вы, друзья?» Мы ищемъ братьевъ своихъ, отвѣчали мальчики; долго мы ужъ искали ихъ; не достигли ли мы ужъ своей цѣли? — «Достигли,» возразила хозяйка; «братья ваши днемъ летаютъ лебедями, а вечеромъ возвращаются къ намъ ночевать, оставляютъ лебяжьи шкуры въ сѣняхъ и входятъ людьми. Подождите до сумерокъ, такъ увидите ихъ; да не показывайтесь имъ, а не то они улетятъ; а когда они взойдутъ въ комнату, ступайте на дворъ, сожгите лебяжьи шкуры, тогда они опять превратятся въ людей.»

Мальчики обрадовались еще больше этому извѣстію. Они разговаривали съ хозяйкой до вечера. Наконецъ послышался шумъ въ воздухѣ; лебеди прилетѣли на дворъ, скинули шкуры и взошли въ избу людьми. Они тотчасъ и говорятъ: «здѣсь пахнетъ матерью;» и стали искать кругомъ. А мальчики не зѣвали; тотчасъ вышли изъ избы и сожгли лебяжьи шкуры, какъ хозяйка приказала. Запахъ услыхали въ избѣ и братья поспѣшили на дворъ, чтобъ узнать причину. Они испугались, прибѣжали къ хозяйкѣ: «кто наши шкуры сжегъ?» Тутъ взошли и мальчики; разсказали имъ, что они братья, что они искали ихъ. Наконецъ узнали другъ друга и цѣловались отъ радости. — Начали разсказы-

вать свою судьбу другъ другу и вся ночь минула въ разговорахъ. Утромъ они простились съ хозяйкой и всѣ отправились вмѣстѣ домой. Уходя искавшіе братья дали лепешку, которую пекла мать, другимъ братьямъ. «Отвѣдайте, говорятъ, материнскаго молока!» Тѣ отвѣдали и отвѣчали: «давно ужь мы не наслаждались материнскимъ молокомъ; намъ пришлось разстаться съ ней прежде, чѣмъ отвѣдали его.» Потомъ заставили платокъ вертѣться и пошли за нимъ до самаго дворца, гдѣ очень обрадовались ихъ возвращенію. Царь сталъ такъ радъ, что не зналъ, что дѣлать; и во дворцѣ пировали нѣсколько дней.— Вотъ и сказка.

II. Островитяне.

Три сестры однажды разговаривали между собой. Старшая и говоритъ: «еслибъ царь женился на мнѣ, я бы сдѣлала сорочки всѣмъ дворецкимъ изъ трехъ льняныхъ нитей.» А средняя говоритъ: «если бы царь женился на мнѣ, я бы напекла хлѣба всѣмъ дворецкимъ изъ трехъ пшеничныхъ зеренъ.» Третья сестра говоритъ: «если бы царевичъ женился на мнѣ, я бы въ трехъ родахъ разрѣшилась бы девятью сыновьями.»

Царевичъ услыхалъ это и сказалъ самъ про себя: «которую изъ нихъ взять: онѣ, вѣдь, всѣ хороши? Но во дворцѣ довольно, вѣдь, платьевъ и хлѣба, я возьму за себя ту, которая въ трехъ родахъ разрѣшится девятью сыновьями.» Взялъ онъ младшую сестру и повелъ ее во дворецъ. Когда пришло ей время родить, она и говоритъ мужу: «поди искать бабку, я въ родахъ.» Мужъ пошелъ и на дорогѣ встрѣтилъ женщину, которая спросила у него: «куда ты идешь?» Бабку искать; жена въ родахъ — отвѣчалъ онъ.— «Такъ возьми меня!» сказала она на это. Онъ согласился, а не зналъ, что это была Сеитэръ, жена нечистаго. Когда они пришли во дворецъ, царевичъ послалъ Сеитэръ въ баню, а самъ взошелъ въ домъ. — Что же!—

Жена родила трехъ сыновей; Сеитэръ украла ихъ, а на ихъ мѣсто положила трехъ волчатъ, и потомъ пошла къ царевичу. Тотъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и свисталъ отъ радости. «Правда, есть чему радоваться—сказала Сеитэръ, когда жена твоя родила трехъ волчатъ.»—Пойду посмотрю — отвѣчалъ царевичъ и ушелъ. Пришедши къ женѣ, онъ увидѣлъ, что Сеитэръ не солгала: волчата ползали по полу. Тогда онъ сказалъ женѣ: «теперь я тебя убью.»—Не убивай—просила жена — дай я еще разъ разрѣшусь отъ бремени.

Царевичъ пощадилъ ее. Живутъ они нѣсколько времени; жена опять сдѣлалась беременна. Когда она стала родить, опять проситъ мужа сходить за бабкой. Мужъ отправился и на дорогѣ опять встрѣтился съ Сеитэрью, какъ и прошедшій разъ; но онъ не узналъ ее. Куда идешь?—«Бабку искать; жена въ родахъ,» отвѣчалъ царевичъ.—Возьми меня! — возразила Сеитэръ. Царевичъ согласился и послалъ ее къ своей женѣ. Она опять разрѣшилась тремя сыновьями, а Сеитэръ спрятала и вмѣсто нихъ положила трехъ поросятъ. Потомъ пошла къ царевичу и сказала: «есть чему радоваться, когда жена родила трехъ поросятъ.» Пойду посмотрѣть — отвѣчалъ царевичъ и пошелъ въ баню. Вмѣсто дѣтей онъ увидалъ поросятъ такъ какъ ему сказали. Царевичъ пригорюнился и говоритъ женѣ: «вѣдь, ты обѣщала разрѣшиться тремя сыновьями, а теперь родила поросятъ. Я за это тебя убью.»—Не убивай, отвѣчала жена, дай мнѣ родить еще разъ, тогда можешь убить.

Живутъ опять нѣсколько времени и жена опять сдѣлалась беременна. Пришло ей время родить, посылаетъ мужа за бабкой. Онъ опять отправился и опять встрѣтилъ Сеитэръ, которую онъ и привелъ къ женѣ. А жена на этотъ разъ была осторожнѣе, потому что уже знала Сеитэръ; она опять родила трехъ сыновей и одного спрятала въ свою косу и только двухъ дала женѣ нечистаго. Та опять украла мальчиковъ и вмѣсто ихъ положила двухъ щенковъ. Царевичъ пришелъ въ баню и увидѣлъ щенковъ; тогда онъ

сказалъ женѣ: «ты надѣялась родить трехъ сыновей, а родила щенковъ. Теперь я убью тебя.» Онъ велѣлъ положить ее въ желѣзную бочку и вытолкнуть въ море: въ спутники онъ ей далъ одного изъ щенковъ, а она сама взяла съ собой мальчика, котораго спрятала въ косу. Вѣтеръ несъ бочку по волнамъ и наконецъ прибилъ ее къ берегу. Мальчику стало скучно въ бочкѣ и онъ хотѣлъ выползти изъ нея, сказавъ матери: вышибу дно у бочки, такъ и выйдемъ на землю. — Не вышибай; вѣдь не знаешь, гдѣ мы; пожалуй еще утонемъ—отвѣчала мать. Мальчикъ послушался и вѣтеръ понесъ бочку дальше, пока не прибилъ ее опять къ берегу. Теперь мальчикъ не имѣлъ больше терпѣнья, вышибъ дно и они вышли на землю. Впрочемъ имъ было бы довольно хорошо, но было очень холодно и негдѣ разогрѣть озябшіе члены. Тогда мальчикъ началъ молиться Богу и сказалъ: «Боже, дай намъ домикъ, гдѣ жить!» — Какъ только онъ сказалъ эти слова, тотчасъ на томъ мѣстѣ явился отличный домъ; стѣны были конопачены куньими хвостами; и на дворѣ росло такое дерево, что отъ него доставало хлѣба и прихлебки, и все что имъ было угодно. Мальчикъ опять сталъ молиться Богу: «морская вода солнна; нельзя пить ее, дай намъ колодецъ, откуда мы доставали бы воды.» Тамъ явился такой колодецъ, что нѣтъ подобныхъ; въ одной половинѣ была вода; въ другой медъ и золотой край кругомъ.

Теперь мальчикъ сказалъ матери: «постой, я пойду узнаю: на материкѣ ли мы или на островѣ; вѣдь мы никого не видимъ.» Онъ пошелъ и кругомъ увидѣлъ только одно море, тогда онъ опять сталъ молиться Богу и сказалъ: «мы теперь на островѣ; дай, Боже, мостъ, по которому мы могли бы пробраться на материкъ!» Тотчасъ явился желѣзный мостъ такой, что и у царей нѣтъ лучше. Слѣдующее утро три нищихъ ходили по берегу и увидѣли мостъ. Тогда они и говорятъ между собой: «значитъ, есть жильцы на островѣ, когда такой мостъ ведетъ туда; пой-

демъ посмотримъ.» Мальчикъ сидѣлъ у окна и увидѣлъ нищихъ; онъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу и проводилъ ихъ въ избу. Тамъ онъ накормилъ и напоилъ ихъ, показалъ имъ дерево, колодецъ и все остальное; и когда они хотѣли уйдти, онъ проводилъ ихъ въ дорогу и сказалъ щенку: «проводи этихъ мужчинъ въ царскій дворецъ.» Щенокъ исполнилъ приказаніе. Они взошли во дворецъ и царевичъ велѣлъ накормить и напоить ихъ, какъ всегда бѣдныхъ. Послѣ того онъ сказалъ имъ: «разскажите мнѣ, что вы видѣли въ вашемъ путешествіи.» Вчера мы нашли на островѣ домъ, который также богатъ, какъ и вашъ дворецъ и въ немъ живетъ мальчикъ съ матерью — отвѣчали они. «Завтра я поѣду, посмотрю на него» — сказалъ на это царевичъ. А онъ, знаешь, между тѣмъ вторично женился и жена его была дочь Сеятэри. Та запретила ему отправляться и сказала: «у меня на прекрасномъ лугу есть три золотыя свиньи: онѣ еще чуднѣе.» Когда царевичъ услышалъ это, онъ обѣщалъ отправиться посмотрѣть ихъ и жена больше ничего не требовала.

Щенокъ между тѣмъ возвратился домой и у него спросили: что странники разсказывали въ царскомъ дворцѣ? — На это онъ отвѣчалъ: «они такъ хвалили нашъ домъ, что царевичъ рѣшился завтра пріѣхать сюда, а жена его сказала, что у ней есть свиньи, которыхъ еще больше стоило бы посмотрѣть.» Пойду возьму свиней оттуда — сказалъ мальчикъ — тогда царевичъ можетъ пріѣхать къ намъ. — «Хорошо было бы, еслибы ты досталъ ихъ» — сказала мать; мальчикъ ушелъ, поймалъ свиней и принесъ ихъ домой.

На другой день шесть нищихъ ходили по берегу, увидѣли мостъ, ведущій на островъ, и пошли по нему къ дому. Тамъ мальчикъ накормилъ и напоилъ ихъ, какъ вчерашнихъ и показалъ имъ всѣ рѣдкости дома. Потомъ нищіе удалились и мальчикъ опять приказалъ щенку проводить ихъ во дворецъ, чтобы узнать новости оттуда. Щенокъ проводилъ ихъ до дворца, гдѣ они разсказали царевичу все, что они видѣли. Жена его тоже услыхала

это; тогда она сказала ему: «у меня есть еще лучше: шесть жеребцовъ золотыхъ на лугу; вотъ такъ чудо!» — Царевичъ отослалъ нищихъ и обѣщалъ на слѣдующій день осмотрѣть и то, и другое. Когда щенокъ услышалъ это, онъ побѣжалъ домой и разсказалъ все мальчику. На это мальчикъ отвѣчалъ: «я схожу, украду жеребцовъ, такъ царевичъ можетъ и къ намъ прійдти.» — Хорошо бы было — отвѣчала мать; мальчикъ пошелъ за жеребцами и привелъ ихъ къ себѣ домой.

На слѣдующій день девять нищихъ пошли по берегу, увидѣли мостъ и отправились на островъ къ дому. Здѣсь и ихъ накормили и напоили, какъ и прежнихъ, и щенокъ проводилъ ихъ во дворецъ. Они разсказали царевичу, что они видѣли, и онъ опять тоже пожелалъ видѣть это. А жена его опять услыхала разсказъ и сказала: «у меня еще лучше: на лугу восемь золотыхъ мальчиковъ; они спятъ, возлѣ камня, покрытые краснымъ сукномъ; ихъ стоило бы посмотрѣть.» Щенокъ опять возвратился и разсказалъ все мальчику. «Я пойду, украду ихъ» — сказалъ тогда мальчикъ. — «Хорошо было бы, еслибъ ты могъ это сдѣлать — отвѣчала мать — а ты не достанешь, если я не дамъ тебѣ запасъ на дорогу.» Она испекла восемь лепешекъ изъ своего молока и изъ пшеничной муки, и сказала мальчику: «когда найдешь этихъ мальчиковъ, положи каждому въ ротъ по лепешкѣ, такъ они проснутся.» Мальчикъ отправился, положилъ каждому въ ротъ лепешку и сказалъ: «долго же вы спали, братцы; вставайте!» — Проснулись они, оглянулись и сказали: «да, мы долго спали: солнце уже высоко!» — Ахъ, братцы, вы бы еще дольше спали, еслибъ я не пришелъ; вѣдь, вы ужь нѣсколько лѣтъ спите. «А куда намъ идти теперь, когда мы проснулись?» — Идите со мною — сказалъ мальчикъ и привелъ братьевъ домой; они уже были красивые, здоровые молодцы.

Царевичъ пріѣзжалъ къ камню посмотрѣть мальчиковъ, но не нашелъ ихъ. Оттого, онъ разсердился на свою жену, пріѣхалъ домой и сказалъ ей: «зачѣмъ ты вотъ ужь три

раза солгала мнѣ? — Теперь я поѣду на островъ, чтобъ осмотрѣть домъ, о которомъ мнѣ говорили нищіе.»—Жена все не хотѣла еще допустить его до этого, но царевичъ не обратилъ на нее вниманья и отправился. На мосту всѣ девять мальчиковъ встрѣтили его и понесли его къ себѣ домой. Тамъ они стали угощать его. Тогда царевичъ спросилъ: «откуда у васъ столько богатства?» Мать мальчиковъ, которая сидѣла за перегородкою, услышала вопросъ и разсказала всѣ свои приключенья. «Это моя жена»—подумалъ царевичъ; однако ничего не сказалъ, а поспѣшилъ домой и велѣлъ истопить баню. У порога онъ велѣлъ выкопать яму и набить ее раскаленными камнями, но накрыть сукномъ, чтобъ ее не замѣтили.

Потомъ онъ приказалъ вести свою жену париться. Она пошла въ баню легкою ногою какъ обыкновенно тѣ, которые хорошо живутъ, и съ порога прыгнула на сукно; а сукно обмануло и она пала въ яму. Здѣсь она превратилась въ пепелъ за свои преступленья и больше ее не видали. А царевичъ поѣхалъ на островъ за своей женой и сыновьями и привезъ ихъ къ себѣ домой. И нынѣ еще живутъ тамъ.

III. Мальчикъ, выросшій въ бочкѣ.

Однажды царевичъ пошелъ въ деревнѣ гулять, посмотрѣть на деревенскихъ дѣвушекъ. И было у одной вдовы три дочери, всѣ хороши собой. Въ то время онѣ парились въ банѣ; а царевичъ и подошелъ къ стѣнѣ, чтобъ слышать ихъ разговоръ.

Младшія сестры спросили у старшей: «какую работу ты лучше всего сдѣлаешь?» — Она отвѣчала: «вотъ какую: изъ одной крупинки я сдѣлаю всякаго рода кушанья и напитки!» Тоже самое спросили и у средней сестры. «Я изъ одной льняной нитки сдѣлаю разныя дорогія матерьи»—отвѣчала она. А младшая отвѣчала на этотъ вопросъ: «я не забочусь о работахъ, а въ трехъ родахъ разрѣшусь

девятью сыновьями, у которыхъ съ боку свѣтитъ луна, на маковкѣ блеститъ солнце, руки по локоть золотыя, ноги по колѣна серебряныя.» Царевичъ запомнилъ это и сказалъ: «та дѣвица моя, если она такихъ дѣтей родитъ» и возвратился домой, гдѣ онъ разсказалъ все родителямъ. Во дворцѣ жила одна старушка, которая желала чтобъ царевичъ женился на ея дочери. А царевичъ не думалъ о ней и не послушался родителей, которые не желали, чтобъ онъ женился на дѣвицѣ столь низкаго происхожденія. Онъ и женился на дочери вдовы. Когда жена его сдѣлась беременна, онъ долженъ былъ отправиться на войну. Жена его между тѣмъ разрѣшилась тремя сыновьями и позвали къ ней старушку. Та питала къ ней ненависть и потому спрятала дѣтей, а вмѣсто нихъ положила трехъ щенковъ.

Когда царевичъ возвратился съ войны, родные сказали ему: «надо казнить твою жену; она родитъ щенковъ въ царское семейство.» Царевичъ однако жь не казнилъ ее, а думалъ: «пускай она родитъ еще разъ.» Черезъ нѣкоторое время она опять сдѣлалась беременною, а царевичъ снова долженъ былъ идти на войну. Когда у жены родились сыновья, послали опять за старушкой. Она опять положила трехъ щенковъ вмѣсто дѣтей, которыхъ она увезла. Когда царевичъ возвратился, родные снова просили его, чтобъ онъ убилъ свою жену. Но онъ пощадилъ ее и на этотъ разъ и рѣшился ждать покуда она родитъ въ третій разъ.

Прошло нѣсколько времени; жена опять сдѣлась беременна и царевичу пришлось снова идти на войну. Она опять родила трехъ сыновей и послала за той же старушкой. А царевна показала только двухъ дѣтей и спрятала третьяго подъ груди. Старушка не догадалась объ этомъ и положила вмѣсто дѣтей двухъ щенковъ. Родные опять просили возвратившагося царевича казнить жену, потому что она все родила только щенковъ. Все таки онъ не убилъ ее, а посадилъ въ пустую бочку и вытолкнулъ ее въ море. Бѣдная женщина унесла съ собой сына, котораго она

спрятала подъ груди и никому не показала. Бочка долго плавала по волнамъ и имъ стало тѣсно въ ней. Тогда мальчикъ сказалъ: «я расшибу бочку!» — Не расшибай — отвѣчала мать, — мы еще на водѣ. Мальчикъ послушался. Бочка опять плавала долго и имъ все становилось тѣснѣе, потому что мальчикъ все росъ. Потомъ онъ опять хотѣлъ расшибить бочку, но мать не позволила. Наконецъ имъ сдѣлалось слишкомъ тѣсно и мальчикъ въ третій разъ сказалъ: «я расшибу бочку.» Мать замѣтила по качанью бочки, что они находились недалеко отъ берега и позволила ему расшибить бочку.

Они вышли изъ бочки и ступили на землю. Потомъ они пошли вдоль берега и мальчикъ спросилъ у матери: «что намъ прежде всего нужно?» — Жилище — отвѣчала мать. Они пришли на прекрасную гору, тамъ мальчикъ потресъ немного шелковою косынкою и тотчасъ тамъ явился домъ, похожій на дворецъ.

Здѣсь они и стали жить; мать сдѣлала изъ своего молока девять лепешекъ, испекла ихъ и поставила на столъ остывать. Тутъ по дорогѣ шло восемь здоровыхъ мужчинъ; мать думала, что воры и спряталась съ сыномъ за печь. Они взошли и замѣтили лепешки; отвѣдали ихъ и говорятъ: «здѣсь девять лепешекъ, а насъ только восемь, гдѣ жъ девятый?» Тогда мальчикъ вышелъ изъ-за печи и сказалъ: «здѣсь». Другіе обрадовались и спросили: «гдѣ же наша мать?» — Онъ сказалъ имъ, гдѣ мать и они до того обрадовались, что ее на полъ не пустили.

Потомъ взошелъ въ избу одинъ нищій и попросилъ милостыни. Мальчики накормили и напоили его и притомъ дали ему рѣшето серебра. Какъ только они трясли косынкой, тотчасъ получали все, чего желали. Старикъ отправился оттуда въ царскій дворецъ. Тамъ царь спросилъ: «не находилъ ли ты другаго мѣста, старичекъ, когда сюда шелъ?» — Старикъ отвѣчалъ: «я уже былъ въ лучшихъ домахъ, чѣмъ этотъ.» — А гдѣ? — Старикъ разсказалъ ему все и царь рѣшился отправиться туда же и взялъ его

въ провожатые. Когда они приблизились къ дому, мать сказала сыновьямъ: «отецъ вашъ идетъ.» Мальчики поспѣшили къ нему на встрѣчу, подняли его и на своихъ рукахъ понесли его къ себѣ. Здѣсь все открылось. Царевичъ просилъ свою жену идти съ нимъ во дворецъ; а она не согласилась, потому что царевичъ уже женился на дочери старушки. «Она недолго тамъ будетъ» — сказалъ тогда царевичъ, взялъ дочь старухи и привязалъ ее къ хвосту лучшаго жеребца. Жеребецъ побѣжалъ шибко оттуда и теперь еще на той дорогѣ. А царевичъ взялъ прежнюю жену и своихъ сыновей къ себѣ, и стали жить благополучно. Вотъ и сказка.

10.

Безрукая дѣвушка.

I. Дѣвушка въ царскомъ саду.

Жилъ былъ старикъ со старушкой. Было у нихъ двое прекрасныхъ дѣтей: сынъ и дочь. Вдругъ старикъ захворалъ и померъ. Старушка недолго пережила его и умирая приказала дѣтямъ жить дружно. Долго жили сироты спокойно; потомъ братъ женился. Попалась ему въ жены злая Сеятэръ *). Братъ, хоть и женился, по прежнему любилъ свою сестру и велѣлъ ей управлять хозяйствомъ, какъ хочетъ. А женѣ это не нравилось; она сама хотѣла хозяйничать и за это стала ненавидѣть золовку. Однажды братъ пошелъ въ лѣсъ и простился съ сестрой, а женѣ ничего не сказалъ. Это разсердило Сёятэръ; она пошла въ хлѣвъ, убила тамъ коровъ, овецъ и лошадей. А мужу сказала, когда онъ возвратился, что все это сдѣлала его сестра.

*) Syöjätär = Баба — яга.

Онъ за это нисколько не разсердился, только сказалъ: «пусть бьетъ; онѣ, вѣдь, и ей принадлежатъ». Въ другой разъ Сёятэръ перебила всю посуду, и опять сложила вину на золовку; а мужъ и теперь не сердился, только сказалъ: «посуда, вѣдь, и ей принадлежала.» Наконецъ, когда ничто не помогало, Сёятэръ, въ отсутствіи мужа, убила своего новорожденнаго сына; и въ этомъ обвинила золовку. Теперь мужъ повѣрилъ женѣ, очень разсердился на сестру и сталъ придумывать, какъ наказать ее. Тогда жена посовѣтовала: «пойдемъ всѣ вмѣстѣ по ягоды; тамъ можешь у ней отсѣчь руки; такъ ее и оставимъ.» Мужъ согласился на это и втроемъ они отправились на островъ по ягоды. Тамъ Сеятэръ приказала мужу и золовкѣ вытащить лодку изъ воды, чтобы кто нибудь не увезъ ее. Когда дѣвушка принялась за это дѣло, братъ отсѣкъ у ней обѣ руки на краю лодки, отправился потомъ съ женою домой, а сестру оставилъ на островѣ.

Дѣвушка и пошла по острову. Наконецъ подошла она къ прекрасному саду, въ которомъ находилось много фруктовыхъ деревъ; она сѣла отдохнуть у нихъ подъ тѣнью. Стала она теперь жить подлѣ (корня) дерева и питалась ягодами и тѣми плодами, которые падали съ дерева. А садъ этотъ принадлежалъ царевичу. Однажды онъ видитъ во снѣ, что будто онъ гуляетъ въ саду и находитъ въ немъ прекрасную дѣвушку. Проснувшись утромъ, онъ припомнилъ сонъ и пошелъ въ садъ посмотрѣть: не сбудется ли сонъ?—Въ самомъ дѣлѣ въ саду онъ нашелъ дѣвушку, поклонился ей и сталъ спрашивать, какимъ образомъ она сюда попала. Когда дѣвушка увидала царевича, она хотѣла спрятаться въ кусты, но царевичъ приблизился къ ней и узналъ въ ней ту самую дѣвушку, которую онъ видѣлъ во снѣ. Она была прекрасна собой, но рукъ у ней не было и потому она казалась печальною. Царевичъ началъ ласково говорить съ нею; она ободрилась и разсказала ему свое несчастіе. Тогда царевичъ велѣлъ ей идти за собой и обѣщалъ жениться на ней. Она сперва не вѣрила ему и ду-

мала, что онъ шутитъ; но когда онъ не отставалъ, наконецъ рѣшилась идти за нимъ. Прибывъ во дворецъ, царевичъ тотчасъ отправился къ своимъ родителямъ и говоритъ: «поздравляйте меня съ красивою невѣстою.» Когда родители увидѣли дѣвушку, они благословили его и начали приготовлять свадьбу. И такимъ образомъ царевичъ женился на безрукой дѣвушкѣ.

Нѣсколько времени они наслаждались счастіемъ; всѣ полюбили молодую царевну за ея красоту и доброту. Тутъ важныя дѣла принудили царевича оставить на время дворецъ. На дорогѣ онъ случайно остановился у брата своей супруги. Сеятэръ тотчасъ истопила царевичу баню и онъ пошелъ париться. Между тѣмъ туда же пріѣхалъ нарочный съ вѣстью, что царевна родила прекраснаго сына. Сеятэръ утащила письмо къ царевичу и подложила другое, въ которомъ было написано, что царевна родила щенка. Царевичъ выпарился и взошелъ въ избу; ему подали письмо; онъ прочелъ его и пригорюнился о своемъ несчастіи. Началъ плакать и долго не говорилъ ни слова. Наконецъ онъ написалъ отвѣтъ и приказалъ оставить въ живыхъ и царевну и новорожденнаго. Сеятэръ опять подложила другое письмо, и въ немъ приказала тотчасъ положить царевну съ младенцемъ въ бочку и вытолкнуть ее въ морѣ. Нечего дѣлать, должны были исполнить приказаніе царевича.

Бочка плаваетъ по морю три года, а младенецъ между тѣмъ подросталъ. Вдругъ бочка наткнулась на что-то; младенецъ спросилъ булавку у матери, прокололъ въ бочкѣ дыру и чрезъ нее увидѣлъ, что бочка остановилась на подводномъ камнѣ. Тогда онъ вышибъ дно, вылѣзъ изъ бочки и сѣлъ на камень; вдругъ большая волна унесла его въ море и онъ утонулъ. Печальная мать тоже вылѣзла изъ бочки, сѣла на камень и стала просить Бога, чтобъ какъ нибудь ей пробраться на берегъ. Тогда пришла большая волна, которая унесла ее съ камня на берегъ. Здѣсь она сѣла и не знала, куда идти. Тутъ же на берегѣ одна щука запуталась въ камняхъ и не могла высвободиться. Ца-

ревна поймала ее кухтами, а щука стала просить, чтобъ она не убивала ее; царевна тронулась ея просьбами и отпустила ее. Тогда щука сказала изъ воды: «не печалься, бѣдненькая; поди туда на берегъ возлѣ горы, тамъ найдешь пѣну, умой ею свои кухты, тогда руки снова выростутъ; перелей потомъ пѣну изъ одной руки въ другую, такъ найдешь своего утонувшаго сына.» Царевна такъ и сдѣлала. Руки снова выросли и сынъ явился. Пошли теперь они искать себѣ убѣжище, наконецъ пришли въ избу, гдѣ жила Сеятэръ съ мужемъ. Случилось, что и царевичъ въ тотъ вечеръ былъ на возвратномъ пути и остановился тутъ-же. Путницу никто не узналъ: до того обезобразили ее печали и несчастья; а она всѣхъ узнала. Подумали, что она ходитъ по міру, и удивлялись ея прекрасному ребенку. Ходитъ онъ по полу, пристально осматриваетъ все и избушка освѣщалась блескомъ отъ него. Царевичъ началъ разговаривать съ нимъ и младенецъ сталъ разсказывать ему свою жизнь. Сеятэръ заставила его замолчать; но мать послѣ докончила его разсказъ.

Изъ этого узнали, что она супруга царевича и удивлялись, откуда у ней выросли руки. Царевна тогда разсказала, какъ ей помогла щука. Обрадовались и отправились во дворецъ, а Сеятэръ привязали къ лошадинымъ хвостамъ и разстерзали. Вотъ и сказка.

II. Дѣвушка на гороховомъ полѣ.

Жилъ былъ братъ съ сестрой. Отецъ, умирая, приказалъ имъ жить вмѣстѣ дружно. Такъ они и жили, пока братъ не женился. Тутъ жизнь ихъ совсѣмъ перемѣнилась. Жена его была очень зла, терпѣть не могла золовку и стала ненавидѣть ее. Когда та что нибудь дѣлала, жена лгала на нее мужу: «она, говоритъ, по міру насъ пуститъ.» Когда она (жена) родила, взяла разцарапала у ребенка носъ и уши и выколола глазъ; а мужу сказала, что это сдѣлала золовка. Тогда мужъ повѣрилъ ей, прибилъ сестру и

выгналъ ее полумертвой изъ дому. Сестра отправилась къ царскому дворцу и стала жить милостыней. Весной самъ царевичъ сѣялъ горохъ и шутя сказалъ: «какая дѣвушка первая поѣстъ этого гороху, на ней я женюсь, кто бы она не была.» Дѣвушка, которая въ то время была за заборомъ, услышала эти слова и запомнила ихъ. Настало лѣто; горохъ поспѣвалъ; дѣвушка выкопала подъ заборомъ дыру и стала ѣсть горохъ. Однажды царевичъ вспомнилъ гороховое поле и пошелъ посмотрѣть, хорошо ли ростетъ горохъ; тутъ замѣтилъ онъ, что кто-то уже съѣлъ большую часть. Тогда онъ рѣшился самъ подкараулить; наконецъ поймалъ дѣвушку и увезъ ее домой. Потомъ одѣлъ ее великолѣпно и объявилъ своею невѣстою, а потомъ женился на ней. Вскорѣ она зачала и въ то самое время царевичъ пошелъ на войну и сказалъ супругѣ: «если сына родишь, такъ тотчасъ напиши ко мнѣ, я возвращусь какъ только успѣю.» Супруга родила сына и тотчасъ отправила къ царевичу вѣсть объ этомъ. Нарочный остановился ночевать въ одной избушкѣ возлѣ дороги. Здѣсь жила злая жена съ мужемъ; она похитила письмо у нарочнаго и подложила другое, что родилась дочь. Когда царевичъ узналъ объ этомъ, написалъ въ отвѣтъ, что пріѣдетъ когда успѣетъ. Нарочный, который не подозрѣвалъ никакого обмана, опять ночевалъ въ той же избушкѣ. Тогда злая женщина подложила письмо, чтобъ царевна тотчасъ сняла царскія платья, надѣла на себя свои тряпки и вмѣстѣ съ дитятей удалилась изъ дворца. Когда царевна получила это письмо; она послѣдовала приказанью царевича и ушла изъ дворца. На дорогѣ ей захотѣлось пить. Она нашла источникъ и въ немъ золотой ковшъ; она оставила ребенка возлѣ ключа, а сама пошла въ сторону. Ребенокъ, оставшись наединѣ, нагнулся, чтобы схватить ковшъ и упалъ въ источникъ. Мать поспѣшила къ нему на помощь. Тутъ она промочила лице и руки, и оттого сдѣлалась хорошенькою; ребенокъ тоже похорошѣлъ такъ, что подобныхъ трудно найти.

Потомъ она пошла своимъ путемъ и попала въ избу брата. Тамъ ее не узнали и позволили ей ночевать возлѣ дверей. Въ тотъ вечеръ пришлось и царевичу, возвратившемуся съ войны, ночевать въ этой же избѣ. Когда царевичъ сталъ ходить взадъ и впередъ, царевна пустила своего ребенка ползать по полу. Царевичъ замѣтилъ его и спросилъ у матери, кто она. Тогда царевна разсказала царевичу всю свою жизнь и какъ невѣстка причиняла ей несчастья. Царевичъ разсердился, повѣсилъ злую жену, а царевну взялъ опять къ себѣ и стали они жить по прежнему. Незнаю, живутъ ли они еще, или нѣтъ.

11.

Дѣвушка, отыскивающая братьевъ.

Гдѣ-то, когда-то жилъ-былъ мужъ съ женой. У нихъ было девять сыновей и ни одной дочери. За это сыновья сердились, и когда мать опять сдѣлалась беременна, они удалились изъ дому, думая что она и теперь родитъ сына; скрылись въ дремучій лѣсъ и состроили себѣ избушку. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ нихъ отправился въ родительскій домъ, чтобы узнать, какъ тамъ живутъ и кто родился: братъ или сестра. Однако онъ вскорѣ возвратился, потому что мать еще не родила и приказалъ ей: «поставь прялку на ворота, если родишь дочь; а если сына родишь, такъ поставь топорище. Когда я на воротахъ увижу топорище, я даже не взойду въ избу; а когда увижу прялку, такъ я взойду и возьму съ собою отца, мать, сестру и всѣхъ другихъ.»

Въ туже ночь жена родила дочь и на ворота выставила прялку, а Сеятэръ вмѣсто прялки положила на ворота топорище. Братья между тѣмъ послали одного изъ нихъ

узнать, что на воротахъ. Онъ очень жалѣлъ, когда увидѣлъ топорище и не взошелъ въ избу, а воротился къ братьямъ и разсказалъ имъ все. Съ тѣхъ поръ родители сыновей и видомъ не видали и слыхомъ не слыхали. Когда дочь сдѣлалась взрослою, мать разсказала ей, какимъ образомъ черезъ обманъ Сентэри пропали ея девять братьевъ. Дѣвушка горевала о нихъ, стала плакать день и ночь. Мать всячески старалась успокоить ее, а она все таки не переставала плакать и быть грустною. Когда ужь ничто не помогало, мать накапала слезы дочери въ сосудъ (чашу), сдѣлала изъ нихъ и муки лепёшку и сказала: «не плачь, дитя мое; еслибы только ты достала себѣ вѣрнаго спутника, тогда ты могла бы идти искать своихъ братьевъ.» А у дѣвушки была собака, которая очень любила ее и всегда ходила съ ней. Она рѣшилась взять эту собачку и не желала другаго спутника. Мать благословила ее на дорогу, дала лепешку, испеченную изъ ея слезъ, и приказала катить ее передъ собою, такъ она будетъ показывать дорогу.

Дѣвушка пустилась въ путь вмѣстѣ съ собачкой, покатила лепешку и говорила, приводя ее въ движеніе:

Катись, моя лепешечка,
Къ девяти моимъ братьямъ,
Къ сыновьямъ одной матери.

Шла она за лепешкой и вскорѣ встрѣтилась съ Сентэрью, которая присоединилась къ ней. Черезъ короткое время имъ стало жарко ходить, потому что это было въ самое жаркое время лѣта. Подлѣ нихъ было озеро и Сентэръ сказала дѣвушкѣ: «пойдемъ, голубушка, купаться, а то слишкомъ жарко становится.» Дѣвушка хотѣла было согласиться, но собака помѣшала ей и сказала: «не ходи; Сентэръ тебя обманетъ.» Она послушалась собаки, которую Сентэръ изъ злости толкнула ногой такъ, что у ней одна нога переломилась. Дѣвушка пожалѣла о своей собакѣ, но не смѣла сказать ни слова Сентэри, потому что сама боялась ее; и опять покатила лепешку.

Дѣвушка и Сеятэръ опять пошли за лепешкою; собака не отставала отъ нихъ и все шла за ними. Сеятэръ снова просила дѣвушку искупаться, а собака опять сказала: «не ходи; Сеятэръ тебя обманетъ.» Дѣвушка послушалась собаки, а Сеятэръ опять переломила ногу у собаки. Когда собака въ третій разъ помѣшала Сеятэри въ ея намѣреніи, она переломила у ней третью ногу; а въ четвертый разъ до того разсердилась, что убила ее. Вдвоемъ онѣ теперь отправились дальше и скоро опять пришли къ озеру. Сеятэръ снова стала уговаривать дѣвушку искупаться и она согласилась, потому что ей стало ужъ слишкомъ жарко и никого не было, кто бы могъ помѣшать ей. Купаясь, Сеятэръ сказала дѣвушкѣ: «брызни мнѣ въ лицо воды, а я брызну тебѣ.» Дѣвушка сперва не хотѣла, а Сеятэръ все просила ее брызгать, покуда та не согласилась. Тогда Сеятэръ брызнула ей воды въ лице и сказала: «твое лице мнѣ; мое тебѣ.» А дѣвушка была очень хороша собой, а Сеятэръ ужасъ какъ дурна. Оттого дѣвушка тотчасъ стала безобразной, а Сеятэръ прекрасной. Она взяла также у дѣвушки умъ и голосъ, чтобъ никто не узналъ обмана и потомъ онѣ опять продолжали свой путь.

Лепешка опять катилась, катилась, и наконецъ остановилась у избы братьевъ. Сеятэръ спрятала лепешку у себя и взошла съ дѣвушкой въ избу. Братья стали спрашивать, откуда онѣ пришли. Дѣвушка хотѣла разсказать имъ все, но не могла, потому что голоса у ней не было; Сеятэръ вмѣсто того отвѣчала: «здравствуйте, братья мои! Я ваша сестра, десятое дитя нашей матери; вы меня совсѣмъ не знаете.» Братья удивились и спросили, почему въ такомъ случаѣ было выставлено топорище. Сеятэръ объяснила, что непріятели выставили его и что она рѣшилась искать братьевъ, когда узнала отъ матери, что они, по случаю этого обмана, разстались на вѣки съ родительскимъ домомъ и что она съ помощію лепешки попала къ нимъ.

Братья повѣрили ей и стали почитать ее сестрою. По-

томъ спросили, зачѣмъ она привезла съ собой дурную дѣвушку. «Она хоть въ настушки годится» — отвѣчала Сеятэръ, и больше объ ней не говорили. Дѣвушка жалѣла о томъ, что не могла объясниться съ братьями; но что сдѣлать, когда у ней голоса и ума не было. Она должна была молчать и слушать, какъ врала Сеятэръ. Сеятэръ стала хозяйничать у братьевъ, какъ въ своемъ домѣ; а дѣвушка принуждена была проводить дни въ лѣсахъ пастушкою и заниматься всякими трудными работами. Рано по утру Сеятэръ провожала ее до изгороды и давала ей голосъ и умъ, чтобъ она могла смотрѣть за стадами; а по вечерамъ она тамъ же встрѣчала ее и отнимала. Такимъ образомъ долго жила дѣвушка въ домѣ своихъ братьевъ и Сеятэръ всячески мучила ее. Когда она, напримѣръ, пекла дѣвушкѣ лепешки, она всегда клала камень внутри, и только немного тѣста кругомъ, и потомъ отсылала ее въ лѣсъ. Тѣмъ лучше жила сама Сеятэръ. Братья не отказывали ей ни въ чемъ, потому что она была хороша собой. Напротивъ, пастушку они не могли бы терпѣть въ своемъ домѣ, если бы Сеятэръ не удерживала ее. По ночамъ она всегда была нѣма, а въ лѣсу умна по прежнему. Тамъ она сѣтовала на свою судьбу и грустно пѣла о своемъ несчастьи.

Братья часто слышали ея пѣньё и удивлялись, что она въ лѣсу всегда поетъ, а дома никогда ни слова не говоритъ; но ея непріятная наружность была причиной того, что они не заботились узнать отчего это. Но въ одинъ прекрасный и тихій вечеръ пѣніе ея такъ понравилось младшему брату, который въ то время работалъ въ лѣсу, что ему захотѣлось непремѣнно увидѣть дѣвушку, которая такъ славно пѣла. Онъ оставилъ работу, приблизился къ ней и спросилъ: «зачѣмъ ты, душенька, всегда поешь только тогда, когда ходишь по лѣсамъ, а дома ничего не говоришь?» — Тутъ дѣвушка разсказала ему, что она собственно его сестра и что Сеятэръ только обманывала братьевъ, а ее мучила. Братъ тотчасъ призналъ ее своею сестрой,

поцѣловалъ ее нѣжно, не смотря на то, что она была дурна собою и сбѣгалъ за другими братьями. Вскорѣ они всѣ собрались туда и дѣвушка снова разсказала имъ свое несчастье. Они стали придумывать какимъ бы образомъ возвратить сестрѣ прежнее лицо и воспрепятствовать Сеятэри опять отнять у ней умъ и голосъ. Наконецъ согласились, чтобъ сестра возвратилась бы домой уже днемъ, закрыла бы глаза и сказала, что они болятъ; и чтобъ братья спѣшили бы къ ней на помощь и поймали Сеятэръ.

Дѣвушка сдѣлала какъ условились, раньше пошла домой, такъ что Сеятэръ не встрѣтила ее, и такимъ образомъ взошла въ избу. Сеятэръ тотчасъ сердито спросила, зачѣмъ она такъ рано возвратилась: «Не могу ходить по лѣсамъ, глаза болятъ»—отвѣчала дѣвушка и громко зарыдала. Въ тоже мгновеніе братья взошли въ избу, пожалѣли о бѣдствіи дѣвушки и сказали: «плюнь, сестрица, ей въ глаза, чтобы они выздоровѣли и она могла работать.» Сеятэръ не могла показать свой гнѣвъ передъ ними и плюнула дѣвушкѣ въ глаза. А та не зѣвала и въ туже минуту сказала: «твое лицо тебѣ, мое мнѣ.» И тотчасъ стала хорошею и прекрасною, какъ и прежде; а Сеятэръ сдѣлалась дурною и отвратительною, какою она собственно и была.

Теперь рѣшились наказать Сеятэръ. Истопили баню, подъ поломъ выкопали яму, наполнили ее горячею смолою и накрыли досками, который скрывали огонь, а полъ бани и дорогу въ нее обложили чернымъ сукномъ. Двое изъ братьевъ пошли за Сеятэрью, чтобы проводить ее въ баню. Она сперва не хотѣла идти съ ними, а наконецъ согласилась; они взяли ее подъ руки и повели по сукну. Когда они пришли къ дверямъ, Сеятэръ не хотѣла идти по полу и сказала: «отсюда я прыгну на полокъ,» но братья приказали ей идти по доскамъ, на что она наконецъ и согласилась. Какъ скоро она только пошла по полу, доски попадали и Сеятэръ упала въ горячую яму.

Братья тотчасъ затворили дверь и баня сгорѣла; а Сеятэръ, умирая, кричала изъ ямы: «пусть будетъ вмѣсто меня: изъ моихъ глазъ саранча; изъ ушей вороны и изъ волосъ сороки и пусть онѣ клюютъ людей и ѣдятъ ихъ припасы.»

12.

Бѣглецы.

I. Дѣти, обѣщанныя водяному царю.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицей; а дѣтей у нихъ не было и они объ этомъ очень горевали. Однажды царь отправился на море, а корабль посреди моря сѣлъ на мель. Думали, работали; все напрасно; корабль не трогается съ мѣста. Начали уже терять надежду; тогда изъ волнъ является водяной царь и говоритъ тому царю: «если ты обѣщаешь отдать мнѣ того, кто у тебя дома теперь родился, тогда я тебя освобожу, а то во вѣкъ не освободишься.» Царь подумалъ, что жеребенокъ, теленокъ или ягненокъ родился, и потому охотно обѣщалъ это водяному царю. Корабль опять поплылъ и царь возвратился домой. Тамъ на встрѣчу ему первая вышла царица съ сыномъ на одной и съ дочерью на другой рукѣ, и радостно поздоровалась съ нимъ. Царь очень обрадовался, но въ тоже время припомнилъ обѣщаніе, которое онъ далъ водяному царю; сталъ грустить о томъ, что онъ долженъ будетъ отдать ему единственныхъ своихъ дѣтей. Однако царицѣ онъ ничего не сказалъ о своемъ обѣщаніи, а пошелъ въ лѣсъ, началъ копать яму и придумалъ спрятать въ нее дѣтей. Въ ямѣ онъ устроилъ избушку, куда собралъ всякаго рода кушанья. Потомъ спряталъ дѣтей, чтобъ водяной царь не досталъ ихъ.

Вскорѣ тотъ явился и потребовалъ исполненія обѣща-

нія. Царь сперва предлагалъ жеребенка, потомъ теленка, наконецъ ягненка; но водяной царь все отказывается и требуетъ дѣтей, которыхъ родила царевна. Тогда царь купилъ двоихъ чужихъ дѣтей и отдалъ вмѣсто своихъ. Водяной царь отправился домой, но на дорогѣ спросилъ у дѣтей: «что слаще всего?»—Медъ, отвѣчали дѣти. «А что мягче всего?»—Пуховая подушка.—«Что жестче всего?»—Камень. — «Что горьче всего?» — Жидкая смола. — «Нѣтъ, сказалъ водяной царь, вижу, что вы не царскія дѣти.» Отвезъ ихъ назадъ во дворецъ и сталъ отыскивать царскихъ дѣтей. Ищетъ, ищетъ, а все не можетъ найти. Наконецъ взошелъ и въ кузницу: пожалуй еще, тамъ они. И тамъ ихъ не нашелъ, а молотъ и сталъ говорить: «царь ковалъ мной и въ будни, и въ праздникъ, потому не грѣхъ измѣнить ему. Возьми меня на плечо; куда я упаду, тамъ отыщешь дѣтей.» Водяной царь взялъ молотъ на плечо и пошелъ. Молотъ упалъ на то мѣсто, гдѣ царь выкопалъ яму. Въ ней водяной царь нашелъ царскихъ дѣтей, взялъ ихъ и пошелъ домой. На дорогѣ царевичъ ему и говоритъ: «когда ты утащилъ насъ изъ родительскаго дома, такъ убей насъ скорѣе или дай намъ ѣсть.» Водяной царь прервалъ его и спросилъ у нихъ: «что слаще всего?»—Матернее молоко *) отвѣчали они.—«Что мягче всего?»—Лоно матернее. «Что жестче всего?»—Отцовское сердце.—Послѣ этихъ отвѣтовъ водяной царь повезъ дѣтей къ себѣ домой и сдѣлалъ ихъ своими слугами. Живутъ они; дѣти ростутъ и не думаютъ, какъ оттуда избавиться. Дѣвушка влюбилась въ водянаго царя, и они стали жить какъ мужъ и жена. Это мальчику не нравилось, и онъ сталъ очень грустить объ этомъ. Разъ ночью пошелъ онъ на задній дворъ оплакивать свое горе. Прибѣжалъ туда волкъ и говоритъ: «зачѣмъ ты плачешь, мальчикъ? Если хочешь бѣжать отсюда, такъ сядь на меня!» — Мальчикъ отвѣчалъ: я бы охотно убѣжалъ отсюда, но желалъ бы

*) Ср. Худякова, Великорусскія загадки, № 349.

тоже взять съ собою сестру. «Такъ иди скорѣе за нею»— сказалъ тогда волкъ—«я васъ обоихъ избавлю.» — Мальчикъ пошелъ за сестрою, а она спала съ водныымъ царемъ. Это ему ни почемъ, онъ вытащилъ сестру изъ постели, посадилъ ее вмѣстѣ съ собою на спину волка и давай бѣжать. Волкъ приказалъ мальчику сказать ему, если увидитъ сзади водянаго царя. Немного погодя, мальчикъ и кричитъ: «идетъ, идетъ!»—Хорошо, отвѣчалъ волкъ; возьми изъ-подъ моего хвоста ремень, брось его за нами и скажи: «пусть будетъ кремнистая гора до облакъ, чрезъ которую, кругомъ, сквозь и подъ которой не возможно пробраться и крылатымъ и пѣшимъ.»—Мальчикъ такъ и сдѣлалъ; тогда за ними поднялась высокая гора и загородила путь водяному царю. Онъ поспѣшилъ домой, взялъ оттуда заступъ и рѣзецъ, возвратился къ горѣ и прорубилъ себѣ черезъ нее скважину. Хотѣлъ онъ инструменты свои спрятать въ яму, а синица съ вѣтви поетъ: «я вижу, другимъ скажу.» — Нечего дѣлать, долженъ былъ нести ихъ домой. Потомъ онъ опять пустился за бѣглецами, догналъ и увезъ домой. Жизнь у водянаго царя нравилась дѣвушкѣ, а братъ все скучаетъ и не знаетъ, какъ теперь бѣжать. Однажды ночью онъ опять пошелъ на задній дворъ и плачетъ; тутъ къ нему пришелъ широкоголовый, черный медвѣдь и говоритъ: «хочешь ли сѣсть мнѣ на спину и бѣжать отсюда?» — Очень радъ—отвѣчалъ мальчикъ; но у меня есть сестра. «Такъ бѣги за нею, и долго не оставайся!»—Мальчикъ опять вытащилъ сестру изъ постели, въ которой она по прежнему лежала подлѣ водянаго царя; посадилъ ее потомъ медвѣдю на спину и побѣжали оттуда. Медвѣдь приказалъ имъ сказать, когда замѣтятъ, что водяной царь гонитъ за ними. Спустя нѣсколько времени, мальчикъ и кричитъ: «идетъ.» — Не пугайтесь—возразилъ медвѣдь — возьми изъ-подъ моего хвоста щетину, кинь ее за нами, скажи: «будь изъ этой щетины высокая гора!» и пр. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ, какъ приказалъ ему медвѣдь; тотчасъ возвышающаяся до облакъ гора снова за-

градила путь водяному царю. Онъ опять побѣжалъ домой за инструментами; потомъ прорубилъ себѣ путь и хотѣлъ спрятать ихъ въ яму, а синица опять заставила его отнести ихъ домой. Снова пустился онъ за бѣглецами, наконецъ догналъ ихъ. «Если, говоритъ, еще разъ попробуете бѣжать, я васъ съѣмъ.» — Возвратились и стали жить по прежнему; а мальчикъ все скучаетъ и не знаетъ, что дѣлать. Разъ онъ опять пошелъ плакать на заднiй дворъ; тутъ къ нему подходитъ лиса и говоритъ: «не хочешь ли сѣсть на мою спину и бѣжать отсюда?» — Мальчикъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось бы освободить и сестру свою; лиса приказала ему идти скорѣе за нею. Мальчикъ по прежнему схватилъ ее изъ постели, а она проснулась и не хотѣла идти за нимъ. Тогда онъ насильно понесъ ее къ лисѣ на спину и давай скорѣе бѣжать. Черезъ короткое время мальчикъ и говоритъ лисѣ: «водяной царь за нами!» — Лиса отвѣчаетъ: «подъ моимъ хвостомъ огниво, брось его за нами; увидишь, что будетъ.» Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Тотчасъ за ними стала огнедышущая рѣка, черезъ которую водяному царю проѣзду нѣтъ. Началъ онъ выть по берегу, какъ волкъ, а бѣглецамъ ничего не могъ сдѣлать.

Когда мальчикъ увидалъ, что водяной царь уже не можетъ имъ вредить, онъ состроилъ себѣ хату, гдѣ они стали жить совсѣмъ, какъ дома. Черезъ нѣсколько времени волкъ приходитъ, смотритъ хату и говоритъ мальчику: «пусти меня къ себѣ въ пай!» — Изволь; будетъ веселѣе вмѣстѣ. Вскорѣ явились медвѣдь и лиса; мальчикъ принялъ и ихъ къ себѣ въ пай. Живутъ нѣсколько времени; мальчикъ отправился однажды съ товарищами въ лѣсъ. Дѣвушка между тѣмъ поспѣшила къ рѣкѣ и стала помогать водяному царю перейти ее. Въ самомъ дѣлѣ онъ пробрался черезъ рѣку и всю ночь провелъ съ дѣвушкой, а при разсвѣтѣ онъ превратился въ иглу, которую дѣвушка спрятала въ щель, чтобы братъ не нашелъ. Днемъ онъ (братъ) возвратился; товарищи его тоже взошли въ избу и тотчасъ стали обыскивать стѣны. Дѣвушка испугалась и про-

сила брата остановить ихъ. Онъ запретилъ имъ и они смирно легли въ уголъ.

На другой день братъ опять отправился съ товарищами въ лѣсъ и ночевалъ тамъ. Тогда водяной царь принялъ свою наружность и сталъ опять жить съ дѣвушкой по прежнему; а когда замѣтили, что братъ возвращается, онъ снова превратился въ иглу, которую дѣвушка спрятала въ постель. И что же? — Какъ только спутники брата вошли, они тотчасъ стали рвать постель. Мальчикъ удивился этому, а сестра говоритъ: «запрети имъ!» — Онъ унялъ ихъ.

На слѣдующій день онъ опять ушелъ съ товарищами и возвратился только на другой день. Тогда сестра притворилась больною и говоритъ: «пошли, милый братъ, своихъ товарищей за девять желѣзныхъ дверей достать мнѣ мази; я очень захворала.» Братъ думалъ, что она говоритъ правду, послалъ товарищей, а самъ сталъ ходить за больною. Лишь только товарищи его ушли туда, какъ двери сами собой заперлись и имъ нельзя никуда выйти. Тогда въ избу взошелъ водяной царь, схватилъ мальчика и говоритъ: «ну, больше не убѣжишь изъ моихъ рукъ; теперь я тебя съѣмъ!» Сестра истопила баню и начали парить мальчика, чтобъ онъ сдѣлался мягче. Между тѣмъ его товарищи стараются пробраться подъ порогами, а еще осталось четыре двери. Водяной царь беретъ мальчика въ руки и говоритъ: «теперь ужь годишься!» А воронъ сидитъ на крышѣ и каркаетъ: мальчикъ, помѣшкай еще немного. Тогда мальчикъ сопротивляется и вырывается изъ рукъ водянаго царя; тотъ опять поймалъ его и уже хотѣлъ было ѣсть, какъ вдругъ товарищи его (мальчика) бросились въ избу, напали на водянаго царя и растерзали его. Потомъ мальчикъ сжегъ его тѣло въ пепелъ, поблагодарилъ товарищей за спасеніе своей жизни и щедро угощалъ ихъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того отправились они опять въ лѣсъ.

Тогда сестра взяла сито, пошла процѣживать пепелъ

и нашла въ немъ косточку водяного царя; принесла ее домой, спрятала въ подушку брата. Тотъ возвратился очень усталый и тотчасъ легъ. Когда онъ спалъ, косточка изъ подушки проскользнула въ его голову и онъ умеръ. Сестра похоронила его тѣло. Товарищи, которые уже давно не видали его, начали искать его и въ самомъ дѣлѣ нашли, хотя и мертвымъ. Они тотчасъ стали думать, какъ бы оживить его; замѣтили косточку водяного царя у него въ головѣ и догадались, что отъ ней-то онъ и умеръ. Тогда медвѣдь сказалъ: «я положу свою голову прямо противъ этой косточки; пусть она въ нее проскользнетъ.» Такъ и сдѣлалъ. Тогда косточка проскользнула изъ головы мальчика въ медвѣжью. Мальчикъ проснулся и говоритъ: «ахъ, какъ я долго спалъ.» — Точно такъ — отвѣчали волкъ и лиса; если бы насъ не было, ты бы и теперь еще спалъ— и разсказали ему все. Тогда волкъ приложилъ свою голову къ головѣ медвѣдя и косточка тотчасъ перешла въ нее; тогда волкъ умеръ, а медвѣдь ожилъ. Тутъ лиса подумала: «не поможетъ ли мнѣ хитрость и въ этомъ случаѣ?» Положила свою голову къ волчьей, а какъ скоро косточка стала шевелиться, тотчасъ подалась въ сторону и косточка попала въ сосну, которая тотчасъ высохла. «Пусть сохнетъ! Вѣдь, сосенъ въ лѣсу довольно!» — сказала лиса и обрадовалась, что косточка не попала въ нее. Волкъ ожилъ; пошли они домой, взяли сестру хозяина и отправились отыскивать родину.

Долго они шли. Наконецъ увидали церковь передъ собой, которая была такъ стара, что вся крыша покрыта мохомъ. Въ ней были священникъ и два человѣка, которые молились Богу. Это, слышь, были отецъ и мать дѣтей, а они ужь постарѣли и не могли больше узнать дѣтей. — Тогда царевичъ взялъ живой воды, взбрызнулъ ею родителей и они тотчасъ помолодѣли и узнали своихъ дѣтей. Обрадовались очень и всѣ вмѣстѣ отправились во дворецъ, гдѣ царевичъ разсказалъ царю, что онъ за сестру едва-едва не лишился жизни.—Царь разсердился и ве-

лѣлъ разстрѣлять ее изъ пушекъ, а товарищей царевича всевозможнымъ образомъ угощали. Царевичъ теперь сталъ хозяйничать въ отцовскомъ домѣ. — Вотъ и сказка.

II. Собаки изъ бычьихъ ушъ.

Жилъ — былъ старикъ со старухою; у нихъ было двое прекрасныхъ дѣтей: сынъ и дочь. Родители умерли, а дѣти остались сиротами и плакали по нихъ. Однажды мальчикъ и говоритъ сестрѣ: «пойдемъ, сестрица, гулять; не вѣкъ намъ горевать.» Дѣвушка согласилась и они пошли по дорогѣ. На встрѣчу имъ попался чортъ; онъ и говоритъ дѣвушкѣ: «поищи у меня въ головѣ;» а мальчику: «тебя, братецъ, я съѣмъ!» Бѣдняжки испугались. Дѣвушка все ищетъ и ни слова не смѣетъ сказать; мальчикъ между тѣмъ держитъ въ ушахъ чорта наводящія сонъ иглы и молится Богу объ избавленіи. Чортъ скоро заснулъ на рукахъ дѣвушки; тогда дѣти стали думать, какъ бы убѣжать. Увидали они на небѣ быка, попросили у него помощи. Тотчасъ бынъ упалъ ницъ передъ ними и приказалъ имъ сѣсть себѣ на спину, а чорта все еще усыплять. Такъ и сдѣлали. Вскочили на быка и поѣхали черезъ огненную рѣку. Тутъ быкъ имъ и говоритъ: «возьмите у меня изъ ушей платокъ, прикоснитесь имъ къ землѣ, такъ будетъ вамъ домикъ.» Они послушались и тотчасъ на томъ мѣстѣ сталъ великолѣпный домъ. Тогда быкъ опять говоритъ мальчику: «теперь убей меня, отруби мои уши и спрячь ихъ въ карманъ.» Мальчикъ и сдѣлалъ такъ, какъ ему было приказано, убилъ быка и спряталъ уши въ карманъ, а изъ нихъ сдѣлались собаки, которыя доставляли все, что у нихъ ни спрашивали. Вотъ мальчикъ однажды отправился съ ними въ лѣсъ и долго тамъ оставался, а чортъ между тѣмъ пришелъ къ дѣвушкѣ и началъ ласкать ее, онъ ей понравился и они стали разговаривать, какъ старые друзья. Вечеромъ дѣвушка замѣтила, что братъ возвращается съ собаками. Тогда чортъ испугался и говоритъ: «собаки меня растер-

заютъ; спрячь меня подъ полъ.» Лишь она успѣла его спрятать, какъ братъ уже вошелъ. Собаки тотчасъ начали лаять на затворѣ и мальчикъ спрашиваетъ: что у тебя тамъ подъ поломъ? «Куски хлѣба«, отвѣчала дѣвушка, а не призналась, потому что хотѣла выйти замужъ за чорта. Утромъ братъ опять отправился къ лѣсъ съ собаками. Домашніе остались теперь на волѣ и чортъ сказалъ дѣвушкѣ: «когда твой братъ сегодня возвратится, запри его собакъ за девять замковъ, чтобъ мнѣ не бояться ихъ.» Вечеромъ, когда братъ возвратился, она такъ и сдѣлала. Мальчикъ одинъ взошелъ въ домъ, а тутъ ему на встрѣчу чортъ: «приготовься, говоритъ: я тебя съѣмъ!» Мальчикъ попросилъ чорта позволить ему попариться и сказалъ, что онъ тогда будетъ вкуснѣе. Чортъ отпустилъ его. Мальчикъ взялъ топоръ и началъ колоть дрова. Между тѣмъ какъ онъ работалъ; птица на вѣтви поетъ: «теперь собаки твои за восьми замками»; теперь за семи! и т. д. Чортъ все торопитъ мальчика. Мальчикъ истопилъ баню и выпарился. Ужь чортъ хотѣлъ было ѣсть его, какъ вдругъ въ комнату бросились собаки и растерзали его. Тогда чортъ и говоритъ дѣвушкѣ: «возьми (dens caninis) мой глазной зубъ, расколи имъ голову брату, такъ онъ умретъ; потомъ брось зубъ въ воду, тогда я оживу.»

Дѣвушка запомнила это и сдѣлала по приказанію чорта. Тогда онъ снова ожилъ, а братъ ея умеръ. Собаки, которыя долго уже не видали своего хозяина, стали искать его и наконецъ нашли его на кладбищѣ въ могилѣ. Онѣ выкопали тѣло хозяина изъ земли и стали замазывать его рану. Оттого онъ проснулся, всталъ и сказалъ: «ахъ, какъ я долго спалъ!» Да, отвѣчали собаки, ты бы еще дольше спалъ, еслибъ насъ не было и разсказали ему, что въ его головѣ нашли зубъ чорта. Догадались, что все это надѣлала сестра; вошли въ домъ и растерзали чорта съ невѣстою. Теперь только могли жить спокойно. Мальчикъ сталъ кормить и поить собакъ своихъ и никогда не отпускалъ ихъ отъ себя. Вотъ и сказка.

III. Заколдованный царевичъ.

а) Когда-то чортъ похитилъ гдѣ-то царевича и превратилъ его у себя конюхомъ. Мальчикъ жилъ въ конюшнѣ вмѣстѣ съ жеребцомъ. Однажды хозяинъ собрался куда-то и строго запретилъ всѣмъ входить въ его домъ; а въ отсутствіе его жеребецъ и говоритъ мальчику: «ступай все-таки въ домъ, хоть и запрещено; не дотрогивайся только ни къ чему, осмотри все подробно и узнай, что тамъ есть.» Мальчикъ сдѣлалъ такъ, какъ ему приказалъ жеребецъ; взошелъ въ хозяйскій домъ и увидѣлъ тамъ разныя странныя вещи и предметы. У дверей стояла бочка полная крови; на стѣнѣ висѣлъ ужасно большой мечъ; въ углу стоялъ сундукъ, а въ немъ находился камень, вѣтвь ельника и чаша воды. Возвратившись, чортъ тотчасъ замѣтилъ, что мальчикъ въ его отсутствіе ходилъ въ домъ, побранилъ его очень за это и обѣщалъ убить его, если онъ осмѣлится впередъ быть непослушнымъ.

Живутъ нѣсколько времени. Чортъ сталъ отправляться куда-то (У него вѣдь много хлопотъ) и строго запретилъ мальчику входить въ домъ. Но что же? Лишь только онъ ушелъ, жеребецъ опять говоритъ мальчику: «не бойся взойди въ домъ и дѣлай такъ, какъ я тебѣ прикажу.» А что мнѣ дѣлать? спросилъ мальчикъ. Жеребецъ отвѣчалъ: «попробуй поднять великій мечъ! (А мечъ былъ такъ тяжелъ, что порядочный мужчина едва могъ поворотить его). Если не подымешь, помочи голову свою въ чану у дверей и попробуй: не подымешь ли тогда.» Мальчикъ взошелъ, попробовалъ поднять мечъ, но онъ не поворотился. Пошелъ мочить голову въ чану; тутъ картузъ его началъ блистать, какъ золото, а онъ сдѣлался такимъ сильнымъ, что мечъ сталъ легкимъ въ его рукахъ. Онъ отправился, разсказалъ это жеребцу. «Хорошо,» отвѣчалъ тотъ — «поди теперь въ последнюю комнату, возьми себѣ оттуда суконное платье и спрячь въ карманъ тѣ вещи, которыя въ сундукѣ, да смо-

три пролей воду изъ чаши; опояшься мечемъ и прійди ко мнѣ.» Мальчикъ исполнилъ все и возвратился въ конюшню съ тѣми вещами, которыя онъ взялъ себѣ въ домъ. Тутъ жеребецъ ему и говоритъ: «сядь на меня да побѣжимъ отсюда.» Это-то и было мальчику по сердцу, онъ сѣлъ на жеребца и давай бѣжать.

Чортъ возвратился и замѣтилъ, что всѣ вещи пропали; пошелъ въ конюшню, тамъ никого нѣтъ. Пустился вслѣдъ за бѣглецами. Жеребецъ, правда, дѣлалъ только по четыре шага на верстѣ, а чортъ всетаки догналъ бы его, еслибъ только не случилось помѣхъ. Когда жеребецъ услышалъ шумъ за собою, онъ и говоритъ мальчику:» оглянись, не примѣтишь ли чего?» Позади насъ идетъ какъ-будто черная туча — отвѣчалъ мальчикъ. Тогда жеребецъ приказалъ ему бросить за собою камень, который былъ у него въ карманѣ. Мальчикъ послушался и тотчасъ за нимъ поднялась такая огромная, крутая гора, что самъ чортъ не могъ ее перейти; а побѣжалъ домой достать инструменты, которыми онъ могъ бы раздвинуть ее. Принесъ оттуда огромный топоръ и прорубилъ скважину, черезъ которую онъ могъ проползти. Потомъ хотѣлъ оставить топоръ въ скважинѣ и взять его на обратномъ пути, а лиса ему говоритъ: «не оставляй, я украду.» Не бойсь, не оставлю — отвѣчалъ чортъ и опять побѣжалъ домой. Отъ этого выиграли только бѣглецы. Снова чортъ пустился вслѣдъ за ними. Жеребецъ заблаговременно замѣтилъ это и говоритъ: «брось за нами вѣтвь!» Тотчасъ за ними поднялся такой густой лѣсъ, что чортъ хотя былъ очень силенъ, не могъ пробраться черезъ него. Побѣжалъ домой и опять принесъ съ собою огромный топоръ, которымъ онъ проложилъ себѣ дорогу. Хотѣлъ опять спрятать топоръ, а лиса говоритъ: «не оставляй, я украду!» И не оставлю — возразилъ чортъ — домой отнесу! Такъ и сдѣлалъ. Мальчикъ между тѣмъ спѣшитъ на своемъ конѣ, но вскорѣ опять слышитъ шумъ за ними. Тогда конь приказалъ бросить за нами чашу воды. Тотчасъ на томъ мѣстѣ возникло такое большое озеро, что и чортъ не могъ

переправиться черезъ него, потому что лодки не было. Что дѣлать? Сталъ пить воду изъ озера, чтобъ сухо перейти его. Пилъ, пилъ; а на желудокъ набилъ обручи, чтобъ не лопнулъ. Тутъ пришла лиса и откусила обручи; желудокъ лопнулъ и чортъ утонулъ въ водѣ, не догнавъ бѣглецовъ.

Въ богатой своей одеждѣ и опоясанный мечемъ, мальчикъ теперь прискакалъ во дворецъ; тамъ пробылъ недолго; показалъ только себя такъ, что царь и не узналъ, кто онъ. Недалеко отъ дворца конь узналъ свою родину и говоритъ ему: «оставь меня въ этой рощѣ и поставь передо мной сѣна, а самъ скинь эти платья и мечъ, поди къ царю, наймись у него полоть садъ. Тогда принеси мнѣ немного этой травы.» Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Его приняли во дворецъ; онъ пололъ и тѣмъ снискивалъ пропитаніе. Въ то время царь велъ войну и все войско отсылалось противъ непріятеля. Мальчикъ разсказалъ это коню. Тотъ отвѣчалъ: «ступай и ты воевать, достань себѣ какую-нибудь лошадь и поѣзжай съ другими.» Нечего дѣлать; мальчикъ объявилъ свою охоту и ему дали старую клячу. Дорога шла черезъ болото; въ немъ кляча и увязла; мальчикъ сталъ просить другихъ всадниковъ помочь ему вытащить ее, а они смѣялись надъ нимъ и ускакали дальше. Когда всѣ уже проѣхали, онъ оставилъ ее (клячу) въ болотѣ, пошелъ къ своему коню и съ нимъ по другой дорогѣ отправился противъ непріятеля, напалъ на него и побѣдилъ все войско прежде, нежели пришли другіе всадники. Они удивились, кто бы могъ совершить такое дѣло, но не могли догадаться и возвратились къ дворцу, разсказали царю исходъ войны.

Мальчикъ, хотя и былъ раненъ въ руку, поспѣшилъ съ поля сраженія такъ что никто его не видалъ и по проселкамъ пробрался къ болоту, гдѣ кляча увязла. Когда всадники скакали мимо его, онъ опять просилъ на помощь, а они только спѣшили къ дворцу разсказать все царю. Царь очень удивился и хотѣлъ знать, кто совершилъ такое великое дѣло, но никто не могъ объяснить ему этаго. Жи-

вутъ опять нѣсколько времени; мальчикъ по прежнему сталъ полоть въ саду, а и тамъ перевязывалъ свою рану. Царевна замѣтила это и разсказала о томъ царю. Онъ тотчасъ позвалъ мальчика къ себѣ и сталъ распрашивать, отчего у него рука ранена. Тогда мальчикъ признался, что онъ сбилъ съ поля непріятеля и въ доказательство показалъ рану, которой онъ до сраженія не имѣлъ. Когда царь и тутъ не хотѣлъ вѣрить ему, онъ отправился къ своему коню, одѣлся въ великолѣпную одежду, опоясался мечемъ и надѣлъ блестящій картузъ, сѣлъ на коня и вскочилъ на немъ черезъ заборъ прямо къ царю. Показалъ мечъ и раненную руку, и былъ таковъ. Никто не замѣтилъ, куда онъ удалился. Изумленный царь не могъ представить себѣ, что этотъ статный всадникъ былъ тотъ нищій, который пололъ въ его саду. Между тѣмъ мальчикъ возвратился въ рощу и конь ему тутъ приказалъ: «возьми мечъ, отруби мнѣ голову, она не моя. Мнѣ ее чортъ далъ.» Я не могу такъ поступить съ моимъ благодѣтелемъ, который освободилъ меня отъ чорта — отвѣчалъ мальчикъ. «Ты долженъ сдѣлать это, а не то я тебя убью.» Мальчикъ взялъ мечъ, отсѣкъ голову и когда конь сталъ умирать, изъ него вышелъ царевичъ, который былъ заколдованъ чортомъ. Потомъ царевичъ сказалъ мальчику: «пойдемъ теперь къ отцу моему. Ты останься въ своей одеждѣ, а я пойду такимъ, какимъ меня похитили». Идутъ. Царь тотчасъ узналъ своего сына и сталъ спрашивать, кто его освободилъ изъ рукъ чорта. Царевичъ показалъ на мальчика и сказалъ: «вотъ кто!» А ты кто такой? спросилъ царь у товарища своего сына. Онъ отвѣчалъ: «я уже нѣсколько мѣсяцевъ пололъ въ вашемъ саду.» Ему не повѣрили, а подумали, что онъ какой-нибудь знатный графъ; тогда онъ показалъ имъ раненную свою руку. Теперь царевичъ и мальчикъ пошли съ царемъ во дворецъ и на дорогѣ разсказали всю исторію, какимъ образомъ они встрѣтились у чорта и бѣжали оттуда, какъ наконецъ лиса избавила ихъ отъ страшнаго преслѣдователя и какъ царевичъ опять превратился въ чело-

вѣка. Когда царь узналъ все это, онъ щедро наградилъ мальчика и далъ ему свою дочь въ супруги, а царевичъ сталъ править государствомъ. Вотъ и сказка; кто не вѣритъ, тотъ можетъ справиться.

б) Когда-то чортъ похитилъ гдѣ-то двухъ дѣтей: мальчика и дѣвушку, заставилъ ихъ служить себѣ и всевозможнымъ образомъ мучилъ ихъ. Однажды дѣвушка говоритъ мальчику: «я знаю, какъ намъ можно убѣжать отсюда; если ты женишься на мнѣ, такъ я освобожу и тебя.» Мальчикъ былъ согласенъ и скоро они отправились въ дорогу. Когда чортъ вечеромъ легъ спать, они собрались въ бѣгство; но передъ этимъ дѣвушка выпустила на порогъ три капли крови изъ безъимяннаго пальца, а мальчику велѣла взять съ собой немного дерева, камня и воды.

На разсвѣтѣ чортъ проснулся и закричалъ изъ своей комнаты: «вставай, дѣвушка; пора приниматься за работу.» Встану, встану! отвѣчала первая капля и чортъ, думая что дѣвушка встаетъ, опять заснулъ и спалъ до слѣдующаго дня. Проснувшись, онъ опять закричалъ: «готово ли кушанье?» Только начало кипѣть — отвѣчала вторая капля. «Хорошо» сказалъ онъ и снова спалъ сутки. Наконецъ проголодался и нетерпѣливо вскричалъ: «ну, готово ли?» Готово, пожалуйте кушать — отвѣчала третья капля. Чортъ всталъ и отправился въ кухню, но тамъ не нашелъ ни кушанья, ни дѣвушки. Пошелъ искать мальчика, и того не нашелъ. Онъ тотчасъ догадался, что они бѣжали и приказалъ тремъ большимъ собакамъ пуститься за ними. Уже на разстояніи одной мили бѣглецы услышали шумъ отъ собакъ; дѣвушка и говоритъ мальчику: «за нами гонятъ! Превратись въ сосну, а я буду елью!» Превратились. Собаки прибѣжали до этихъ деревъ, а тутъ всѣ слѣды простыли, не знали куда бѣжать и потому воротились. Когда они разсказали это чорту, онъ разбранилъ ихъ и сказалъ: «это-то они и были, ступайте приносите мнѣ эти деревья!» Дѣвушка опять услышала шумъ отъ гонящихъ собакъ и приказала мальчику превратиться въ изгороду, а сама пре-

вратилась въ лугъ. Вскорѣ собаки явились, а возлѣ изгороды слѣдовъ опять нѣтъ, онѣ должны были возвратиться. Тогда чортъ опять послалъ ихъ за изгородою и лугомъ, а бѣглецы превратились въ озеро и утку. Собаки не могли отгадать, что это они, опять возвратились и разсказали дѣло чорту. Теперь онъ самъ пустился вслѣдъ за ними. Тогда дѣвушка приказала своему спутнику бросить за ними кусокъ дерева. Тотчасъ на томъ мѣстѣ поднялся такой густой лѣсъ, что чортъ не могъ пробраться черезъ него, а долженъ былъ идти за топоромъ. Бѣглецы поспѣшили дальше, и когда опять услыхали шумъ, мальчикъ по приказанію дѣвушки бросилъ за собою камень; тогда за ними сдѣлалась высокая гора. Только на третій день чортъ перешелъ ее и снова сталъ преслѣдовать бѣглецовъ. Теперь дѣвушка приказала мальчику бросить за ними чашу воды, а оттого сдѣлалось большое озеро, черезъ которое чортъ никакъ не могъ пробраться. Въ отчаяніи онъ началъ пить воду изъ озера, чтобъ потомъ сухо перейти его, и въ самомъ дѣлѣ выпилъ уже почти всю воду, но тутъ лопнулъ и умеръ. Мальчикъ и дѣвушка теперь стали жить спокойно.

13.

Неотворяемый ящикъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухою и съ женатымъ сыномъ. Однажды сынъ, возвращаясь изъ лѣсу, увидѣлъ на деревѣ глухаря и хотѣлъ застрѣлить его. Но глухарь началъ говорить человѣческимъ голосомъ: «не стрѣляй, другъ мой; дай мнѣ еще пожить». Онъ удивился этому, усумнился сперва немного, а потомъ опять сталъ цѣлить въ глухаря. Не успѣлъ еще онъ выстрѣлить, какъ тотъ опять проситъ его: «не стрѣляй меня, голубчикъ; я тебя награжу.» Человѣкъ снова смутился, но разгорячился и въ третій разъ

прицѣлился въ глухаря. Тогда глухарь сталъ еще грустнѣе просить его: «не стрѣляй меня, дружекъ мой; возьми меня лучше живаго къ себѣ домой. Покорми меня годъ, и тебя за то награжу.» Мужъ согласился на это, взялъ глухаря съ дерева и понесъ его домой; тамъ онъ разсказалъ отцу всю исторію и что глухарь просилъ, чтобъ его кормили годъ, и за то обѣщалъ награду. «Такъ корми его; онъ вѣдь не много ѣстъ» — отвѣчалъ старикъ. Мужъ сталъ кормить глухаря опредѣленное время, а между тѣмъ у этаго глухаря на хвостѣ росло мѣдное перо. Черезъ годъ перо упало, а глухарь улетѣлъ. «Вотъ тебѣ за кормленье» — сказала жена и смѣялась надъ мужемъ; но вечеромъ глухарь возвратился и опять проситъ его: «покорми меня еще годъ!» Мужикъ согласился, и въ это время у глухаря росло на хвостѣ серебряное перо. Черезъ годъ перо упало и глухарь опять улетѣлъ, а вечеромъ снова возвратился и проситъ: «покорми меня еше третій годъ!» Мужикъ согласился опять и теперь на хвостѣ глухаря росло золотое перо, которое тоже черезъ годъ упало, и глухарь снова улетѣлъ, но не на долго. Вечеромъ онъ возвратился, какъ и прежде, и говоритъ мужу: «теперь получай награду за трехлѣтнее кормленье; садись ко мнѣ на спину!» Мужикъ сѣлъ и глухарь полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Мало-по-малу онъ поднимался, потомъ спросилъ у него: «какъ тебѣ теперь кажется, на что море похоже?» На дно сита — отвѣчалъ мужъ. Тогда глухарь сбросилъ мужа со спины, но подхватилъ его прежде, нежели онъ успѣлъ пасть въ воду, и сказалъ: «я тоже такъ испугался, когда ты въ первый разъ хотѣлъ застрѣлить меня!» Полетѣлъ опять къ небу и спросилъ: «какимъ теперь тебѣ море кажется?» Какъ кольцо — отвѣчалъ тотъ и упалъ со спины глухаря. Но тотъ опять его поднялъ такъ что тотъ не успѣлъ промочиться и опять сталъ подниматься. Черезъ нѣсколько времени глухарь опять спросилъ: «какимъ кажется море?» Какъ ушко, отвѣчалъ мужъ и въ ту же минуту стремглавъ упалъ со спины глухаря и утонулъ бы, если бы глухарь не поднялъ его снова. Тогда

глухарь сказалъ ему: «я также испугался, когда ты во второй и въ третій разъ цѣлилъ въ меня.» — Не бросай меня больше! просилъ мужъ. «Нѣтъ, не брошу!» отвѣчалъ глухарь; «ты вѣдь тоже сжалился надо мною.» Полетѣлъ потомъ далеко и наконецъ спросилъ у мальчика: «видишь ли ты что нибудь?» Вижу что-то похожее на мѣдный столбъ, отвѣчалъ мужъ — только онъ еще далеко. «Теперь я туда полечу,» возразилъ глухарь — «тамъ живетъ младшая моя сестра; когда она у тебя спроситъ, что ты хочешь за то, что ты меня кормилъ, такъ проси у ней неотворяемый ящикъ.»

Вскорѣ они прилетѣли къ мѣдному замку; тутъ глухарь превратился въ человѣка и они взошли. Сестра привѣтствовала брата и спрашиваетъ: «гдѣ ты, братецъ, былъ уже три года?» Вотъ этотъ человѣкъ меня кормилъ — отвѣчалъ онъ. «А какъ тебя наградить за это?» спросила хозяйка замка у него. Дайте мнѣ неотворяемый ящикъ! отвѣчалъ тотъ; но ему отвѣчали: «бери чего хочешь: золота или серебра, а ящика не могу тебѣ дать.» Что жъ дѣлать? отвѣчалъ мужъ и повторялъ, что ничего другаго не желаетъ въ награду, кромѣ ящика; и они удалились. Братъ хозяйки снова превратился въ глухаря, взялъ мужа на спину и полетѣлъ снова. Онъ летѣлъ долго и наконецъ спросилъ у мужа: видитъ ли онъ что-нибудь? Тотъ отвѣчалъ, что видитъ серебреный столбъ. «Тамъ живетъ средняя моя сестра,» сказалъ глухарь — «проси у ней въ награду неотворяемый ящикъ.» Вскорѣ прибыли въ замокъ; но и здѣсь тоже не дали ящика и они должны были отправиться дальше. Черезъ нѣсколько времени мальчикъ замѣтилъ вдали золотой столбъ. «Тамъ живетъ старшая моя сестра» — сказалъ глухарь — «отправимся туда; авось тамъ дадутъ ящикъ.»

Здѣсь наконецъ сбылось слово глухаря. Хозяйка золотаго замка привѣтствовала своего брата, который теперь снова превратился въ человѣка; напоила — накормила обоихъ и дала мужу неотворяемый ящикъ за то, что онъ такъ

долго кормилъ ея брата. Отдохнувъ нѣсколько, они простились съ хозяйкой замка, глухарь взялъ мужа и ящикъ на спину и улетѣлъ свова. Долго глухарь леталъ, наконецъ усталъ, посадилъ мужа и ящикъ на высокую гору, а самъ улетѣлъ. Мужъ не зналъ куда идти, хотѣлъ идти да ящикъ былъ слишкомъ тяжелъ: «не понесу тебя» — сказалъ онъ и бросилъ ящикъ на земь. Тогда ящикъ отворился и вдругъ на его мѣстѣ сталъ дворецъ, кушанье, напитки, господа, слуги и все, что нужно для пиру. Онъ удивился, сѣлъ за столъ и наѣлся; но потомъ началъ скучать о своемъ домѣ. Когда онъ хотѣлъ уйдти, къ нему подошелъ человѣкъ и сказалъ: «если дашь мнѣ то, что родилось у тебя дома, такъ провожу тебя домой.» Онъ подумалъ: «если кобыла или корова отелилась, такъ могу обѣщать; навѣрно, не жена моя, потому что она никогда не рождала» Онъ обѣщалъ то, что родилось въ его отсутствіи, чтобы только достигнуть своего дома. «Такъ бери съ собою ящикъ — » сказалъ провожатый — «и отправимся!» Скоро мужъ былъ готовъ и въ одно мгновенье очутился у себя дома. Здѣсь жена его родила прекраснаго ребенка и вмѣстѣ съ нимъ она привѣтствовала мужа. Въ горести бѣднякъ просилъ провожатаго оставить ребенка у матери еще на нѣсколько лѣтъ. Тотъ согласился на предложеніе и сказалъ: «пусть сынъ твой останется здѣсь; а когда я пришлю за нимъ, такъ отдай, а не то бѣда.»

Прошло нѣсколько лѣтъ; мальчикъ выросъ и сдѣлался такимъ сильнымъ: какъ только до кого дотронется, такъ и убьетъ. Когда онъ узналъ, что отецъ обѣщалъ его нечистому, онъ сѣлъ на коня и отправился искать его. Онъ все ѣздилъ, пока конь не усталъ; но онъ не думалъ кормить коня, а пѣшкомъ отправился дальше. Наконецъ онъ пришелъ къ морскому берегу, вблизи котораго находилось озеро и между ними былъ небольшой перешеекъ. Возлѣ озера росъ дубъ; вокругъ него и на всемъ перешейкѣ было открытое мѣсто. Мальчикъ взлѣзъ на дубъ. Съ него онъ увидѣлъ корабль, который плылъ къ берегу въ заливъ; изъ корабля вышла толпа молодыхъ дѣвушекъ и отправилась купаться въ озеро. Онѣ

положили свои платья у корня дуба и пошли въ воду. Мальчикъ тихонько слѣзъ съ дуба, утащилъ платье лучшей дѣвицы и съ нимъ опять взлѣзъ на дерево.

Вышли дѣвушки изъ воды и каждая взяла свое платье; а самая хорошая не нашла. Ищутъ ихъ вездѣ; наконецъ замѣтили мальчика на дубѣ. Тогда дѣвица обѣщала выйдти за него за мужъ, если онъ отдастъ ея платье. Услышавъ это, мальчикъ слѣзъ съ дерева, отдалъ ей платье и узналъ что она дочь того нечистаго, которому отецъ обѣщалъ его. Тотчасъ онъ спросилъ ее, гдѣ ея отецъ. Тогда дѣвица сказала ему: «возлѣ горы у дворца въ землѣ ломъ, съ кольцомъ на концѣ; кто его не вытащитъ, тотъ не взойдетъ во дворецъ. Все таки попробуй свою силу, возьми этотъ платокъ; онъ сдѣлаетъ тебя невидимымъ и будетъ доставлять тебѣ всякую пищу. Если взойдешь во дворецъ, такъ сперва зайди ко мнѣ, тогда я твоя невѣста.»

Они разстались, а дѣвица съ своими подругами возвратилась на корабль; мальчикъ спряталъ платокъ дѣвицы и отправился ко дворцу такъ, какъ она ему велѣла. Онъ шелъ нѣсколько дней и доставалъ себѣ кушанья посредствомъ платка, подареннаго дѣвицей; наконецъ онъ пришелъ къ горѣ и нашелъ ломъ съ кольцомъ на концѣ. Земля вокругъ лома была очень истоптана, потому что многіе уже пробовали вытащить его и хотѣли взойти во дворецъ, но никто еще не былъ въ силахъ вытащить его. Однако мальчикъ не отчаевался, хотѣлъ попробовать свою силу и съ разу поднялъ ломъ и застучалъ имъ о стѣну дворца такъ, что кругомъ раздавалось. Нечистый услышалъ это и сказалъ другимъ: «когда такой шумъ раздался, значитъ, гости пріѣхали.» Потомъ пошелъ къ воротамъ посмотрѣть, кто могъ надѣлать этотъ шумъ и на своемъ ли мѣстѣ ломъ; но онъ никого не засталъ, а выдернутый ломъ валялся возлѣ стѣны. «Можетъ быть, уши обманули, когда здѣсь никого нѣтъ,» подумалъ нечистый — «но кто тогда вытащилъ ломъ? Въ самомъ дѣлѣ удивительно.»

Между тѣмъ мальчикъ отыскалъ дѣвушку. Онъ надѣлъ

платокъ, который она ему подарила, и такимъ образомъ пробрался въ ея комнату такъ, что его никто не замѣтилъ. Дѣвушка приказала ему идти — переговорить съ отцемъ; мальчикъ явился къ нему, просилъ его дочь въ супруги и сказалъ: «меня обѣщали тебѣ, потому я теперь сватаюсь къ твоей дочери. Какія ты дашь мнѣ задачи?» Не торопись, другъ мой — отвѣчалъ тотъ — во первыхъ, можешь построить дворецъ ни на небѣ, ни на землѣ. Потомъ ты долженъ въ одну ночь вспахать, посѣять, сжать, смолотить, смолоть и испечь мнѣ хлѣба на пищу. А наконецъ достать мнѣ на завтракъ трехъ глухарей съ желѣзными клювами изъ-за девяти морей. Когда мальчикъ разсказалъ это своей невѣстѣ, она ему отвѣчала:» въ конюшнѣ девять лошадей; переломи ноги у семи изъ нихъ; на остальныхъ мы убѣжимъ отсюда.» Мальчикъ сдѣлалъ, какъ она приказала, и они убѣжали. Нечистый все таки вскорѣ пустился вслѣдъ за ними; но дѣвица перечеркнула землю своимъ платкомъ и тутъ тотчасъ возникла такая гора, что нечистый долженъ былъ возвратиться домой за топоромъ. Потомъ онъ опять преслѣдовалъ ихъ, а дѣвушка превратила одну лошадь въ церковь, другую въ колокольню, а сама превратилась въ священника, мужъ въ пономаря. Нечистый не узналъ ихъ, взошелъ въ церковь, спросилъ: не видали ли они, не прошелъ ли кто нибудь? «Они уже давно на той сторонѣ рѣки,» отвѣчали священникъ и пономарь. Бѣсъ тогда возвратился домой и увидѣлъ изъ своихъ книгъ, что они были въ той церкви, хотя онъ и не узналъ ихъ. Онъ снова пустился за бѣглецами, но дѣвица платкомъ сдѣлала такую рѣку, что онъ не могъ переправиться черезъ нее. Мальчикъ привелъ свою невѣсту домой.

14.

Освобожденіе изъ горы.

I. Чудная дубина.

Въ нѣкоторомъ городѣ жилъ царь съ прекрасной супругой. Однажды прогуливалась она въ саду и вдругъ пропала такъ, что ее никакъ не могли найдти. Отъ нее осталось три маленькихъ сына. Съ тѣхъ поръ минуло десять лѣтъ, и мальчики выросли. Однажды они спросили у отца: «отчего у насъ нѣтъ матери, а у другихъ есть?»—«И у васъ была мать,» отвѣчалъ имъ царь «да она уже давно пропала въ саду.» —

Тогда сыновья рѣшились отыскать свою мать, гдѣ бы она ни была; сперва старшій отправился въ путь, взялъ съ собой лукъ и мечъ, сѣлъ на коня и былъ таковъ. Ѣздилъ онъ нѣсколько времени и встрѣтилъ старика; старикъ и спросилъ его: «куда ты ѣдешь?» — Не твое дѣло — отвѣчалъ царевичъ; ѣду, куда мнѣ хочется. — «Однако скажи; вѣдь, отъ этого хуже не будешь,» сказалъ старикъ. А царевичъ все гордился и сказалъ старику: «молчи и убирайся!» Старикъ все таки не отставалъ отъ него и принудилъ его наконецъ сказать, куда онъ ѣдетъ. Тогда царевичъ сказалъ чтобъ отвязаться отъ него: «я поѣхалъ искать свою мать, а тебѣ что до этаго?» — Ахъ, царевичъ — отвѣчалъ старикъ — кажется, напрасно вы ее ищете: вотъ поѣзжайте по этой дорогѣ, попробуйте, выстрѣлите въ дубъ, который въ концѣ дороги. Если стрѣла угодитъ въ дубъ и пройдетъ черезъ него, такъ это знакъ, что вы найдете свою мать; потому что похитившій вашу мать сказалъ, что только тотъ ее найдетъ, кто прострѣлитъ этотъ дубъ. — Разстались они: старикъ пошелъ своей дорогой, а мальчикъ вскорѣ увидалъ дубъ и подумалъ про себя: «дай попробую, выстрѣлю въ него.»—Взялъ лукъ и выстрѣлилъ, но не попалъ въ дубъ; стрѣла пошла

мимо. Потомъ подумалъ: «не стоитъ обращать вниманье на слова старика;» и поѣхалъ дальше.

Ѣздилъ онъ нѣсколько дней; и когда онъ долго не возвращался домой, средній братъ отправился въ путь и поѣхалъ по той же дорогѣ, какъ и первый. Встрѣтилъ старикъ и его и спросилъ, куда онъ отправляется. Онъ долго не говорилъ ему; но наконецъ, чтобъ отвязаться, сказалъ, что онъ ищетъ мать свою. Старикъ приказалъ ему цѣлить въ дубъ и сказалъ, что онъ навѣрно найдетъ ее, если стрѣла попадетъ въ дубъ. Царевичъ выстрѣлилъ, но стрѣла полетѣла мимо дуба; онъ все таки продолжалъ свой путь и не возвратился домой въ назначенное время.

Тогда младшій царевичъ просилъ отца пустить его искать свою мать. Царь не хотѣлъ отпустить послѣдняго своего сына, но онъ все таки уѣхалъ и отправился по той же дорогѣ, какъ и братья. — Вскорѣ онъ встрѣтился съ старикомъ и подумалъ про себя: «дай-ко я спрошу у этого старика; можетъ быть, онъ знаетъ, какъ мнѣ найти мать.» — Пріѣхалъ къ старику, сталъ спрашивать: «не видалъ ли ты двухъ молодыхъ путниковъ, искавшихъ свою мать?» — Старикъ сказалъ, что видѣлъ ихъ и прибавилъ: они очень горды, даже не хотѣли говорить со старикомъ! А вы куда? — «Я тоже ищу свою мать — отвѣчалъ царевичъ не знаешь ли ты, старикъ, какъ мнѣ ее найти?» —Кажется, вы ее не найдете — сказалъ старикъ —; поѣзжайте къ дубу, если стрѣла угодитъ въ этотъ дубъ и пройдетъ черезъ него, такъ вы найдете ее. — Царевичъ поблагодарилъ старика за совѣтъ, поѣхалъ къ дубу, прицѣлился и прострѣлилъ его. Довольный этимъ царевичъ отправился дальше и вскорѣ пріѣхалъ къ большой горѣ, которая заграждала ему путь. Въ ней были большіе ворота и царевичъ хотѣлъ войти въ нихъ; но тутъ явилась служанка, запретила ему отворять ворота и сказала, что хозяинъ ея скоро воротится. Притомъ приказала царевичу удалиться поскорѣе, а то бѣда. Царевичъ послушался и поѣхалъ по дорогѣ, ведущей возлѣ горы, но спросилъ еще: «содержит-

ся ли у васъ такая-то женщина?» Дѣвушка созналась въ этомъ и описала ея наружность. «Это моя мать» — сказалъ тогда царевичъ и разстался съ дѣвушкою.

Черезъ нѣсколько времени онъ встрѣтился съ старшимъ братомъ, у котораго онъ началъ спрашивать, какъ идетъ дѣло; тотъ отвѣчалъ, что еще не могъ найти. «Я тоже не нашелъ» — сказалъ младшій и они поѣхали дальше, пока не встрѣтили средняго брата. Тотъ тоже сказалъ, что не могъ найти матери и присоединился къ нимъ. Вскорѣ они опять пріѣхали къ воротамъ въ горѣ, гдѣ уже былъ младшій братъ. Служанка опять стояла у воротъ; они спросили: дома ли хозяинъ? — Она отвѣчала, что онъ удалился по дѣламъ на три дня. Тогда они приказали ей отворить ворота; но она отвѣчала, что ихъ нельзя отворить, потому что на нихъ большой колоколъ, который звенитъ, когда они отворяются и что хозяинъ тогда тотчасъ возвратится. Что дѣлать? Подумавъ нѣсколько, царевичи выкопали подъ воротами большую яму и черезъ нее взошли въ гору. Дѣвушка сказала имъ, гдѣ ихъ мать и они пошли черезъ разныя комнаты, покуда наконецъ нё нашли ее въ послѣдней. Она была богато одѣта; прекрасная, золотая корона была у ней на головѣ; отличные башмаки на ногахъ; она сидѣла возлѣ стола и ничего не дѣлала. Когда она увидѣла, что взошли мужчины, она начала выть, какъ щенокъ; иначе она не умѣла говорить и царевичи не могли разговаривать съ нею. — Тогда младшій царевичъ пошелъ къ дѣвушкѣ и сказалъ ей: «это наша мать, но мы не можемъ добиться отъ нея ни одного слова.» — Испугайте ее — сказала дѣвушка — такъ она начнетъ говорить и заколдованность кончится. Царевичъ возвратился и выстрѣлилъ мимо уха матери; она испугалась, начала говорить и спросила у сыновей: чего вы ищете? — «Мы васъ ищемъ» — отвѣчали они — «мы ваши сыновья; пойдемте съ нами домой.» — Царица оставила всѣ свои украшенія и убѣжала съ сыновьями изъ горы. У воротъ сыновья велѣли ей вылѣсть первой, потомъ вылѣзъ старшій сынъ, а послѣ него сред-

ній. Какъ скоро старшіе вылѣзли, они наворотили большой камень на яму, оставили младшаго брата въ горѣ и отправились далѣе.

Онъ одинъ не могъ выкатить камень и долженъ былъ остаться въ горѣ. Началъ онъ ходить по горѣ и разсматривать отъ нечего дѣлать разныя вещи. Между прочимъ въ одной комнатѣ онъ нашелъ красивую дубину; онъ взялъ ее въ руки и удивлялся ея красотѣ. Осмотрѣвъ ее, онъ хотѣлъ опять положить ее на мѣсто, но она упала у него изъ рукъ. Какъ только она стукнулась о полъ, явился человѣкъ и спросилъ: «чего, милостивый государь, желаешь?» — Я желаю выбраться отсюда—отвѣчалъ царевичъ; человѣкъ пошелъ отворить ворота, и колоколъ на нихъ не звенѣлъ. Такимъ образомъ царевичъ освободился изъ горы, отправился домой, взялъ съ собой дубинку, хотя и не зналъ, что будетъ получать помощь, какъ только стукнетъ ею, потому что онъ думалъ, что человѣкъ случайно явился туда. Уставши, онъ сѣлъ на камень и бросилъ дубину на земь. Тотчасъ опять явился человѣкъ и спросилъ, чего онъ желаетъ. «Я хочу ѣсть» — отвѣчалъ мальчикъ; человѣкъ отправился за кушаньемъ. Между тѣмъ царевичъ подумалъ: «эта дубина, кажется, не изъ обыкновенныхъ; ею достанешь слугу; надо беречь ее.» Вскорѣ человѣкъ досталъ кушанье, онъ наѣлся, и человѣкъ унесъ остатки.

Откушавъ царевичъ пошелъ въ городъ, но не взошелъ въ царскій дворецъ, а нанялся въ работники у сапожника. Этотъ работникъ работалъ тоже на царскій дворецъ. Царевичъ началъ заниматься у него. Во дворцѣ теперь пировали отъ радости, что царица возвратилась; старшіе царевичи тоже были тамъ. Они солгали царю, что будто совсѣмъ не видали младшаго брата, а что нашли его коня, отчего заключили, что его дикіе звѣри растерзали и говорили, что они нашли мать въ горѣ. Правда, царь печалился о потерѣ своего сына, но не долго скучалъ о немъ, потому что опять была съ нимъ его супруга.

Царица вспомнила прекрасные башмаки, которые она

носила въ горѣ и сказала своему супругу: «не умѣетъ ли нашъ сапожникъ шить такіе башмаки? Вели ему снять съ меня мѣрку; но я думаю, онъ не возмется сдѣлать ихъ, если не погрозить ему смертью.» — Царь, желавшій во всемъ ей угождать, велѣлъ позвать во дворецъ сапожника, заказалъ ему такіе башмаки, какихъ сапожникъ отъ роду не видывалъ и грозилъ ему смертью, если они не будутъ готовы въ два дня.—Нельзя изобразить досаду сапожника; онъ возвратился печальный домой и разсказалъ все своей женѣ. — Тогда они оба начали грустить и мальчикъ спросилъ у нихъ причину этого. Сапожникъ закричалъ ему въ отвѣтъ: «не твое дѣло; чтобы то ни было, ты не можешь помочь.» — Мальчикъ однако не оставилъ его въ покоѣ и просилъ покорнѣйше, чтобы сказали и ему причину своей досады. Наконецъ сапожникъ пробормоталъ: «такіе-то вотъ башмаки заказали царицѣ, а ихъ никто не умѣетъ дѣлать.» — Не бѣда — сказалъ мальчикъ; — я сдѣлаю; дайте мнѣ только кожи и другихъ вещей, которыя понадобятся, такъ ужъ я сдѣлаю.—«Достать-то можно, да это не поможетъ»—отвѣчалъ сапожникъ, и пошелъ во дворецъ за принадлежностями къ нимъ.

Тогда мальчикъ приказалъ всѣмъ удалиться изъ комнаты, гдѣ онъ сталъ работать; и когда всѣ легли, онъ взялъ свою дубину, стукнулъ ею о полъ, и тотчасъ явился опять человѣкъ, который спросилъ, что онъ прикажетъ.—«Принеси тотчасъ сюда башмаки, которые царица забыла въ горѣ!»—Хорошо, сказалъ человѣкъ и вскорѣ принесъ ихъ. Утромъ сапожникъ пришелъ посмотрѣть, что мальчикъ сдѣлалъ и нашелъ его еще при работѣ. Вскорѣ онъ отдалъ башмаки мастеру, который унесъ ихъ во дворецъ, а кожу, которую мастеръ далъ, мальчикъ сжегъ въ печкѣ. Царица надѣла башмаки и была довольна ими. «Эти мнѣ больше нравятся, нежели тѣ, которые остались въ горѣ — сказала она — а удивительно, что нашъ сапожникъ умѣетъ дѣлать такіе башмаки; я не думала этого о немъ.» — Сапожникъ возвратился домой, получивъ хорошее вознагражденье. А

царица опять сказала своему супругу: «ты не повѣришь, мой другъ, какая отличная была у меня юбка, когда я была въ горѣ; не можетъ ли нашъ сапожникъ сшить мнѣ такую же юбку?» — Опять позвали сапожника къ царю; царь ему сказалъ: «сшей такую-то юбку, и если не сошьешь, такъ велю казнить тебя.» Онъ отвѣчалъ: я вѣдь не портной и не мастеръ до такихъ дѣлъ!—Но ничего не помогло, онъ долженъ былъ взять матерью и тащить къ себѣ домой.

Здѣсь онъ опять началъ грустить съ своею женою такъ, какъ не умѣлъ сшить юбку и не зналъ, что дѣлать. Мальчикъ опять спросилъ у нихъ причину ихъ печали и наконецъ сапожникъ разсказалъ ему все. «Не безпокойтесь»— сказалъ тогда мальчикъ — я прежде еще учился портному ремеслу; авось, съумѣю сшить такую юбку; уйдите только изъ этой комнаты и оставьте меня одного.» — Какъ скоро всѣ ушли, мальчикъ опять стукнулъ своею дубиной и тотчасъ явился человѣкъ. Мальчикъ приказалъ ему достать себѣ юбку изъ горы и тотъ мигомъ принесъ ее.— Утромъ рано мастеръ всталъ и пошелъ посмотрѣть, что мальчикъ сдѣлалъ ночью. Мальчикъ притворился, какъ будто работалъ очень прилежно, шилъ и гладилъ какъ ни попало и потомъ подалъ юбку мастеру въ руки. Тотъ обрадовался.—Тотчасъ пошелъ къ своей женѣ и сказалъ: «вотъ какой у насъ мальчикъ, и эдакую юбку сшилъ!» Жена тоже полюбовалась юбкою и мужъ поспѣшилъ съ нею во дворецъ. Царица надѣла ее: она была совсѣмъ въ пору. Она осталась весьма довольна юбкою, на которой были золотыя ленты и разныя украшенія; но прежде нежели сапожникъ успѣлъ уйти изъ дворца, она шепнула царю на ухо: «не съумѣетъ ли этотъ сапожникъ сдѣлать мнѣ такую корону, какую я носила въ горѣ?» — Можно попробовать — отвѣчалъ царь и далъ сапожнику рисунокъ съ заказываемой короны. Тотъ опять испугался и думалъ, что онъ теперь обрѣченъ на смерть; единственная его надежда былъ мальчикъ, который и прежде помогалъ ему въ

работѣ. Онъ взялъ у царя золота, изъ чего могъ бы сдѣлать корону и пошелъ домой. Увидалъ свою жену, разсказалъ ей свое несчастье и сказалъ: «не знаю, за что царь сердится на меня и зачѣмъ онъ заказываетъ мнѣ такія странныя вещи, какъ, напримѣръ, эдакую корону?»— Жена не могла дать ему никакого совѣта и онъ пошелъ къ мальчику и разсказалъ ему все. — «Если только-то, такъ не бѣда. Дайте мнѣ особую комнату, гдѣ я могъ бы работать, такъ корона утромъ будетъ готова.»

Сапожникъ былъ радъ этому и далъ мальчику комнату; сюда привезли всѣ инструменты, въ коихъ онъ будто бы нуждался при работѣ. Вечеромъ мальчикъ началъ работать, въ присутствіи мастера употребилъ раздувательный мѣхъ и вертѣлъ золотые шестики туда и сюда; а какъ скоро онъ ушелъ, мальчикъ взялъ дубину и стукнулъ ею о полъ. Тотчасъ явился человѣкъ. — «Принеси мнѣ золотую корону, которая въ горѣ» — сказалъ ему мальчикъ; тотъ вскорѣ принесъ ее и мальчикъ легъ отдыхать.

Рано утромъ всталъ мастеръ и пошелъ посмотрѣть на работу мальчика. Тотъ еще чистилъ корону и работалъ такъ, что потъ текъ у него по лицу и жаловался на трудность работы. Потомъ мастеръ взялъ корону и унесъ ее во дворецъ. Тамъ удивились ея красотѣ и искуству мастера, который сдѣлалъ ее. Она тоже понравилась царицѣ, которая сказала своему супругу: «эта корона точно такая, какъ и та, которую я имѣла въ горѣ; однако удивительно, что этотъ сапожникъ умѣетъ дѣлать такія вещи.» — Сапожника пустили домой и царь въ награду далъ ему кавалерскій знакъ; и онъ тоже удивился, какимъ образомъ сапожникъ могъ все это сдѣлать. — «Попробую еще разъ— подумалъ царь—дѣлаетъ ли онъ это человѣческимъ умомъ или съ помощью нечистаго?» — Онъ тотчасъ послалъ за сапожникомъ и сказалъ ему: «поставь отъ дворца до берега набережную пристань, по которой можно ходить на корабли и смотри, чтобъ она къ завтрему была готова.»

Сапожникъ опять съ досадой возвратился домой и разсказалъ своимъ, что царь не перестаетъ преслѣдовать его.—«А что онъ теперь хочетъ?»—спросилъ мальчикъ.— Онъ хочетъ мостъ до берега, по которому можно бы ему ходить на свой корабль, и чтобъ былъ готовъ къ завтрему. — «Это будетъ мое дѣло» — сказалъ тогда мальчикъ; сапожникъ успокоился и не думалъ больше объ этомъ. Ночью мальчикъ пошелъ гулять по улицѣ и стукнулъ о нее дубиною. Тотчасъ явился человѣкъ и онъ приказалъ ему позвать всѣхъ мужей изъ горы. «Ахъ — отвѣчалъ человѣкъ—ихъ всѣхъ негдѣ здѣсь помѣстить!» — Ну, такъ зови часть изъ нихъ!—сказалъ мальчикъ; и тотчасъ явилась большая толпа. Мальчикъ сказалъ имъ: «постройте отъ дворца до берега мостъ, да не мѣшкайте!» — Они тотчасъ взялись за работу и въ короткое время мостъ былъ выстроенъ и онъ не былъ деревянный, а стеклянный и на концѣ къ морю находился большой-славный домъ.

Утромъ царь увидѣлъ огромное строеніе и позвалъ всѣхъ своихъ людей смотрѣть его. Самъ мальчикъ находился въ домѣ; у дверей онъ поставилъ сторожей и велѣлъ принести себѣ изъ горы царскую одежду и корону.— Царь послалъ старшаго сына узнать, кто живетъ въ этомъ отличномъ домѣ. Онъ пошелъ на мостъ, но не могъ стоять на немъ, потому что онъ былъ гладокъ, какъ осенній ледъ; на колѣняхъ онъ наконецъ пробрался до конца моста. Когда мальчикъ увидѣлъ, что братъ его приблизился, онъ посредствомъ дубины призвалъ человѣка и послалъ его за розгами. Тотъ, какъ обыкновенно, исполнилъ приказаніе. Пробравшись на колѣняхъ до конца моста, царевичъ вошелъ въ домъ и преклонилъ колѣна передъ братомъ: онъ не узналъ брата и подумалъ, что это какой то чужой царь. Тогда тотъ приказалъ своимъ слугамъ бить хорошенько царевича. Они исполнили повелѣніе и потомъ выгнали его изъ дома. «Эхъ, ты! — сказалъ тогда средній братъ — не съумѣлъ прилично вести себя передъ чужимъ царемъ; по-

стой-ка я схожу: ужъ я знаю, какъ вести себя»; и отправился на берегъ. Едва-едва пробрался черезъ мостъ, потому что не могъ стоять на немъ; а пробравшись наконецъ черезъ него, онъ только кланялся передъ младшимъ братомъ. Тому его поклоны были ни почемъ; онъ велѣлъ бить и гнать его.—«Эхъ, вы дураки!—сказалъ царь, когда царевичъ возвратился полумертвый—кажется, не стоитъ посылать васъ, когда вы такіе болваны; я теперь самъ отправлюсь туда.»—Въ самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ было ужь ползти по мосту, но когда младшій царевичъ замѣтилъ это, онъ тотчасъ послалъ за нимъ лошадей и карету. Когда царь пріѣхалъ, царевичъ поцѣловалъ его и велъ себя, какъ обыкновенно передъ отцемъ. Потомъ онъ сказалъ царю: «я вашъ сынъ, тотъ самый, который отправился искать свою мать, и я собственно нашелъ ее; но потомъ встрѣтился съ братьями, вмѣстѣ съ которыми я освободилъ ее изъ горы; а они заперли меня въ гору, увезли мать съ собою и сказали, что меня нѣтъ въ живыхъ. Я же досталъ изъ горы материнскіе башмаки, юбку и корону; сапожникъ, вѣдь, не съумѣлъ бы сдѣлать ихъ!»— Тутъ онъ снялъ царскую одежду, тогда царь узналъ въ немъ своего сына и они вмѣстѣ отправились во дворецъ. Мать тоже узнала его и сказала, что дѣло было такъ, какъ разсказалъ царевичъ. Тогда царь рѣшилъ испытать дѣло, позвалъ къ себѣ старшихъ сыновей и спросилъ: не они ли заперли брата въ гору. Они должны были сознаться, когда замѣтили, что отецъ все знаетъ. Тогда царь велѣлъ строго наказать ихъ.

А младшій царевичъ стукнулъ дубиною, и тотчасъ явились работники, которые унесли мостъ съ домомъ.— Тѣмъ это и кончилось.

11. Чудная дудка.

Однажды царица родила трехъ дочерей. Тогда царь созвалъ всѣхъ предсказателей въ своемъ государствѣ, чтобъ

узнать судьбу своихъ дѣтей. Много предсказателей собралось во дворецъ и всѣ предвѣщали дѣтямъ гибель, если онѣ до двадцатилѣтняго возраста не будутъ скрываться отъ дневнаго свѣта. — Поэтому дѣтей скрывали и не пускали ихъ никуда изъ дворца; а младшей было ужь пятнадцать лѣтъ и царь подумалъ: «теперь больше не надо мучить ихъ въ темнотѣ; онѣ вѣдь взрослыя; ничего не сдѣлается, если онѣ и выйдутъ.» — Возлѣ дворца находился прекрасный садъ съ всякими деревьями и плодами; въ него царь пустилъ дочерей гулять и поставилъ кругомъ сторожей. Что же случилось? Когда дѣти начали играть между собою, онѣ вдругъ пропали и нигдѣ не могли ихъ найти. Во дворцѣ всѣ грустили объ этомъ несчастіи. Царь тоже былъ очень печаленъ. У него между прочими были три каммердинера и одинъ молодой конюхъ. Чтобъ угодить царю, каммердинеры вызвались искать его дочерей, взяли нѣсколько человѣкъ съ собой и отправились, а конюху не позволили ѣхать съ ними, хоть онъ и просился.

Недѣлю они напрасно проискали; тогда они возвратились домой за дорожнымъ припасомъ; отдохнувъ ночь во дворцѣ, они опять просили позволенія у царя и опять отправились на недѣлю розыскивать пропавшихъ. Конюхъ опять просилъ, чтобъ и его взяли съ собой, но они и теперь оставили его дома. — Мальчикъ грустилъ объ томъ, что его не взяли и пошелъ колоть дрова въ лѣсу. Тамъ къ нему подошелъ старикъ, который былъ гораздо выше обыкновенныхъ людей, и смѣясь сказалъ ему: «ты, милый, вѣдь еще не умѣешь колоть дрова, давай-ка я попробую.» — Мальчикъ тотчасъ замѣтилъ, что это не обыкновенный человѣкъ, но все таки не струсилъ, а думалъ только, что ему дѣлать. Вдругъ онъ ударилъ топоромъ въ пенекъ, притворился будто боится и сказалъ: «теперь не вырву топора; положи, пожалуйста, палецъ въ щель и подержи немного, чтобъ мнѣ можно было топоръ вырвать.» Старикъ положилъ палецъ въ трещину и не остерегся, а мальчикъ тотчасъ вырвалъ топоръ. У старика и прище-

мило палецъ; онъ и сталъ просить мальчика освободить его. А онъ нисколько не безпокоился о старикѣ, а сказалъ очень хладнокровно: «нѣтъ, не пущу тебя прежде, нежели ты мнѣ не скажешь, гдѣ пропавшія царскія царевны!» Если дѣйствительно отпустишь, такъ скажу! — «Я всегда исполняю данное слово!» — возразилъ мальчикъ и старикъ тогда сказалъ ему: всѣ три царевны находятся во власти горнаго духа. Младшая находится сто саженъ подъ землею въ желѣзной комнатѣ; у ней на головѣ желѣзная корона и на пальцѣ желѣзное кольцо. Средняя еще сто саженей ниже въ серебреной комнатѣ съ серебреною короною на головѣ и съ серебренымъ кольцомъ на пальцѣ; а старшая находится еще сто саженей ниже въ золотой комнатѣ и у ней на головѣ золотая корона, а на пальцѣ золотое кольцо. — «Хорошо, что знаю!» — отвѣчалъ мальчикъ — «а какъ ихъ освободить оттуда?» — Это легко — возразилъ старикъ — я тебѣ дамъ нужные инструменты, съ помощью которыхъ ты можешь пробраться въ гору; только отпусти меня. Тогда мальчикъ ударилъ топоромъ о пенекъ и такимъ образомъ избавилъ старика. Тогда тотъ далъ ему канатъ въ длину сто саженъ, мечъ, бутылку живой воды и дудку — и сказалъ: «эти вещи тебѣ нужны; а когда захочешь взойти въ гору, такъ затруби въ дудку, тогда я явлюсь.» — Они разстались; конюхъ пошелъ домой, а старикъ, Богъ вѣсть, куда.

Вскорѣ послѣ того каммердинеры возвратились домой, но ничего не нашли, и не слыхали о царевнахъ. Тогда конюхъ явился передъ царемъ и просилъ, чтобы и ему позволили искать царевенъ. Царь далъ ему позволеніе и сказалъ грустно: «врядъ ли найдешь ихъ, когда и другимъ не удалось; а попробуй все таки, коли хочешь.» Тотчасъ мальчикъ отправился въ дорогу и взялъ съ собой вещи, которыя ему далъ старикъ. Прибывши въ лѣсъ, мальчикъ, думавшій что его никто не видалъ, свистнулъ въ дудку и тотчасъ явился туда старикъ и спросилъ: намѣренъ ли ты идти? — «Да» — отвѣчалъ мальчикъ. —

Такъ иди за мной! — сказалъ старикъ и отправился съ нимъ. — А каммердинеры увидѣли, когда мальчикъ отправился изъ дворца и тихонько слѣдовали за нимъ, чтобы узнать, куда онъ пойдетъ. Съ изумленіемъ они увидѣли, что по его свисту явился странный старикъ, за которымъ потомъ онъ пошелъ. Они тоже пошли за ними. Пришедши къ горѣ, старикъ, равно какъ и мальчикъ, не знавшій что кто нибудь шелъ за ними по пятамъ, подошелъ къ скважинѣ въ горѣ, опустилъ мальчика на канатѣ, а послѣ того и самъ опустился. Спустившись сто саженъ, они пришли къ желѣзной двери, которая загородила имъ путь. Тутъ старикъ сказалъ мальчику: «проломи дверь мечемъ своимъ!» Мальчикъ такъ и сдѣлалъ; дверь отворилась и они взошли. Тутъ увидѣли они младшую царевну въ желѣзной комнатѣ, съ желѣзною короною на головѣ и съ желѣзнымъ кольцомъ на пальцѣ; но горный духъ, у котораго былъ большой рогъ на головѣ и одинъ только глазъ на лбу, сторожилъ ее. Онъ поднялъ голову. «Человѣческою кровью пахнетъ» — сказалъ онъ и всталъ; но дѣвица помѣшала ему. «Нѣтъ, говоритъ, здѣсь никого нѣтъ; воронъ взлетѣлъ надъ нами, у него былъ кусокъ мяса въ клювѣ.» Горный духъ былъ очень близорукъ и старъ, не замѣтилъ стоящаго у дверей мальчика, повѣрилъ дѣвицѣ и сѣлъ опять. Въ то время истопилась печь и возлѣ нея стоялъ большой ломъ, которымъ духъ всегда мѣшалъ огонь. Мальчикъ тихонько схватилъ этотъ ломъ, раскалилъ его на горнѣ и потомъ выкололъ духу глазъ. Духъ въ испугѣ вскочилъ, отбивался на всѣ стороны и ревѣлъ до того, что вся гора затряслась; но такъ какъ былъ слѣпъ, не могъ поймать мальчика, а тотъ мечомъ отсѣкъ ему голову. Тогда старикъ тоже взошелъ въ комнату и сказалъ мальчику: «теперь младшая сестра освобождена, сними съ головы ея корону и разруби на двое кольцо; возьми себѣ одну половину, другую отдай ей.» Мальчикъ сдѣлалъ такъ, какъ старикъ училъ; пересѣкъ мечемъ кольцо; взялъ самъ одну половину, а дру-

гую положилъ дѣвицѣ на палецъ; а корону оставилъ въ комнатѣ въ горѣ, и царевна вмѣстѣ съ мальчикомъ и старикомъ вышла изъ нея.

Теперь надо было освободить среднюю сестру. Старикъ спустилъ мальчика и освобожденную царевну еще на сто саженъ, а послѣ того и самъ спустился. Тутъ они наткнулись на серебреную дверь и старикъ опять приказалъ мальчику проломить ее мечемъ. Мальчикъ проломилъ дверь и они взошли въ серебреную комнату, въ которой жила средняя царевна, и у ней была серебреная корона на головѣ и серебреное кольцо на пальцѣ. Мальчикъ снялъ у ней корону и оставилъ ее въ комнатѣ, а кольцо пересѣкъ на двое мечемъ, взялъ одну половину себѣ и отдалъ ему другую; потомъ они всѣ вышли изъ комнаты. Старикъ опять спустилъ всѣхъ еще на сто саженъ и потомъ самъ спустился за ними. Они взошли въ золотую комнату, гдѣ повторилось тоже. Проломивъ дверь, мальчикъ взошелъ, снялъ корону съ головы старшей царевны и разрубилъ на двое кольцо ея. Послѣ того они стали вылѣзать изъ горы: сперва старикъ, а другіе за нимъ. Старикъ все время помогалъ имъ. Когда пришлось подниматься изъ послѣдняго отдѣленья, старикъ опять влѣзъ первый и потомъ опять помогъ царевнамъ и наконецъ хотѣлъ было помочь мальчику. Что же тутъ случилось? Каммердинеры пробрались къ трещинѣ, приблизились къ старику, который вытаскивалъ мальчика и какъ скоро увидѣли его, отсѣкли канатъ такъ, что старикъ не замѣтилъ и мальчикъ упалъ внизъ. Оттого старикъ испугался и убѣжалъ въ лѣсъ; а каммердинеры взяли царевенъ, повели ихъ во дворецъ и велѣли имъ клясться, что онѣ скажутъ царю, что они нашли царевенъ. Царевны принуждены были обѣщать имъ это и пришедши во дворецъ, каммердинеры явились передъ царемъ и сказали, что они нашли царевенъ. Когда царевны подвердили это, царь повѣрилъ имъ и хорошо наградилъ ихъ за такую услугу. А о конюхѣ не только царь, даже и никто не вспоминалъ, его уже

всѣ забыли; правда, царевны помнили его, но онѣ не смѣли ни слова сказать о немъ, потому что не могли нарушить свою присягу.

Однако конюхъ все еще былъ живъ. Когда отсѣкли канатъ, онъ упалъ внизъ и разбилъ все тѣло; а какъ скоро очнулся, вспомнилъ, что у него есть живая вода въ бутылкѣ, онъ хлебнулъ изъ нея и тотчасъ сдѣлался здоровымъ. Онъ началъ думать о своемъ несчастьи и пошелъ впередъ; тутъ онъ вспомнилъ дудку, которую старикъ далъ ему, и свистнулъ въ нее. Тотчасъ явился къ нему старикъ и спросилъ: отчего ты такъ грустенъ и плачешь, мой другъ? «Потому — отвѣчалъ мальчикъ — что въ вѣкъ не выберусь отсюда, хотя я и освободилъ царевенъ.» Здѣсь есть воронъ — сказалъ тотъ — авось, онъ тебя можетъ вынести! «Непремѣнно можетъ — отвѣчалъ мальчикъ — я до того проголодался и похудѣлъ, что не много вѣшу.» Тогда мужъ принесъ туда ворона, мальчикъ сѣлъ ему на спину и полетѣлъ. Въ короткое время воронъ вытащилъ его на свѣтъ.

Мальчикъ не зналъ, куда ему идти. Во дворецъ онъ не смѣлъ, потому что боялся каммердинеровъ, а жить ему было негдѣ. Думая объ этомъ, онъ взошелъ къ одному кузнецу, который жилъ возлѣ дороги и нанялся у него въ работники. Черезъ нѣсколько недѣль во дворцѣ понадобился кузнецъ. Именно, младшая царевна желала имѣть такую корону, какую она имѣла въ горѣ, и потому призвали хозяина этого мальчика во дворецъ. Бѣднякъ не хотѣлъ браться за эту работу, потому что былъ увѣренъ, что не съумѣетъ сдѣлать ее; но приказъ царя былъ строгъ и противорѣчіе кузнеца не помогло; онъ долженъ былъ сдѣлать корону. Онъ взялся за работу и черезъ нѣсколько дней сковалъ что-то въ родѣ короны и послалъ ее къ царевнѣ; но она не была довольна короной и отослала ее ему назадъ. Когда мальчикъ узналъ дѣло отъ мастера, онъ сталъ думать, не можетъ ли онъ достать царевнѣ такую корону; и когда вечеромъ куз-

нецъ легъ спать, онъ пошелъ за кузницу и свистнулъ на своей дудкѣ. Тотчасъ опять явился передъ нимъ старикъ и спросилъ: «чего ты желаешь, малый?» Мальчикъ отвѣчалъ: «царевна желаетъ такую корону, какую она имѣла въ горѣ, и я хотѣлъ бы доставить ей ее.» — «Можешь получить ее!» сказалъ старикъ и въ тоже мгновеніе она была здѣсь. Мальчикъ обрадовался, легъ спать и положилъ корону возлѣ себя на скамью.

Утромъ кузнецъ разбудилъ мальчика и тутъ увидѣлъ корону. Онъ крайнѣ удивился и спросилъ у мальчика: «какъ и зачѣмъ ты эту работу сдѣлалъ тайкомъ?» — Я совсѣмъ не дѣлалъ ее тайкомъ — отвѣчалъ мальчикъ — кажется, слышно было стукъ оттого, какъ я ковалъ всю ночь. «Ну, коли ты самъ совершилъ эту работу и она тебѣ удалась, сказалъ кузнецъ, такъ и неси теперь самъ корону къ царевнѣ, будетъ ли она довольна ею.» Однако мальчикъ все таки не пошелъ, а просилъ мастера отнести ее и чтобъ онъ сказалъ, что это работа ученика. Мастеръ наконецъ согласился идти, принесъ корону къ царевнѣ и сказалъ, что ее сдѣлалъ ученикъ. Царевна посмотрѣла корону, положила ее себѣ на голову, похвалила ее и сказала, что она точь въ точь такая, какъ та, которую она имѣла въ горѣ, а можетъ быть и лучше; щедро наградила кузнеца за работу, а царь обѣщалъ помнить его, если во дворцѣ когда-нибудь будутъ имѣть надобность въ кузнецѣ. Кузнецъ былъ доволенъ тѣмъ, что дѣло получило хорошій конецъ и что онъ со славою совершилъ большой трудъ; онъ уже хотѣлъ было возвратиться домой съ деньгами, но тутъ явилась средняя царевна и остановила его. Она увидала корону у сестры и сама тоже пожелала имѣть такую серебреную корону, какую имѣла въ горѣ. Потому она стала разговаривать съ кузнецомъ и дала ему рисунокъ, по которому онъ могъ бы сдѣлать. Правда, кузнецъ сказалъ, что это трудная работа, но онъ не смѣлъ отказаться, взялъ рисунокъ и отправился съ нимъ домой. Здѣсь онъ сказалъ мальчику: «можешь ли ты сдѣлать серебреную ко-

рону по этому рисунку?» Мальчикъ отвѣчалъ: меня, вѣдь, не учили выдѣлывать серебренныя вещи; я еще не привыкъ къ такому ремеслу; пойдемъ вмѣстѣ въ кузницу, авось, что-нибудь сдѣлаемъ. Весь день они работали и наконецъ корона была готова. Принесли ее къ царевнѣ, но она была недовольна ею и сказала, между прочимъ, что это не чистое серебро. Кузнецъ возвратился печальнымъ и разсказалъ дѣло мальчику. Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова, хотя и замѣтилъ тоску хозяина, но ожидалъ вечера; когда мастеръ легъ, онъ ночью отправился за кузницу и свистнулъ въ дудку. Старикъ опять явился и спросилъ, чего онъ хочетъ. «Я желалъ бы достать средней царевнѣ серебреную корону, которую она имѣла въ горѣ» — отвѣчалъ мальчикъ. — «Хорошо» — возразилъ старикъ и тотчасъ корона явилась къ нимъ. Мальчикъ опять легъ спать и положилъ корону возлѣ себя на скамью.

Утромъ кузнецъ, какъ обыкновенно, пошолъ разбудить мальчика и тутъ увидѣлъ возлѣ него серебреную корону. Тогда онъ сказалъ: «сколько ты хочешь за твою корону?» — Ничего не прошу, несите ее къ царевнѣ примѣрять. — Кузнецъ не хотѣлъ идти и приказалъ мальчику самому отнести свою работу; но мальчикъ отвѣчалъ: «нѣтъ, не мнѣ нужно идти; вѣдь, мастеръ важнѣе ученика.» — Наконецъ мастеръ самъ отнесъ корону во дворецъ, гдѣ царевна примѣрила ее и сказала: «эта корона точь-въ-точь такая, какъ та, которую я имѣла въ горѣ.«— Кузнецъ опять обрадовался, когда его благодарили; но это не долго продолжалось. Старшая царевна увидала серебреную корону у сестры и тотчасъ тоже пожелала имѣть такую-же золотую корону, какую она имѣла въ горѣ. «Какой у васъ ученикъ, что умѣетъ дѣлать такія прекрасныя вещи?» — сказала царевна кузнецу. «Если онъ съумѣетъ теперь сдѣлать такую корону, какъ и моимъ сестрамъ, я бы вышла за него и все царство ему бы принадлежало.» — Кузнецъ ничего не могъ отвѣчать на это; а получивъ рисунокъ у царевны, по которому

должно было сдѣлать корону, онъ отправился домой и отдалъ рисунокъ мальчику, говоря: «сдѣлай теперь по этому рисунку золотую корону, такъ получишь царевну въ супруги и все государство въ наслѣдство. Ты, кажется, съумѣешь сдѣлать и золотую корону, когда уже сдѣлалъ серебреную и желѣзную. Во мнѣ ты и теперь не имѣешь надобности, какъ и прежде.» — Сказавъ это, онъ ушелъ, а все таки въ тайнѣ хотѣлъ узнать, что мальчикъ теперь будетъ дѣлать. Потому онъ не легъ спать и удержался отъ сна, чтобы слышать; будетъ ли мальчикъ ковать въ кузницѣ или что другое дѣлать. Мальчикъ угадалъ намѣреніе мастера и тоже не уходилъ изъ своей комнаты, но ожидалъ, чтобъ хозяинъ заснулъ. Такимъ образомъ они стерегли другъ друга до полуночи, когда наконецъ кузнецъ крѣпко заснулъ. Какъ скоро мальчикъ услыхалъ, что хозяинъ спитъ, онъ тотчасъ всталъ и по прежнему пошелъ за кузницу и свистнулъ въ дудку. Опять явился старикъ и спросилъ: что онъ прикажетъ. — Мальчикъ разсказалъ старику все дѣло и сказалъ, что ему нужно золотую корону изъ горы, чтобы исполнить желаніе царевны. Въ непродолжительномъ времени онъ досталъ отъ старика корону, которую онъ желалъ, и потомъ опять легъ спать, а корону положилъ возлѣ себя на скамью.

Утромъ кузнецъ проснулся и тотчасъ пошелъ въ комнату мальчика. Здѣсь онъ увидалъ золотую корону на скамьѣ, удивился ея красотѣ и сказалъ мальчику: «ты настоящій мастеръ, когда въ одну ночь дѣлаешь такую работу; неси теперь самъ твою корону къ царевнѣ; увидишь: въ пору ли она или нѣтъ.» — Пойду, сказалъ мальчикъ и ушелъ. Однако онъ немного шелъ пѣшкомъ, а свистнулъ въ дудку и позвалъ къ себѣ прежняго старика; онъ и сказалъ ему: «теперь я долженъ нести эту корону во дворецъ, а мнѣ стыдно идти пѣшкомъ, достань мнѣ золотую карету съ тремя сильными лошадьми; такъ мнѣ лучше явиться къ царю.» — Это тоже очень можно,

коли не хочешь другаго — отвѣчалъ старикъ и тотчасъ мальчикъ досталъ желаемую карету и лошадей. — Сѣлъ мальчикъ съ короною въ карету и поѣхалъ на сильныхъ лошадяхъ. Между тѣмъ каммердинеры, которые знали обѣщаніе старшей царевны, послали убійцъ на дорогу, чтобы помѣшать ему явиться во дворецъ; но когда мальчикъ пріѣхалъ такъ богато, убійцы только поклонились и сняли шапки, удивляясь между собою, кто бы могъ быть этотъ знатный баринъ. Такимъ образомъ мальчикъ благополучно пріѣхалъ въ царскій дворецъ. — Здѣсь онъ вышелъ изъ кареты и съ короной въ рукахъ взошелъ въ палаты. Всѣ дворецкіе собрались тоже туда и удивлялись ея красотѣ. Царевна, которой она была назначена, просто прыгала отъ радости и сказала, что она была точно такая какъ та, которую она имѣла въ горѣ, если не лучше.

Это ободрило мальчика, онъ взялъ половину кольца изъ кармана, приблизился сперва къ младшей сестрѣ, на дѣлъ ее на ея палецъ и сказалъ: «не къ вашему ли пальцу принадлежитъ эта половина?» Всѣ должны были признать, что она туда принадлежитъ; потомъ онъ сдѣлалъ тоже самое съ среднею царевной и наконецъ со старшей и отдалъ имъ половинки отъ ихъ колецъ.

Царевна положила золотую корону къ себѣ на голову и сказала ему: «когда такъ, такъ ты мой и я твоя — и тебѣ принадлежитъ все государство.» — Созвали множество во дворецъ и сыграли конюху и царевнѣ такую свадьбу, что лучше нельзя. Ему позволили тоже наказать каммердинеровъ, какъ ему угодно. Однаго онъ заставилъ носить старые берестенники, другаго ѣздить на свиньѣ, а третьяго велѣлъ прогнать. Тѣмъ эта сказка и кончилась.

15.

Подарки чорта.

1. Инструменты, подаренные чортомъ.

Когда то жилъ былъ старикъ съ сыномъ въ избушкѣ въ лѣсу. Возлѣ избушки находилось множество большихъ березъ, въ которыхъ, какъ обыкновенно, жили стаи тетеревъ. Мальчикъ просилъ у отца позволенія застрѣлить ихъ, но отецъ всегда запрещалъ ему вредить хоть одному изъ нихъ. Разъ какъ-то мальчикъ не послушался, взялъ лукъ безъ вѣдома отца и выстрѣлилъ въ однаго тетерева; но только ранилъ его, потому что тетеревъ могъ еще немного летать и только черезъ нѣсколько времени палъ на земь. Мальчикъ отправился искать его и думалъ, что поймаетъ птицу, но какъ онъ только приближался къ ней, она все улетала дальше и такимъ образомъ заставила его бѣжать за собою нѣсколько верстъ. Въ сумеркахъ мальчикъ попалъ въ дремучій лѣсъ, мало по малу настала ночь и онъ долженъ былъ оставить тетерева, который вдругъ изчезъ въ лѣсъ такъ, что его было нигдѣ не видать, не слыхать.

Мальчикъ намѣревался идти домой, но не зналъ, куда идти. Настала темная ночь и онъ хотѣлъ было ночевать въ лѣсу, тутъ вдругъ мимо него пробѣжалъ чортъ, а за нимъ толпа волковъ, кусавшихъ его пятки. Мальчикъ тотчасъ схватилъ свой лукъ и застрѣлилъ одного волка. Другіе замѣтили это, испугались и пустились въ бѣгство. Чортъ обрадовался, подошелъ къ мальчику, поблагодарилъ его за то, что онъ избавилъ его и обѣщалъ ему большое награжденье, если онъ придетъ къ нему на домъ; на что мальчикъ и согласился. Тутъ мальчикъ, уставъ отъ ходьбы, тотчасъ легъ, а хозяинъ пошелъ въ лѣсъ за кушаньемъ, чтобы угостить своего гостя. Между тѣмъ служанка чорта старается разбудить мальчика, говоритъ

ему, что онъ находится на опасномъ мѣстѣ и совѣтуетъ ему бѣжать; но мальчикъ не просыпается; нѣсколько разъ только открывалъ глаза и снова засыпалъ. Возвращается чортъ изъ лѣса и приказываетъ дѣвушкѣ скорѣе готовить кушанье. Потомъ будили мальчика; но онъ не проснулся, и имъ пришлось однимъ кушать. Чортъ снова пошелъ въ лѣсъ за кушаньемъ, а мальчикъ и въ этотъ разъ еще на проснулся, и потому хозяинъ въ третій разъ отправился въ лѣсъ.

Тогда мальчикъ проснулся и началъ разговаривать съ дѣвушкою. Она узнала уже отъ хозяина, что мальчикъ сдѣлалъ ему добро и что онъ за то дастъ ему большую награду. Потому она не совѣтовала ему, чтобъ онъ уходилъ, а стала придумывать, чего бы ему просить въ награду и наконецъ приказала просить ту лошадь, которая стояла въ его конюшнѣ у третьихъ яслей на правой сторонѣ. Старикъ возвратился изъ лѣсу и приготовилъ кушанье; когда увидѣлъ, что мальчикъ уже всталъ, и напоилъ и напормилъ его до-сыта. Потомъ онъ спросилъ у него: «чего ты, другъ мой, желаешь отъ меня въ награду?» Ничего не хочу, кромѣ лошади, которая у третьихъ яслей на правой сторонѣ въ твоей конюшнѣ — отвѣчалъ мальчикъ — мнѣ далеко домой и пѣшкомъ я идти не могу. — «Ахъ, другъ мой! — возразилъ чортъ — ты требуешь слишкомъ много; она моя лучшая кобыла; бери чего тебѣ угодно, а ее мнѣ никакъ не хотѣлось бы отдать.» Но мальчикъ опять сказалъ, что онъ ни въ чемъ другомъ не нуждается и наконецъ чортъ долженъ былъ дать ему лошадь. Притомъ онъ далъ ему арфу, скрипку и дудку, и сказалъ: «когда ты будешь въ затрудненіи, такъ играй на арфѣ; если это не поможетъ, такъ на скрипкѣ; если и это даже не поможетъ, играй на дудкѣ, тогда помощь непремѣнно будетъ.» Мальчикъ поблагодарилъ хозяина за подарки, взялъ съ собою инструменты, сѣлъ на лошадь и удалился. На дорогѣ лошадь ему и говоритъ: «не ѣзди теперь домой, отецъ будетъ бить

тебя; а отправимся въ городъ, тамъ насъ хорошо примутъ«.

Мальчикъ согласился на предложеніе лошади и поѣхалъ въ городъ. Вскорѣ всѣ жители города узнали о немъ, потому что у него была славная лошадь. Царь тоже услышалъ о ней и самъ поѣхалъ посмотрѣть ее. Онъ хотѣлъ купить лошадь и обѣщалъ заплатить, чтобы тотъ ни потребовалъ; но кобыла сказала мальчику: «не продавай меня, а проси царя, чтобы онъ взялъ тебя къ себѣ въ конюхи и кормилъ бы тоже меня, и скажи, что тогда всѣ его лошади будутъ также красивы, какъ и я.» Мальчикъ сказалъ это царю, и царь согласился взять его къ себѣ, а стараго конюха удалилъ. Тотъ началъ лгать царю разныя вещи о мальчикѣ; но царь не вѣрилъ ему. Наконецъ онъ солгалъ царю, что будто мальчикъ говорилъ, что онъ возвратитъ царскаго коня, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ пропавшаго въ лѣсу. Царь пожелалъ имѣть стараго своего коня, потому позвалъ къ себѣ мальчика и приказалъ ему въ три дня отыскать коня; а не то, убьютъ его.

Въ досадѣ мальчикъ пошелъ къ кобылѣ и спросилъ у ней совѣта. «Не плачь, сказала она, ступай къ царю, проси у него сотню быковъ и вели разрѣзать ихъ въ куски. Потомъ отправимся съ ними въ дорогу и когда мы пріѣдемъ къ одному ключу, изъ него выйдетъ конь; но ты его не бери, втораго тоже не бери; а третьяго возьми и положи на него мою узду.» Мальчикъ сдѣлалъ по приказанію кобылы и поѣхалъ къ ключу. Изъ него вышли три коня; мальчикъ взялъ послѣдняго и взнуздалъ его. Тогда кобыла сказала ему: «теперь чортовы вороны хотятъ съѣсть насъ; бросай на дорогѣ куски, сколько только успѣешь и поѣзжай какъ можно скорѣе, такъ избавимся отъ нихъ.» Мальчикъ послушался, и такимъ образомъ ему удалось привести коня къ царю.

А старый конюхъ все еще не переставалъ сплетничать на мальчика. Теперь онъ сказалъ царю, что будто мальчикъ хвастался тѣмъ, что найдетъ царю его супругу, ко-

торая уже давно пропала безъ вѣсти. Потому царь заставилъ мальчика отыскать ее и если не найдетъ, грозилъ ему смертью. — Мальчикъ опять пошелъ къ кобылѣ и разсказалъ ей приказаніе царя. «Поѣзжай, отвѣчала кобыла, на мнѣ къ прежнему ключу и брось меня въ ключъ, такъ я превращусь въ царицу, которую ищутъ и которую чортъ превратилъ въ лошадь.» Мальчикъ поѣхалъ къ ключу; кобыла превратилась въ женщину и возвратилась съ нимъ во дворецъ. Царь обрадовался, поблагодарилъ мальчика въ присутствіи всѣхъ придворныхъ и далъ ему большіе подарки. Но все его не оставляли въ покоѣ. Теперь старый конюхъ сказалъ царю, что будто мальчикъ грозился убить царя и самъ сѣсть на его мѣсто.

Царь очень разсердился на мальчика и велѣлъ тотчасъ повѣсить его. Хотѣли было исполнить приказаніе; но тутъ мальчикъ просилъ у царя позволенія поиграть немного передъ смертью на арфѣ, и ему позволили это. А какъ скоро онъ началъ играть, всѣ палачи стали плясать. Мальчикъ игралъ весь день, всѣ плясали и устали до того, что рѣшили повѣсить его на слѣдующій день. Тогда народъ опять собрался смотрѣть, какъ будутъ вѣсить мальчика, но онъ теперь получилъ позволеніе играть на скрыпкѣ. Царь и весь народъ тотчасъ стали плясать и до того устали, что опять рѣшили повѣсить мальчика на слѣдующій день. Тогда мальчикъ началъ играть на дудкѣ, насилу получивъ на то позволеніе у царя. Царь велѣлъ привязать себя къ дереву, потому что боялся что опять будетъ плясать. Когда мальчикъ заигралъ, опять всѣ стали плясать. Даже привязанный царь шевелился до того, что изорвалъ свои платья и кожу. Тогда самъ чортъ явился на помощь мальчику и говоритъ: «что съ тобою, другъ мой, что такъ шумишь?» Меня хотятъ повѣсить — отвѣчалъ мальчикъ. «Хорошо,» сказалъ тогда чортъ и въ одно мгновеніе бросилъ въ воздухъ дерево, на которомъ хотѣли повѣсить мальчика. Потомъ спросилъ у него: «а кто тебѣ велѣлъ повѣсить?» Мальчикъ показалъ на привязаннаго царя и тотчасъ же чортъ

выхватилъ дерево, къ которому былъ привязанъ царь, и бросилъ его такъ, что оно вмѣстѣ съ царемъ пропало въ невидимыя облака. Такимъ образомъ мальчикъ избавился и народъ назначилъ его себѣ царемъ. Вотъ и сказка.

II. Золотой жеребецъ и золотой вѣникъ, неводъ и дудка.

Сынъ одного бѣдняка служилъ въ одномъ домѣ три года за хлѣбъ и никакого жалованья не получалъ. Въ томъ домѣ былъ лукъ; мальчикъ просилъ его себѣ за трехлѣтнюю службу и хозяинъ далъ его. Мальчикъ пошелъ и возлѣ дороги увидѣлъ высокую ель, а возлѣ нея чортову гору. Мальчикъ остановился, чтобъ посмотрѣть это чудное мѣсто; тогда сынъ чорта прыгнулъ изъ горы къ ели. Волкъ замѣтилъ его и погнался за нимъ, чтобы съѣсть его. Сынъ чорта въ испугѣ взлѣзъ на дерево, а волкъ все таки не оставилъ его, сталъ подкарауливать у корня и когда увидѣлъ мальчика, стоящаго на дорогѣ, просилъ у него себѣ помощи, такими словами: «застрѣли, братецъ, чортова сына на ели, такъ никогда не съѣмъ твоихъ животныхъ.» А чортовъ сынъ кричалъ: «застрѣли, любезный, волка; я тебя лучше награжу. А это вѣдь волчица: она народитъ много волчатъ и притомъ сама истребляетъ животныхъ. Если застрѣлишь ее, такъ дамъ тебѣ кожанныя рукавицы.» Мальчикъ застрѣлилъ волчицу; сынъ чорта слѣзъ съ дерева и сказалъ ему: «пойдемъ за наградой», и повелъ его съ собою въ гору.

Тамъ подарили мальчику золотаго жеребца и онъ хотѣлъ возвратиться съ нимъ, но сынъ чорта подошелъ и сказалъ: «не уходи еще; тебѣ еще дадутъ, оглянись только.» Мальчикъ пошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ оглянулся; его позвали назадъ и дали ему золотой вѣникъ. Сынъ чорта опять приказалъ ему оглянуться и не уходить. Мальчикъ послушался; его позвали назадъ и дали ему новый неводъ. Мальчикъ уже былъ доволенъ подарками, но сынъ чорта еще разъ повторилъ ему прежнее приказаніе. Тогда

дали ему мѣдную дудку. Съ этими подарками мальчикъ удалился потомъ изъ горы, а сынъ чорта пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, показалъ ему, гдѣ царскій дворецъ и сказалъ: «царь непремѣнно пожелаетъ имѣть твоего жеребца, но ты ни за что не продавай, лучше пусть онъ будетъ у тебя.» Сынъ чорта возвратился въ гору, а мальчикъ поѣхалъ во дворецъ.

Какъ скоро царь увидѣлъ золотаго жеребца, онъ захотѣлъ купить его, но мальчикъ отвѣчалъ что ни за что не продастъ его. «Такъ наймись ко мнѣ въ конюхи,» сказалъ тогда царь, «тебѣ никакой работы не будетъ, позволь только мнѣ навѣщать другихъ царей и королей на твоемъ жеребцѣ.» Мальчикъ согласился; нанялся въ конюхи, ничего не дѣлалъ и жилъ себѣ хорошо, какъ обыкновенно во дворцахъ. Когда другіе конюхи увидали, что онъ ничего не дѣлаетъ, а что они должны работать за него; они сердились на него и стали клеветать на него царю, и сказали: «милостивый царь! молодой конюхъ говоритъ, что можетъ сдѣлать и вашихъ лошадей такъ же блестящими, какъ его собственный жеребецъ.» Царь повѣрилъ имъ, пошелъ къ мальчику и сказалъ: «я тебя задушу, если ты не сдѣлаешь, чтобъ и мои лошади такъ блестѣли, какъ твой жеребецъ, вѣдь ты самъ сказалъ, что можешь это сдѣлать.» Опечалился мальчикъ, началъ плакать и пошелъ въ конюшню къ своему жеребцу. Тотъ спросилъ у него, о чемъ онъ плачетъ. Мальчикъ разсказалъ ему, что царь ему приказалъ. Тогда жеребецъ отвѣчалъ: «не плачь, малый! поди къ царю, проси чтобъ онъ приказалъ другимъ конюхамъ принести ночью въ конюшню пятьдесятъ ушатовъ воды. Потомъ когда ты обрызжешь лошадей золотымъ вѣникомъ, всѣ они будутъ златоцвѣтными, какъ я.» Мальчикъ сдѣлалъ такъ, какъ приказалъ ему жеребецъ и тѣмъ заслужилъ себѣ царскую благодарность.

Конюхи все еще не оставляли мальчика въ покоѣ и хотѣли его погубить, потому сказали царю:» молодой конюхъ говоритъ, что онъ темною ночью наловитъ лучшей рыбы.»

Царь повѣрилъ имъ и приказалъ мальчику исполнить это, если ему дорога жизнь. Мальчикъ опять разсказалъ жеребцу свое горе; тогда тотъ приказалъ идти къ царю и просить, чтобъ онъ приказалъ своимъ конюхамъ всю будущую ночь ловить рыбу неводомъ мальчика; а ему самому жеребецъ запретилъ браться за работу. Мальчикъ пошелъ къ царю, сказалъ ему такъ, какъ приказалъ жеребецъ и царь послалъ конюховъ ловить рыбу; слѣдовательно, за свою ложь они не могли спать уже другую ночь. Они ловили всю ночь неводомъ, а мальчикъ только смотрѣлъ за ними. Въ самомъ дѣлѣ, имъ удалось поймать такое множество всякаго рода рыбы, что царь удивился этому, когда увидѣлъ ихъ, и поблагодарилъ мальчика.

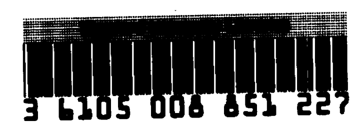
Конюхи все еще желали смерти мальчика. Царь не былъ женатъ; у него была невѣста въ другомъ царствѣ, а родители ея сердились на него и не отдавали ее. Конюхи знали это и сказали царю: «младшій конюхъ говоритъ, что можетъ похитить вашу невѣсту изъ другаго царства.» Тогда царь приказалъ ему сдѣлать это, подъ опасеніемъ смертной казни. Опять мальчикъ пошелъ разсказать это своему жеребцу. «Поди къ царю,» сказалъ тогда жеребецъ, проси, чтобы онъ приказалъ конюхамъ убить тридцать коровъ. Положи потомъ мясо въ сани; я повезу ихъ, и отправимся за невѣстою: когда дикіе звѣри явятся на дорогѣ, кидай имъ изъ этаго мяса такъ, чтобъ они остались ѣсть его.» Когда мальчикъ объявилъ царю, въ чемъ онъ нуждается, царь тотчасъ велѣлъ убить назначенное число коровъ; и мальчикъ потомъ отправился съ жеребцомъ въ дорогу. А когда дикіе звѣри приблизились, онъ бросилъ имъ мяса и такимъ образомъ пріѣхалъ на родину невѣсты. Тамъ спросили у мальчика, чего ему нужно. «Я пріѣхалъ за царской невѣстой,» отвѣчалъ онъ. «Не отдадимъ ее, пока не достанешь изъ бѣлой горы бѣлую лошадь; мы и сами не знаемъ, гдѣ эта гора; поди, отыщи ее,» отвѣчали ему.

Тогда жеребецъ сказалъ ему: «не плачь; брось твой кафтанъ мнѣ на спину и садись самъ; я знаю, гдѣ бѣлая гора;

поѣдемъ вмѣстѣ, такъ достанемъ желаемую бѣлую лошадь». Мальчикъ сѣлъ на жеребца и черезъ короткое время пріѣхалъ къ бѣлой горѣ. Тутъ онъ досталъ себѣ лошадь и опять возвратился. Когда онъ пріѣхалъ во дворецъ, тамъ пировали; цари и царевичи съѣхались туда съ разныхъ сторонъ. Что тебѣ нужно? опять спросили у мальчика. «Отвезти домой царскую невѣсту.» Не получишь, если не узнаешь въ этой толпѣ — отвѣчалъ ея отецъ. Мальчикъ разсказалъ это своему жеребцу; тогда тотъ сказалъ ему: «невѣста та, у которой муха на кончикѣ носа.»

Такимъ образомъ мальчикъ узналъ невѣсту царя и наконецъ ему позволили возвратиться съ нею домой. Что же случилось? Конюхи послали одного человѣка подкараулить, чтобы узнать когда мальчикъ возвратился изъ чужаго царства. Когда этотъ издали увидалъ мальчика съ царской невѣстою на колѣняхъ, онъ побѣжалъ къ царю и сказалъ: «молодой конюхъ подъѣзжаетъ, и съ нимъ ваша невѣста; онъ держалъ ее, какъ свою жену и смѣялся съ ней надъ вами.» Тогда царь ужасно разсердился и приказалъ казнить мальчика на слѣдующій день. Мальчикъ ничего не зналъ объ этомъ; пріѣхалъ домой, отдалъ царю невѣсту; но царь былъ очень сердитъ, прочиталъ ему смертную казнь и приказалъ ему на слѣдующій день голову отрубить. Радость мальчика, ожидавшаго благодарности, превратилась въ печаль и онъ пошелъ въ конюшню, чтобы поплакать и разсказать все своему жеребцу. Тогда тотъ сказалъ ему: «не бойся и не безпокойся! Поди къ царю и попроси его приказать другимъ конюхамъ выкопать большую яму и наполнить ее смолою и скажи, что лучше ты пойдешь самъ въ нее, нежели допустить отрубить себѣ голову. Но взойди въ нее тогда только, когда протрубишь три раза въ дудку, которую ты досталъ въ чортовой горѣ.» Мальчикъ пошелъ къ царю; тотъ согласился на его просьбу (ему вѣдь все равно, какимъ бы образомъ мальчикъ ни умеръ) и приказалъ другимъ конюхамъ выкопать яму. Они охотно исполнили повелѣніе и думали, что теперь уже имъ нечего бояться мальчика. Когда

яма была готова, всѣ высшіе и низшіе собрались смотрѣть, какъ сожгутъ мальчика. Уже потащили его къ ямѣ, тутъ онъ попросилъ у царя позволеніе потрубить три раза въ дудку. Царь позволилъ ему это. Какъ онъ въ первый разъ затрубилъ въ нее, всѣ упали на колѣни; какъ въ второй разъ затрубилъ, всѣ легли на земь; а когда въ третій разъ затрубилъ, царь съ конюхами прыгнулъ въ яму съ горячею смолою, гдѣ они и погибли. Мальчикъ теперь сдѣлался царемъ и женился на невѣстѣ прежняго царя. Вотъ и сказка.

3 6105 008 851 227

